

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГОД ИЗДАНИЯ

XII

1

~~ЯНВАРЬ~~ — ФЕВРАЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1963

СО Д Е Р Ж А Н И Е

М. В. П а н о в (Москва). О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX века	3
--	---

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

П. И в и ч (Нови Сад). К проблеме лингвистической терминологии и условных обозначений в славянских языках.	18
Н. И. Т о л с т о й (Москва). Из опытов типологического исследования славянского словарного состава	29
Б. А. С е р е б р е н н и к о в (Москва). О причинах устойчивости агглютинативного строя	46
В. Ю. Р о з е н ц в е й г (Москва). О языковых контактах	57
Пробный вопросник к общеславянскому лингвистическому атласу	67

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. П. П р о к о п о в и ч (Москва). Развитие адъективных словосочетаний в русском литературном языке XIX в.	75
В. П. Г у д к о в (Москва). Из истории славянского глагольного вида	86
В. М о т ш (Берлин). К вопросу об отношении между устным и письменным языком	90

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Из неопубликованного наследства Е. Д. Поливанова	96
Е. Д. П о л и в а н о в. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники	99

ПРИКЛАДНОЕ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

И. А. М е л ь ч у к (Москва). О стандартной форме и количественных характеристиках некоторых лингвистических описаний	113
В. З. С а н н и к о в (Москва). Место распространенного определения по отношению к определяемому слову в русской фразе	124

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Р е ц е н з и и

В. К. Ж у р а в л е в (Минск). <i>A. Furdal. Rozpad języka prasłowiańskiego w świetle rozwoju głosowego</i>	131
Е. С. К у б р я к о в а, И. П. А н а ц к и й (Москва). <i>H. Marchand. The categories and types of present-day English word-formation</i>	135
М. Я. Г л о в и н с к а я, В. Ф. К о н н о в а (Москва). <i>Z. Klemeniewicz. W kręgu języka literackiego i artystycznego</i>	142

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Р. Г. П и н т р о в с к и й (Ленинград). Письмо в редакцию	146
Л. С. Б а р х у д а р о в (Москва). Письмо в редакцию	149
Р. А. Б у д а г о в (Москва). Письмо в редакцию	150

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Б. А. С е р е б р е н н и к о в (Москва). Об основных докладах на IX Международном лингвистическом конгрессе	154
Хропикальные заметки	159
Книжки, журналы и брошюры, поступившие в редакцию	166
Список сокращений русских и иностранных периодических и продолжающихся изданий, принятых в журнале «Вопросы языкознания»	167

М. В. ПАНОВ

О НЕКОТОРЫХ ОБЩИХ ТЕНДЕНЦИЯХ В РАЗВИТИИ РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XX в.

(Основные позиционные изменения в фонетике и морфологии)

1

Понятие позиции является основным в современной фонетической теории. Введение этого понятия перестроило всю традиционную фонетику: более того, можно сказать, что только после введения понятия позиции и стала создаваться подлинно научная фонетика. Понятно стремление перенести учение о позиции в другие ярусы языкознания: в морфологию, синтаксис. Однако попытки построить грамматику на позиционной основе встречают ряд трудностей; зародилось даже подозрение: плодотворна ли позиционная интерпретация грамматики? Думается, плодотворна. Разочарования же иногда возникают потому, что учение о позициях переносится из фонетики в грамматику крайне упрощенно и механически. Ведь понятие грамматической позиции, по всей вероятности, сложнее, чем понятие фонетической позиции. Очевидно, что позиционность в фонетике представляет собой редуцированный вариант позиционности в грамматике.

Когда-то физика Ньютона претендовала на всеобщность; она стремилась объяснить все факты физического мира. Но оказалось, что она недостаточна для объяснения некоторых явлений; поиски выхода из этого тупика привели к созданию теории относительности. Формулы теории относительности при некоторых данных (при измерении скоростей, неизмеримо малых по сравнению со скоростью света) подвергаются упрощению и преобразуются в формулы Ньютона. Ньютонова физика оказалась лишь частным случаем, притом наиболее простым, физики Эйнштейна. Это закономерный путь в науке, который проходят и большие и малые открытия: сначала устанавливается частный случай какой-то общей закономерности, он пытается выдать себя за эту общую закономерность; начинаются мучительные попытки доказать повсеместность, всеобщую приемлемость этого частного случая. Частичную закономерность пытаются натянуть на все факты, и это понятно: ведь некоторые из фактов она прекрасно сумела объяснить. Но усилия напрасны. Выход можно найти не в попытках механически перенести частную формулу на все факты, а в преобразовании формулы, в поисках более сложной закономерности, которая при известных данных редуцируется до первоначально установленной простейшей закономерности. Очевидно, так дело обстоит и с поисками грамматических позиций. Существует позиционная система в грамматике; существует и в фонетике. Фонетическая — в упрощенной, редуцированной форме воспроизводит принципы системы грамматической (в этом и заключается, этим и ограничивается изоморфизм в языковых ярусах).

Плодотворным может оказаться такой путь поисков. Надо определить фонетическую позицию в наиболее общей форме. Эти наиболее общие черты фонетической позиции должны быть необходимыми чертами и грамматической позиции; но для описания ее они, очевидно, не окажутся

достаточными, и возникнет задача дополнить определенные позиции, чтобы можно было применить их ко всем ярусам языка. Как проще всего можно определить фонетическую позицию? Позиция — это окружение. В словах *дом* и *дам* гласные [о, а] находятся в одной и той же позиции: у них тождественное окружение. Описание любой позиции можно свести к указанию на соседство звуков (контактное или неконтактное; при этом степень неконтактности должна быть в каждом случае строго определена); это не снимает проблемы суперсегментных единиц (ударений, интонаций, диэрем), но позволяет не учитывать их в определении позиции особо, как отдельный фактор, характеризующий позицию. Например, в словах *обижать* и *убежать* первые гласные находятся в одинаковой позиции: после потенциальной паузы (диэремы) перед звуковым отрезком [б'и'жáт'].

Простое указание на конкретное звуковое соседство, конечно, мало плодотворно и не принесет большой пользы в изучении закономерностей языка. Частные позиции необходимо обобщать. В словах *обижать* и *убежать* начальные гласные стоят не просто перед одинаковым звуковым отрезком [б'и'жáт'], а во втором предударном неперекрываемом слоге¹. Следовательно, начальные гласные находятся в одной и той же позиции в словах: *обижать*, *убежать*, *учредить*, *обещать*, *изъявить* и т. д. Как обобщаются позиции? Позиция согласных перед [а] тождественна позиции согласных перед [о], потому что в обоих случаях возможны 34 согласных (и притом все они — те же самые). А позиция на конце слова уже иная: здесь возможны только 23 согласных.

Итак, чтобы определить позицию, надо: установить, в соседстве с какими единицами встречается одинаковый набор некоторых других единиц. Однако такое определение фонетической позиции еще очень не полно. Описание языка можно считать полным, если указать не только основные закономерности сочетания единиц (синтагматика языка), но и основные законы чередования единиц (парадигматика языка). Закономерности чередования и закономерности сочетания единиц внутренне различны; одни не сводятся полностью к другим; поэтому каждое языковое явление должно быть рассмотрено и в цепи парадигматических, и в цепи синтагматических отношений.

До сих пор позиция рассматривалась здесь в чисто синтагматическом плане. Речь шла о том, как возможности выбора фонетических единиц определяются соседними звуками. Соседними названы были звуковые сегменты, которые предшествуют во времени данной, анализируемой единице или следуют за нею. Но можно взять и другой план изучения, не синтагматический, а парадигматический. Предположим, в речевой цепи выделен элемент *Z*. Как определить позицию, в которой находился *Z*? Надо выяснить, в какой степени выбор этого элемента обусловлен соседними элементами. Например, в позиции перед [т] в русском языке возможны 15 согласных. В других позициях их возможно гораздо больше — до 34. Ясно, что позиция перед [т] ограничивает выбор языковых элементов; не все 34 единицы сочетаются с последующим [т]. Поскольку речь идет о возможностях сочетания, постольку данная позиция характеризуется синтагматически. Эта характеристика свидетельствует о том, что какой-то элемент *Z*, найденный в данной позиции, противопоставлен не 33 другим единицам, а только 14.

Однако эта синтагматическая характеристика позиции еще не полна. Сопоставим сочетания [пт] (например, в слове *шептать*), [чт] (например, в слове *чтут*) и [кт] (например, в слове *кто*). В одинаковой ли позиции находятся здесь [п, ч, к]? Синтагматически — в одинаковой. Все они

¹ Возможно и еще более общее определение этой позиции.

входят в число 15 единиц, возможных перед [т]; у всех у них нет здесь противопоставления по звонкости — глухости, по твердости — мягкости. Но [ч] и в других позициях не имеет противопоставлений по глухости — звонкости и по твердости — мягкости. Следовательно, в позиции перед [т] сохраняется максимально возможное в русском языке число различительных признаков у [ч]: позиция их не убавила. У [к] в других позициях (например, перед гласными) возможно противопоставление по глухости; это противопоставление у [к] в позиции перед [т] нейтрализовано, сведено к нулю. А противопоставлений по твердости — мягкости у [к] нет ни в одной позиции. Значит, положение перед [т] заставило звуковую единицу [к] потерять одно различительное свойство. Наконец, [п] в этой позиции потеряло два различительных свойства: противопоставленность по твердости — мягкости (перед [т] возможны только твердые губные) и по звонкости — глухости (перед [т] возможны только глухие). Надо сделать вывод, что положение перед [т] не одинаково для трех единиц — [ч, к, п]. Одна из них в этой позиции сохраняет все свои различительные качества, другая теряет одно, третья — два различительных качества. Как это было установлено? Мы сопоставляем [ч] в данной позиции и в другой, имеющей иной набор звуковых единиц (именно — с той позицией, где этот набор максимален). Таким образом, мы синтагматический анализ дополнили парадигматическим — рассматривали звуковую единицу в контрастных позициях.

Синтагматический и парадигматический план в изучении позиции можно обобщить следующим образом: определить позицию — значит указать, какие черты звуковой единицы, заданные парадигматически, нейтрализуются в данной синтагме. Возможны два крайних случая. Ни одна черта единицы, заданной парадигматически, в данной позиции не нейтрализуется. Например, под ударением в русском языке различаются пять гласных; ни в одной другой позиции нет большего их числа. Значит, здесь полностью выявляются их парадигматические особенности. Это парадигматически сильная позиция. Другая крайность. В заударной позиции между мягкими (в аллегровой речи) возможен всего один гласный — типа редуцированного [и]. Одинаково произносятся заударные гласные предпоследнего слога в словах: *вынеси, выпряги, залито, высеки, челюсти*; в парадигматически сильной позиции их соответствия, входящие в те же парадигмы, отличаются друг от друга (*нёс, пряжа, лить, сек, челюстной*). В этой заударной позиции безразлично, к какой парадигме принадлежит данный гласный, т. е. связан ли он с ударным [о], или с ударным [а], или с ударным [э] и т. д. Качества гласного целиком определяются синтагматически. Такую позицию будем называть синтагматически сильной.

Итак, две крайности. Первая: звук, который мы находим в речевой цепи, не обусловлен синтагматически, а целиком определяется парадигматически, т. е. этот звук находится в парадигматически сильной и синтагматически слабой позиции. Примеры: гласные под ударением, согласные перед гласными /а/, /о/, /и/. Если бы все позиции в языке были такого типа, то отпала бы надобность в понятии позиции. Ведь в любой синтагме количество возможных звуков было бы одинаково и набор их был бы функционально тождествен. Была бы налицо везде одна и та же позиция, т. е. ни одной. Вторая крайность: звук, который мы находим в звуковой цепи, не обусловлен парадигматически, а целиком определяется синтагматически, своим окружением; таким образом, этот звук находится в парадигматически слабой и синтагматически сильной позиции². Пример был

² Термины «парадигматически сильная позиция» и «синтагматически слабая позиция» нельзя считать синонимическими. Например, в сочетании *дочь бы* звонкое [ч] (т. е. [дж']) указывает синтагматическую связь между согласными; для [ч] это по-

приведен выше. Между этими двумя крайностями множество переходных случаев.

В историческом развитии языка некоторые позиции превращаются из парадигматически слабых в сильные (или в менее слабые), или из синтагматически сильных в слабые (или в менее сильные).

Какова общая схема этого процесса? Возможны два пути: проследим их на конкретном (хотя и искусственном) примере. В сочетании [пт], как уже говорилось, [п] по твердости — мягкости находится в слабой позиции. Можно указать, что все это сочетание обладает единым целостным признаком, распространившимся на два сегмента, на две стоящие рядом единицы: твердостью, причем на [п] не приходится особой, отдельной твердости. По твердости — мягкости [п] здесь находится в парадигматически слабой позиции и в синтагматически сильной. Как может быть парадигматическая ослабленность превращена здесь в парадигматическую независимость? Первый путь: перед [т] станут возможны и мягкие и твердые губные³. Тогда, наряду с сочетанием [пт], станет возможным сочетание [п'т], и позиция по этому признаку станет для [п] сильной. Мягкость и твердость [п] или [п'] будут заданы парадигмой, а не синтагмой. Итак, позиция из слабой превращается в сильную (парадигматически), если в ней оказываются представленными порознь (особыми, отдельными знаками) те парадигмы, которые ранее были нейтрализованы, т. е. были представлены одним знаком. Но возможен и другой путь. Представим, что во всех позициях будет представлен только один звук [п], т. е. во всех позициях не будет [п']. В таком случае уже нельзя будет считать, что непровосоставленность [п — п'] — свойство только данной синтагмы. Это тоже приведет к тому, что позиция для [п] в сочетании [пт] окажется сильной парадигматически в отношении твердости — мягкости: в этой позиции будет сохраняться парадигматически заданное безразличие к твердости — мягкости.

Возможны и другие пути превращения парадигматически слабой позиции в сильную; но для нас сейчас важны только эти два. Первый путь: увеличение числа возможных противопоставленных знаков в данном месте синтагмы (не только [п], но [п']). Второй путь: уменьшение числа возможных парадигм.

Говоря о позиции, мы упустили один очень важный момент. Если изучают отношения в синтагме [пт], то важно, к какой большей единице относится это [пт]; все сопоставляемые сочетания должны относиться к большим единицам того же типа. Пример покажет, насколько важно это условие. Перед [т] возможно только твердое [п]: *птаха, оптом, лапта* и т. д. Но этому правилу противоречат сочетания [пт] в таких случаях: *топь тут глубокая; да не сыпь ты мимо* и т. д. Здесь [п'] и [т] принадлежат разным словам (т. е. разным единицам более высокого порядка); поэтому и не осуществляется влияние одного согласного на другой. Оказывается, определяя позицию [п] перед [т], надо добавить: в пределах того же слова.

Итак, все синтагматические сопоставления должны быть даны в единицах тождественного типа. Эти единицы должны быть больше, чем единицы, непосредственно составляющие синтагму; например, изучая звуковые единицы [п] и [т], их сочетаемость, мы берем их в пределах слова. Слово может состоять из нескольких звуков; а звук никогда не состоит из нескольких слов; это и служит основанием, чтобы считать слово большей единицей, позиция парадигматически сильная (не утеряно ни одно различительное свойство) и синтагматически сильная: «приобретено» свойство общей звонкости для всего согласного сочетания; [дж'] свидетельствует, что далее следует звонкий шумный согласный.

³ Или в одних позициях только [п], в других — только [п'].

чем звук (несмотря на то, что возможны слова из одного звука). Но единица, в пределах которой сопоставляются меньшие единицы, должна обладать и еще одним свойством. В языке существует два взаимосвязанных плана: план значения (обозначаемого) и план звучания (обозначающего в узком смысле слова). Если изучаются синтагматические отношения звуковых единиц, то большая единица, в пределах которой находится синтагма, должна быть определена в плане единиц значения (например, слово, морфема); если же изучаются синтагматические отношения значимых единиц, то большая единица должна быть определена в плане единиц обозначающих, звуковых (например, сочетаемость морфем надо было бы изучать в пределах фонетического слова, т. е. такта: такт больше морфемы в том значении, какое было указано раньше). Это же требование относится к парадигматическим сопоставлениям. Чередование звуков можно установить только в пределах морфем и слов и т. д.⁴

Законы позиционного распределения относятся не только к фонетическим единицам и их сочетаниям, но и к единицам значения. «Смыслы» в языковой цепи дискретны; они прикреплены к определенным ее участкам. Можно было бы осуществить семантическую транскрипцию высказываний, в принципе совершенно подобную фонетической транскрипции. Отдельным смыслам присваиваются определенные знаки; если в речевой цепи попадаются отрезки с одинаковым смыслом, то в транскрипции повторяется тот же знак (при этом одинаковость устанавливается, как и в фонетической транскрипции, с определенной эмпирически установленной точностью). При сопоставлении семантических транскрипций может оказаться, что отдельные знаки могут сопровождаться определенными знаками и не могут сопровождаться некоторыми другими знаками. Эти особенности сочетания знаков смысла дают возможность (используя ту же технику, которая применяется в фонологии) объединить некоторые знаки, заменив их знаками более высокой степени обобщения, из аллосем построить семантемы.

Итак, если дано сочетание *АВ* и надо характеризовать позицию *А*, то для этого: 1) следует выяснить, какие другие единицы, кроме *А*, могут сочетаться с *В*. Сопоставление между собою всех единиц, возможных в данной синтагме (т. е. перед *В*), позволит выяснить, какие различительные черты есть у *А* в изучаемой позиции; 2) при сопоставлениях, описанных в пункте 1, необходимо все сочетания единиц с *В* брать в единицах одного и того же типа; они должны быть больше, чем единицы *А* и *В*, и принадлежать к тому плану языка, к которому не принадлежат *А* и *В*; 3) следует выяснить, к какой парадигме принадлежит единица *А*. Сопоставление ее с другими членами этой парадигмы позволит определить, обладает ли *А* максимальным количеством различительных признаков, возможных для членов данной парадигмы; 4) при сопоставлениях, описанных в пункте 3, необходимо все члены парадигмы *А* брать в единицах одного и того же типа; они должны отвечать условиям, указанным в пункте 2.

Здесь дано описание фонетической позиции в самом общем виде. В таком описании нет ни одного фонетического термина. Это дает основание попытаться применить указанное описание к изучению грамматических явлений; можно выяснить, в чем состоит недостаточность такого определения позиции для высших ярусов языка.

⁴ Ср. очень показательный пример определения парадигматически сильной позиции на морфемном уровне в работе В. Н. Сидорова «Непродуктивные классы глагола в современном русском литературном языке» («Р. яз. в шк.», 1951, 5, стр. 27—30). Изучаются морфонологические типы глагольных основ; поэтому они взяты в больших единицах (словоформах), определенных семантически: это формы 3-го лица мн. числа настоящего и будущего времени; формы прошедшего времени.

Морфологические образования *пришел, пришла* встречаются в одной позиции: *я пришел, я пришла*. Следовательно, это отдельные, позиционно независимые морфологические образования, «инварианты». В указанных сочетаниях они находятся в парадигматически сильной позиции. С другой стороны, есть синтагмы типа *он пришел, она пришла*; в каждой из них возможна только одна из форм. В этих синтагмах формы типа *пришел, пришла* находятся в парадигматически слабой, синтагматически слабой позиции.

Ввиду непротивопоставленности в этих позициях форм *пришел, пришла* они здесь лишаются парадигматического содержания; единственное назначение окончаний *-а* и нулевого — показывать связь одного члена синтагмы с другим, т. е. задача чисто синтагматическая. Это достаточно полная параллель к синтагматическим связям в фонетике. Н. С. Трубецкой верно указал на то, что позиционные ограничения имеют свою синтагматическую функцию: позиционно зависимый член всегда указывает на качество члена, который вызвал зависимость, и поэтому всегда подчеркивает связь в ряду сочетающихся единиц. Итак, два ряда факторов: в синтагмах *я, ты, Григоренко, Милле, забияка, шимпанзе... пришел, пришла* формы с окончанием *-а* и с нулевым окончанием образуют отдельные парадигмы; выбор их не вызван позицией. Напротив, в синтагмах *она, Мария, Нелли, учительница, дочь, мисс, Кузьминична... пришла*, и в синтагмах *он, Иван, учитель, Кузьмич, подмастерье... пришел* родовые формы глагола находятся в парадигматически слабой позиции.

Можно ли в фонетике найти полную аналогию этим фактам? Это сделать нетрудно. В сочетаниях [та, да] единицы [т] и [д] встречаются в одной и той же позиции и представляют разные парадигмы; звонкость и глухость согласных здесь не обусловлена позиционно и служит целям различения больших единиц. Но в сочетаниях [тна] (например, в слове *отпасть*) и [дба] (в слове *отбавить*) те же [т] и [д] находятся в парадигматически слабой позиции, и их звонкость или глухость является вынужденной. Следовательно, в каждом из сочетаний типа *он пришел, она пришла* налицо нейтрализация единиц, обусловленная позиционно. При этом в каждом случае позиционный заместитель совпадает с одним из инвариантов в сильной позиции (полная аналогия с приведенным раньше фонетическим примером).

Легко проверить, что наше описание позиции родовой формы глагола полностью отвечает предложенному ранее образцу таких описаний. Дано сочетание двух единиц *АВ*, т. е. *он пришел*; чтобы определить позицию формы *пришел*, надо выяснить, какие еще единицы сочетаются со словом *он*. Важно, что другие родовые формы не вступают в сочетание с *он* (в пределах большей единицы: предикативного словосочетания)⁵ (см. пункты 1 и 2 на стр. 7). Следует принять во внимание парадигматические отношения, т. е. возможность у форм *пришел — пришла* в другой позиции быть самостоятельными показателями рода, взаимно противопоставляться (пункты 3 и 4)⁶. Отсюда следует в качестве вывода характеристика этих позиций. Следовательно, схема определения позиции, данная раньше, здесь нашла свое применение.

⁵ При этом анализируемые формы определены по их морфологическому составу: в исходе *-а* или ноль; большая единица — по семантическому: предикативное сочетание.

⁶ При этом анализируемые формы определены по их морфологической характеристике (форма с *-а*, форма с нулем после тождественных морфемных комплексов), а большая единица — по семантической: предикативные сочетания *я пришел, я пришла*.

В каком направлении развивается описанная система позиций в русском языке? Давно отмечено одно важное изменение, которое сначала произошло в просторечие, потом перекечовало в разговорные стили литературной речи, а теперь утверждается в нейтральном стиле, в самой сердцевине литературного языка. Теперь говорят и пишут: *Доктор пришел* и *Доктор пришла*, *Председатель сказал* и *Председатель сказала*. В сочетании со словами типа *доктор*, *председатель* позиционная закрепленность форм *пришел*, *пришла* уменьшилась; вместо одной формы стали употребляться две. Поэтому в таких сочетаниях глагольные флексии *ноль* и *-а* перестали выполнять только синтагматическую роль, только указывать на связь единиц в речевой цепи, но наполнились и парадигматическим содержанием: независимо от подлежащего, они сами указывают на пол лица, которое совершает действие. Ранее было сказано, что превращение парадигматически слабой позиции в сильную возможно двумя путями: или в результате увеличения числа единиц в данной позиции, или в результате выравнивания элементов данной парадигмы в разных позициях. Здесь развитие шло первым путем.

С какими существительными возможны сочетания типа *Доктор пришел* (*пришла*)? Это слова мужского рода со значением лица. Если у слова мужского рода есть соотносительное с ним слово женского рода, то такого освобождения позиции не происходит; например, невозможны сочетания *учитель*, *ткач*, *доктор*, *поэт* *пришла*, так как есть соотносительные существительные: *учительница*, *ткачиха*, *докторка*, *поэтесса*. Но при словах *инженер*, *прораб*, *доктор* нет соотносительных существительных женского рода; поэтому-то и возможно сочетание *доктор* *пришла*. Сейчас стали неупотребительны (в стилистически нейтральной речи) слова *председательница*, *директриса*, *инспектриса*, *кондукторша*; поэтому и оказались возможны сочетания *директор*, *инспектор*, *кондуктор* *пришла*.

Итак, есть связь между освобождением единиц типа *пришел* — *пришла* (в определенной позиции) и строением единиц типа *учитель* — *учительница*. Надо дать позиционное толкование состава этих единиц. Есть морфологические отрезки: *учитель-*, *писатель-*, *ткач-*, *поэт...* Обобщим эти отрезки, назвав их, например, *A*. К *A* могут присоединяться два зависимых элемента: B_1 — флексия *-а* с предшествующим суффиксом, который обусловлен этой флексией и характером основы; например, *учительница*, *писательница*, *ткачиха* и т. д.; B_2 — нулевая флексия (мужского рода). В одних случаях возможны оба сочетания: AB_1 и AB_2 (*учительница*, *учитель* и т. д.), в других возможно только одно AB_2 (*директор*, *инженер*). В последнем случае позиция после *A* (позиция зависимости от *A*) оказывается несвободной для чередования B_1 и B_2 . Вместо двух элементов оказывается возможным только один. Таким образом, после таких *A*, как *учитель*, *ткач* и пр., «словообразовательная» позиция для *B* парадигматически сильная; после же *врач*, *председатель*, *инструктор* позиция для *B* парадигматически слабая. Следовательно, слабая позиция для грамматического элемента в пределах слова (для аффикса) вызвала здесь усиление грамматической позиции для конструкций типа *врач* *пришла*. Позиционная скованность в словообразовательном ярусе вызвала позиционное раскрепощение в ярусе словоизменительном.

*

В случаях сильного управления глагол требует определенного поясняющего слова в определенной форме. Отсутствие дополнения вносит изменение в семантику глагола (ср. *Он уже пишет* и *читает* = умеет, способен писать, читать). Естественно считать, что в последнем случае налицо нулевое дополнение, которое и преобразует семантику глагола. Кроме этих

обязательных дополнений, связанных с глаголом с сильным управлением, существует множество возможностей связать с глаголом существительные при помощи так называемого слабого управления. Например, при каждом глаголе возможна форма твор. падежа с предлогом *с*, имеющая значение совместности (*он + глагольная форма + с кем-то*)⁷.

При сильном управлении одно слово определяет выбор парадигматической формы другого. В отличие от согласования, этот выбор определяет не флексия главного слова, а его основа. Она влечет за собой возможность и необходимость выбора определенной грамматической формы поясняющего слова; так как выбор возможен только один, то противопоставления падежей здесь нейтрализованы: формы род., дат., вин., твор. падежей в сочетаниях *боятся кого-то, нравятся кому-то, хвалят кого-то, интересуются кем-то* семантически тождественны. Пока мы находимся только в пределах русского языкового сознания, мы можем предполагать «естественность» распределения падежей при сильном управлении, но сопоставление с синонимическими конструкциями в другом языке (например, польском) покажет полную условность и опустошенность этих падежных форм.

Другое дело — так называемое слабое управление. Здесь форма зависимого слова не вызвана характеристикой главного, не определяется принадлежностью главного к определенной группе глагольных образований. Все это давно известно и освещено в ряде работ; я здесь повторяю это, крайне схематизируя факты, чтобы подчеркнуть принципиальную разницу между сильным и так называемым слабым управлением, которое в сущности не отличается от примыкания; связь между словами *сделал впопыхах* и *сделал с неудовольствием* в принципе одинакова.

Отношения в синтагмах *я пришел, я пришла* коренным образом отличаются от соотношения в синтагмах *он пришел, она пришла*. В первом случае возможен выбор родовой формы в зависимости от общего содержания высказывания; во втором случае выбора нет: использование той или иной формы уже предрешено выбором подлежащего. То же различие налицо и в случаях сильного и слабого управления. Глагол *интересуется* предрешает выбор падежной формы существительного: *интересуется чем-то*; место сильноуправляемого слова должно быть непременно занято; другие же места («слабоуправляемые») не ограничены выбором форм; здесь возможно, как при любом другом глаголе, использование разных падежных форм, контрастирующих друг с другом и поэтому парадигматически полнозначных.

Синтагматически сильная позиция, т. е. с синтагматически обусловленной формой слова, для некоторых сочетаний со связью управления изменяется в парадигматически сильную, т. е. в такую, где форма слова обусловлена только парадигматически. Напомню модель подобного процесса в фонетике. В сочетании [пт] невозможно [п'], но оно возможно в других, сильных позициях и дает в них контраст по твердости — мягкости (ср. сочетания [п'а — па]). Следовательно, в сочетании [пт] налицо парадигматически слабая (и синтагматически сильная) позиция для [п]: это [п] не обладает всеми различительными признаками, на которые оно способно в других позициях. Превращение этой позиции в сильную состоялось бы в том случае, если бы [п'] исчезло вовсе, во всех позициях. Так дело обстоит и с падежными формами. Растет число имен, у которых нет форм косвенных падежей; они не встречаются в тех позициях, где обычны косвенные падежи. Разумеется, отсутствие косвенных падежей равно неизменяемости, т. е. непадежности слова. Перечислю несколько фактов.

1. Вместо того, чтобы говорить, как учат грамматические руководства,

⁷ Следовательно, сильноуправляемое дополнение стоит в позиции «после глагола» (или «при глаголе»), слабоуправляемое слово стоит в позиции «после сочетания глагола с сильноуправляемым дополнением» (или «при этом сочетании»).

с тридцатью пятью тысячами восьмьюстами пятьюдесятью семью сейчас обычна разговорная форма с *тридцать пять тысяч восьмьсот пятьдесят семью*⁸. Склонение частей составного числительного упраздняется или становится менее строгой нормой.

2. Склонение: *этот Григоренко, этому Григоренке, этого Григоренку* и т. д. становится достоянием учебников, а в речи такие имена не склоняются.

3. В сочетаниях типа *Москва-река* (явно еще не ставших идиомами) первая часть имеет тенденцию перестать склоняться. Протесты пуристов не в силах помешать распространению этой тенденции.

4. Распространяются несклоняемые аббревиатурные существительные: *ООН, НАТО* и т. д.

5. Распространяются аналитические прилагательные⁹.

Всюду так или иначе пробивает путь тенденция использовать падежно-неизменяемые единицы вместо падежно-изменяемых и гибких. Падежные формы — хороший пример парадигматического ряда, т. е. единиц позиционно взаимоисключенных. В синтагмах с сильным управлением падежная форма присутствует в качестве единственно возможной (здесь налицо позиционная взаимоисключенность). Если вместо разных позиционно обусловленных форм всюду используется одна, то ее надо рассматривать как позиционно безразличную: все ее качества заданы парадигматически, а не вызваны синтагматическим окружением.

Следовательно, при помощи распространения ряда аналитических форм имен в современном русском языке осуществляется превращение парадигматически слабых позиций в сильные одним путем, а при помощи распространения конструкций типа *врач пришла тот же процесс* реализуется другим из двух возможных путей.

Изменения в русской словоизменительной системе за последние полвека невелики. Важно, однако, отметить, что большинство из них связано с превращением парадигматически слабых позиций в парадигматически сильные¹⁰.

3

Распределение единиц в разных окружениях может быть трех типов.

А. Несколько функционально объединяемых единиц оказываются взаимоисключаемыми в разных окружениях: всегда возможна или одна из них, или другая. Например, суффиксы *-ота, -изна, -ева, -ость*, имеющие тождественное значение, встречаются после основ *красн-, желт-, син-, фиолетов-*. Но в каждом случае возможна только одна из единиц; не существуют в языке единицы *краснизна, краснева, красность*. Выбор той или иной единицы определяется качествами данного индивидуального контекста; после основы *красн-* должно следовать *-ота*, а после основы *желт-* (или *бел-*) возможен суффикс *-изна*, а не его синонимы. В морфеме *друг-, друг'-, друж-* (ср. с *другом, друзья, дружить*) чередуются фонемы <г, з', ж>. Это связано с изменением окружения (т. е. синтагматических связей), определяется последующим аффиксом. Надо знать в каждом случае особо, какой вариант корня следует употребить. Ср. *округ — округа* (а не *окружья*); следовательно, флексии множественного числа как определенный класс единиц не вызывают чередования <г—з'>; это чередование определено флексиями множественного числа только при основе

⁸ См. В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 305.

⁹ Другие случаи утраты падежной изменяемости слов см. в кн.: «Русский язык и советское общество. Проспект», Алма-Ата, 1962, стр. 52—54. Важные наблюдения о росте аналитичности в современном русском языке см. в работах: К. Н о г á л е к, K charakteristice ruštiny, «Kniha o překladání», Praha, 1953, стр. 154—155; V. S k a l i č k a, Vývoj jazyka, Praha, 1960, стр. 108—110.

¹⁰ Более подробный перечень этих случаев см. в кн.: «Русский язык и советское общество», раздел «Словоизменение».

друг-. Чередование фонем <г—з'> здесь не вызвано типизированными условиями окружения, а индивидуально определяется именно этим, единичным окружением¹¹.

Б. Напротив, чередование *друг — дружить* позиционно неизбежно; ср. *круг — кружить, услуга — услужить, вьюга — вьюжить*; это чередование обязательно и для неологизмов; ср. *овраг — обзовражить, бумага — забумажился*. Следовательно, перед флексией *-ить* корневое <г> систематически меняется на <ж>. Если даны две однофункциональные единицы (частицы *-сь* и *-ся*), использование их регулируется правилом: после основ, имеющих в исходе гласный, следует *-сь*, после остальных *-ся*. Здесь выбор единицы определяют типизированные условия контекста (а не индивидуальное, конкретное окружение).

В. Наконец, третий случай: у данной единицы нет однофункциональных дублетов (т. е. синонимов или функционально связанных полисемов). Например, частица *-ли*, в какие бы она синтагматические связи ни вступала, всегда избирается при значении вопроса. Возможен и такой случай: имеются однофункциональные дублеты (например, лексемы-синонимы), но они взаимозаменяются в любых контекстах (ср. *стачка — забастовка*). Этот случай тоже относится к группе В. Следовательно, в эту группу входят те случаи, когда появление данной единицы не обусловлено контекстом — ни его типизированными особенностями, ни его индивидуальным своеобразием¹².

Примеры, приведенные только что для чередований *A—B—B*, анализировались на грамматическом уровне. Но они имеют аналог и на уровне фонетическом. Тип *A* в области фонетики — это чередование фонем (ср. *друг — друзья, друг — дружить*)¹³. Однако с точки зрения фонетики эти чередования не отличаются от таких «чередований», как *друг — круг, друг — драг* и т. д. Фонетически это просто несовпадающие «инварианты»¹⁴. Тип *B* — позиционные чередования в пределах одной фонемы. Тип *B* — случай, когда чередования вариантов фонем отсутствуют (пример — фонема <ч'>).

Возможны следующие исторические изменения типов размещения единиц: *A → B, A → B, B → A, B → B, B → B*. Для современного русского языка наиболее актуально изменение *B → B*; оно и позволяет сделать вы-

¹¹ Чередования типа *A* могут быть описаны по схеме, предложенной выше (стр. 7). Например, в слове со значением «amicus» с фонемным рядом <дру-> сочетаются <г> или <з'>, в зависимости от следующего аффикса (пункт 1—2). Морфонема {г}, когда она представлена в данной морфеме фонемой <з'>, оказывается непротивопоставленной морфемам {з} и {з'} (пункт 3—4).

¹² Задается два вопроса: 1) есть ли разные единицы, функционально объединенные? 2) определяется ли их выбор типизированными условиями контекста? На каждый вопрос возможен ответ *да* (+) или *нет* (—). Возможны три случая: а) 1+, 2—; б) 1+, 2+; в) 1—, 2—. Это и есть перечисленные в тексте типы. Случай 1—, 2+ исключается как невозможный.

¹³ В грамматическом ярусе последний случай, как уже сказано, должен рассматриваться иначе: как чередование типа *B*.

¹⁴ Можно объяснить, почему чередования типа *A* как особая разновидность выделяются только на морфемном уровне. В словоформах *друг — другу — другом — друзьями — друзьями*... общего фонемного отрезка <дру-> вполне достаточно, чтобы признать здесь общий корень. Элемент <г> не может по законам морфемного членения слова считаться особым аффиксом или частью аффикса. Наличие слова *дружить* с закономерным, типа *B*, чередованием <г—ж> подтверждает, что <г> в словоформах *друг — друга*... не прибавка к корню, а его неотъемлемая часть. Тогда и <з'> в *друзья*... — часть корня. Следовательно, налицо чередование <г—з'> в составе корня. Все построено на том, что в морфеме с чередованием *A* есть часть <дру->, достаточная для отождествления морфем в разных словоформах, т. е. на том, что морфемы — это определенные фонемные фигуры. Напротив, сами фонемы фигур не имеют (не столько в тыняновском, сколько в ельмслевом смысле слова), и поэтому на фонемном уровне чередование типа *A* не выделяется как особый тип.

вод о том, что позиционная обусловленность единиц уменьшается. Но не менее актуально, по крайней мере для словообразования, и изменение $A \rightarrow B$ и $A \rightarrow B$. Если из двух синонимических единиц, размещенных по типу A , постепенно одна вытесняется, то тип A превращается в тип B . Если эти две единицы размежевываются и начинают использоваться в разных типизированных окружениях, то тип A превращается в тип B . В обоих случаях масса индивидуальных «правил» заменяется немногими типизированными правилами использования единиц (или даже одним правилом). Таким образом, и здесь налицо особый тип освобождения единиц от позиционного давления, если под позицией понимать любой — типизированный и нетипизированный — контекст, требующий определенного выбора одной из единиц функционально связанного ряда.

В случае A позиция определена данным окружением во всей совокупности его характеристик: фонетических, лексических, грамматических. Чередование *друг* — *другья* обусловлено таким контекстом: в морфеме, имеющей значение «amicus» и морфемный состав {друг-}, <г> заменяется на <з'> в формах множественного числа перед интерфиксом *-j-*. Превращение типа A в тип B связано с типизацией какого-то одного условия (или двух) из всей совокупности характеристик. В приведенном случае эта генерализация условий могла бы пойти одним из следующих путей: 1) во всех случаях [г] перед [j] заменялось бы звуком [з']; такое [з'] превратилось бы в вариант фонемы <г>; образовалось бы чередование типа B (в фонетическом ярусе). Типизированными оказались бы з в у к о в ы е условия; 2) во всех грамматических формах с интерфиксом *-j-* (другая возможность: с флексиями мн. числа) корневое <г> заменяется фонемой <з'>. В этом случае новое чередование типа B имело бы грамматический характер; 3) чередование могло бы охватить лексику с определенным типом значения; тогда оно приняло бы лексико-грамматический характер.

Но невозможен такой случай, чтобы генерализовались все условия, указанные для современного чередования *друг- / другья-*. Если это чередование «обобщится» так, что распространится на все единицы, отвечающие приведенному выше описанию (единицы со значением «amicus» такого-то морфологического строения, такого-то стиля, в таких-то грамматических формах), то это «обобщение» в конечном итоге приведет к нашей единственной индивидуально-неповторимой единице¹⁵.

Для словообразовательной системы русского языка XIX и XX вв. особенно характерно превращение чередований типа A в чередование типа B . Суффиксы отглагольных; прилагательных часто бывают многозначны; в сочетании с разными производящими основами они непозиционно (по типу A) варьируют свое значение. С течением времени у них активизируется качественное значение и вытесняется процессуальное; суффиксы уменьшают свою семантическую пестроту, становятся постепенно все более стандартными по значению (тип A заменяется типом B)¹⁶. Процесс этот, характерный для XIX в., продолжается и в современном русском языке.

«В области суффиксального и префиксально-суффиксального образования имен существительных с отвлеченным значением современный русский язык обнаруживает тенденцию к концентрации и к усиленному использованию немногих основных словообразовательных типов. Большая часть

¹⁵ Таким образом, условия, при которых осуществляется чередование типа A , и условия, при которых осуществляется чередование типа B , отличаются тем, что в одном случае они охватывают данные всех языковых ярусов, а в другом — одного. Возможны переходные случаи, когда чередование определяется условиями двух ярусов; ср. выше упоминание о возможной лексико-грамматической обусловленности чередования.

¹⁶ Е. А. Земская, Об основных процессах словообразования прилагательных в русском литературном языке XIX в., ВЯ, 1962, 2.

словообразовательных моделей в сфере категории отвлеченности становится или стала непродуктивной. Это обстоятельство вызвано тем, что основные значения, связанные с категорией отвлеченности, значения качества в отвлечении от предмета (или опредмеченного качества), значения состояния и действия в процессе исторического развития русского языка становятся все обобщеннее, внутренние же оттенки и различия в кругу того или иного из этих общих значений определяются как лексическим содержанием слова и его морфологическим строением (прежде всего — строением основы), так и соединением его с другими словами в составе словосочетания и предложения¹⁷, т. е. определяются типизированными условиями сочетаемости аффиксов. Тенденция к использованию немногих словообразовательных типов всегда означает вытеснение одними аффиксами других, синонимических. Словообразовательные аффиксальные синонимы в русском языке распределяются, как правило, по типу А; вытеснение некоторых из них продвигает словообразовательную систему к тому состоянию, когда данное значение при всех основах передается одним аффиксом. Именно в «современном русском языке чрезвычайно остро и наглядно выступает тенденция к ускорению и распространению немногих обобщенных словообразовательных типов»¹⁸. Таким образом, в речевом потоке число случаев, когда данное грамматическое значение передается аффиксом Х, все возрастает, число передач его аффиксами У, Z падает; движение идет к тому, чтобы закрепить взаимодозначное соответствие между грамматическим значением и его аффиксальным выражением¹⁹. Это и есть путь от типа А к типу В. Но почти все словообразовательные процессы в современном русском языке характеризуются именно устремлением к взаимодозначным соотношениям обозначаемого и обозначающего²⁰.

С другой стороны, продуктивные модели интенсивно вытесняют многие синонимические непродуктивные образования; аффиксы этих вытесняемых моделей постепенно превращаются в аффиксоиды. Они становятся наростами на корне, подобно таким отрезкам, как *-унок* в слове *рисунок* или *-арус* в слове *стеклярус*. Потеря продуктивности, сокращение числа слов, в которых представлен данный аффикс, обычно ведут к угасанию грамматической самостоятельности и отдельности аффикса. Он превращается в синтагматически закрепленный наполнитель слова или в бесмысленную «прокладку» (*Verbindung Morphem*) между семантически полноценными морфемами.

*

Распространение и дифференциация типов слабого управления, замены связи согласования связями примыкания, «соположения» и т. д. говорит о том, что и в синтаксисе происходит движение от позиционной связанности

¹⁷ В. В. Виноградов, Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии, сб. «Вопросы теории и истории языка...», М., 1952, стр. 125—126.

¹⁸ В. В. Виноградов, Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии, стр. 128. Ср. также ряд фактов и обобщений в статье В. В. Виноградова «Вопросы современного русского словообразования...» («Р. яз. в шк.», 1951, 2).

¹⁹ Взаимодозначное соответствие между обозначающим и обозначаемым можно считать одним из проявлений агглютинативности в строе языка (ср. W. D o g o s z e w s k i, Podstawy gramatyki polskiej, I, Warszawa, 1952, стр. 134). Тогда, очевидно, можно считать, что современному русскому языку свойственна устремленность к усилению агглютинативных моделей. См. И. Лекоев, Отклонения от флективного строя в славянских языках, ВЯ, 1956, 2, стр. 19; е г о ж е, Tendencje rozwoju gramatycznego w językach słowiańskich, «Poradnik językowy», 1958, 10, стр. 483; V. S k a l i č k a, указ. соч., стр. 108—110.

²⁰ Более подробное описание этих словообразовательных процессов см. в кн.: «Русский язык и советское общество», раздел «Словообразование».

к «раскрепощенности». Возрастание значения слабого управления за счет сильного — это усиление соотношений типа *B* за счет соотношений типа *A*. Распространение соположения за счет согласования — это усиление отношений *B* за счет отношений *B*.

4

В современном русском языке позиционная скованность согласных уменьшается. Например, в сочетаниях «зубной согласный + мягкий губной» (*зверь, бве*) еще в начале века были возможны только мягкие зубные. В настоящее время широко распространено и устойчиво произношение в этой позиции твердых зубных; но сохраняется в определенном круге слов и произношение мягких. Таким образом, перед мягкими губными оказались возможными и твердые, и мягкие зубные; ср. *разве* (с мягким [з']) и *развит* (с твердым [з]) и т. д. Подобные же процессы характеризуют и ряд других сочетаний согласных. Во всех подобных случаях в какой-то позиции становятся возможными звуки, ранее противопоказанные данному сочетанию.

В современной русской фонетической системе используется и другой путь превращения слабых позиций в сильные. Все шире распространяется произношение твердых губных в словах: *приготовьте, познакомьтесь, оставьте* и т. д. *семь, восемь* и т. д.; Раньше такое произношение характеризовали как петербургское; теперь оно широко известно в речи людей, владеющих литературным языком, и за пределами Ленинграда. Например, оно присуще многим дикторам московского телевидения и радио. В результате изменения произношения ряда грамматических форм (*любят, терпят, ставят, потрафят, кормят* с [ъ] во флексии вместо прежних *любят, терпят, ставят, потрафют, кормют*) мягкие губные оказались непредставленными перед лабилизированными гласными, за исключением форм *червя, голубю*. Процесс, следовательно, направлен к тому, чтобы в каждой позиции были либо одни мягкие (перед [э]), либо одни твердые губные. Когда эта тенденция полностью осуществится, то в языке исчезнет фонематическое противопоставление по мягкости — твердости у губных согласных, и все позиции по этому качеству для губных окажутся сильными.

С другой стороны, мы наблюдаем изменения в позиционном размещении гласных. Они все больше подвергаются позиционному влиянию: во многих позициях становится все более жестким отбор возможных гласных. Усиливается роль гласных как дублетов согласных. Гласные подчеркивают мягкость или твердость согласных и «охраняют» этот признак²¹.

Итак, в современном русском языке наиболее существенным процессом является уменьшение синтагматической зависимости многих классов единиц. Это изменение обычно (но не во всех ярусах) сопровождается контрпроцессом: усилением синтагматической зависимости некоторых других классов единиц (как правило, численно ограниченных) и уменьшением их функциональной нагрузки.

5

Определение позиции, данное на фонетическом материале, было использовано для определения и описания некоторых грамматических закономерностей. Однако обнаружилось и отличие позиций «верхних» ярусов от позиций фонетических. Фонетическое определение на грамматическом уров-

²¹ Подробнее эта тема изложена в кн. «Русский язык и советское общество» (см. раздел «Фонетика»). Там же дан перечень фактов, характеризующих все процессы, кратко упомянутые здесь.

не оказывается недостаточным. В фонетике позиционное влияние устанавливается в зависимости от определенного окружения. *Б* находится в позиции *А*, когда стоит рядом с *А*. Ясно, что для грамматики это условие несущественно: *А* может находиться в одном конце предложения, а *Б* — в другом, и все же между ними возникают отношения позиционной зависимости. Ср.: *Утром я ему все расскажу об этом; Я ему утром все об этом расскажу; Я утром все ему расскажу об этом; Об этом утром я все расскажу ему...* Меняется порядок слов, меняется окружение, но грамматические зависимости остаются неизменными. Очевидно, что в грамматике не только соседство указывает на позиционную зависимость; есть и другие способы подчеркнуть, что два элемента составляют одну синтагму.

Контраст между фонетикой и грамматикой в этом отношении, однако, не следует преувеличивать. Ведь и в фонетике соседство должно пониматься достаточно широко: важно не только контактное соседство, но и дистактное. В некоторых говорах неизбежно диссимилируются два [р], принадлежащих одному слову: *дилектор, секлетарь, колидор* и т. д. Позиционные отношения таковы: при наличии в слове звука [р] нейтрализуются фонемы <р—л> в предыдущей части того же слова. Этого достаточно, чтобы говорить о позиционной обусловленности: если в слове есть единицы *А* и *Б*, то *Б* влечет за собой определенный выбор единиц типа *А*. Точно так же и в предложении *Большую я совершил вместе со своим приятелем ошибку* синтагматическая зависимость между *большую* и *ошибку* обнаруживается в том, что единица *ошибку* влечет за собой выбор из парадигмы *большая — большой — больше — большого — больших* и т. д. одной определенной формы *большую*. *Большую* находится в синтагматически сильной позиции, т. е. показывает связи в синтагме и в парадигматически слабой позиции, так как противопоставление, например, формам *большого, большим* здесь нивелировано; сведена на нет и самостоятельная родовая зависимость этой формы. Напротив, в предложениях *Я помню тебя совсем маленьким; Я помню тебя совсем маленькой* налицо противопоставление *маленьким — маленькой* в одной и той же позиции; родовое различие перестает быть синтагматически обусловленным, возрастает (по сравнению с сочетаниями типа *большую ошибку*) парадигматическая независимость позиции; родовые окончания наполнены самостоятельной значимостью. В последнем предложении налицо такая синтагма: *помню тебя* (обусловливающий член, он определяет позицию другого члена) + *маленьким* (обусловленный член, он определяет позицию другого члена). Вместо *помню тебя* может стоять: *видел его, вспоминаю Ивана, встретил доктора*; вместо *маленьким* может стоять: *утомленным, сердитым, спешащим, сотым* и т. д. Схема отношений такова: «переходный глагол (определенного лексического значения) + прямое дополнение» = обусловливающий член синтагмы; «ими с флексией твор. падежа» = обусловленный член. Само по себе *помню*, без дополнения, не позволяет появиться форме *маленьким*, так же и *тебя* не мотивирует появления формы прилагательного в твор. падеже. Вместе же *помню тебя* влекут за собой появление формы *маленьким* (точнее: мотивируют возможность появления этой формы). Для того чтобы установить позиционную зависимость, достаточно определить, что *А* влечет за собой какое-то *Б*, что *А* ограничивает (или не ограничивает) выбор этих *Б*.

Позиционная связь в этом случае показана не соседством форм, а их флективной относительностью. Флексии показывают, что в предложении *Большую я совершил вместе со своим приятелем ошибку — большую* находится в зависимости от *ошибку*; эта зависимость полностью отвечает той формулировке позиции, которая была дана на фонетическом материале. В фонетике позиционная зависимость выражается только либо непосредственным соседством (т. е. примыканием), либо дистактным расположением—

причем всегда стандартизована степень дистактности. В грамматике это лишь один из способов показать, что два члена входят в одну синтагму. Кроме него, есть и другие, например аффиксальная связь. В грамматике, следовательно, усложняются способы указания на то, что две единицы составляют одну синтагму.

В фонетике и не могло быть иного способа указать на позиционную зависимость, кроме примыкания (или, шире, соседства). Предположим, дан ряд фонем. Мы хотим обозначить их позиционную зависимость не соседством, а введением ряда показателей. Но фонема — мельчайший различительный знак в языке; значит, в качестве позиционных показателей мы можем ввести только фонемы же (меньшего не дано). Получается ряд фонем, в котором одни сегментные единицы находятся в определенных позициях, другие — такие же единицы — указывают позиции. Но надо иметь способы различать те и другие единицы. Значит, необходимо ввести новые показатели, позволяющие отличить сегментные единицы от единиц, которые характеризуют позиции. В результате введения этих новых показателей получаем задачу еще более усложненную: у нас три типа фонем. Становится очевидным, что решение этой задачи приводит к появлению других все более и более сложных задач. Ясно, что в ряду мельчайших единиц, т. е. в фонемном ярусе, позиция может быть показана только примыканием. Развернутая, многообразная система показателей того, что две единицы составляют синтагму, представлена в грамматике; в фонетике она редуцирована до простейшей формы. Поэтому понятие позиции в фонетике естественно рассматривать как упрощение, как редукцию позиционной системы в грамматике.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

П. ИВИЧ

К ПРОБЛЕМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ *

1. Многочисленны причины — как внешние, так и внутренние, — по которым научная терминология никогда не может быть совершенной. С одной стороны, нужно учитывать сложность или гибкость понятий, которые термины должны обозначить; с другой стороны — невозможность для языковых знаков отразить все оттенки и все связи. Однако это не значит, что терминология как инструмент коммуникации не может быть более или менее эффективной в определенной области человеческой деятельности. Затруднения, возникающие из-за неадекватности терминологии, ставят перед лингвистами задачу ее улучшения, задачу постоянного характера, переходящую из поколения в поколение. Усовершенствование терминологии происходит в результате двоякого процесса: прогресса самой науки, т. е. все более ясного осознания тех понятий, которые означают термины, и более глубокого профикиновения в чисто терминологические проблемы.

Значительно больше, чем другие области лексики (и чем остальные области языка), научная терминология подчиняется воздействию сознательного вмешательства, направленного к тому, чтобы сделать ее более эффективной. Как правило, при такого рода вмешательстве должны сотрудничать лингвисты и специалисты соответствующей научной дисциплины. Положение лингвистической терминологии особенно благоприятно: здесь два специалиста совпадают в одном лице. Это создает исключительно благоприятные условия для вмешательства, обеспечивая ему надежность и ту авторитетность, которую оно не может иметь в других областях научного знания.

Сознательное вмешательство в терминологию не должно быть ни чрезмерно радикальным, ни слишком осторожным. Оно должно быть так уравновешено, чтобы не вызвать слишком резкой реакции; в то же время необходимо учитывать также, что терминология вообще в значительной

* Эта статья написана по постановлению II заседания (март 1962 г.) Международной терминологической комиссии (лингвистической секции), учрежденной на IV Международном съезде славистов в Москве в 1958 г. с целью развития лингвистической терминологии в славянских языках (по определению члена комиссии К. Гаузенбласа, с целью «регистрации, сопоставления, координации и унификации терминологии»). Проблемам, рассматриваемым в этой статье, было уделено много внимания на заседаниях комиссии, и по ним были сделаны доклады П. И в и ч е м «Об отношениях местных и международных терминов в славянской лингвистике» (на I заседании в Праге в марте 1960 г. — доклад подготовлен к печати в издаваемом комиссией славянском терминологическом сборнике, который выходит в Софии в издании Болгарской Академии наук) и А. В. И с а ч е н к о «Вопросы семантики термина» (на II заседании в Варшаве в марте 1962 г.; ср. также: А. В. И с а ч е н к о, Некоторые вопросы лингвистической терминологии, в частности славянской, ИАН ОЛЯ, 1961, 1). Комиссия надеется, что опубликование настоящей статьи вызовет более широкие обсуждения затронутых проблем.

степени есть дело договоренности, которая может меняться по соглашению или в соответствии с авторитетным решением квалифицированного органа.

Научная терминология несравненно больше, чем другие области языка, выполняет двойную коммуникативную функцию, будучи предназначена для коммуникации не только в национальных, но и в интернациональных сношениях. Несомненно, что первая задача проще, а важность второй задачи огромна благодаря возрастающей интенсивности научных взаимосвязей. Назначение научной терминологии славянских языков — еще более сложное, поскольку, кроме национального и общего интернационального аспекта, здесь необходимо учитывать и межславянский аспект. Этому аспекту придают большое значение интенсивные контакты между славянскими народами во всех направлениях, равно как и в научном. В вопросе о лингвистической терминологии к этому присоединяется еще и тот фактор, что сам объект терминологии в значительной степени специфичен и в то же время в большой степени является общим — это славянские языки с массой подобных или параллельных явлений.

Итак, славянские лингвисты, стремясь усовершенствовать свою терминологию, должны считаться со всеми тремя ее функциями: национальной, межславянской и общей интернациональной. Возникающие при этом противоречия могут ограничить маневренное поле реформатора и поставить под вопрос ценность всякой попытки сдвинуть дело с места. С другой стороны, если обнаружится, что какая-либо реформа оправдывается во всех трех аспектах, то это придаст исключительную серьезность требованию о ее проведении.

С этих тройственных позиций следует приступить и к проблеме отношения между терминами со славянской этимологией и так называемыми интернациональными терминами, построенными на основе греческих и латинских морфем. Эти два рода терминов создают две параллельные системы, обуславливающие дублирование в широких масштабах. Иногда обе формы сосуществуют в одном языке со стилистическим различием или без него, а очень часто славянские языки различаются между собой по выбору той или иной альтернативы. Никакой иной практической вопрос в славянской терминологии не затрагивает столь большого числа случаев, требующих выбора, что ставит унификацию лингвистической терминологии на центральное место в проблеме терминологической политики в славянской лингвистике.

2. Подходя к проблеме с точки зрения национального аспекта, мы обнаружим в отдельных славянских языках аргументы в пользу двух противоположных способов решения вопроса. В пользу термина со славянской этимологией в известной мере говорит ощущение чистоты языка. Это ощущение возникает в различных кругах и в различных случаях из двух источников. Его корни могут быть «патриотическими», точнее говоря — националистическими. Кроме того, заимствованные слова нередко по своей структуре, фонетической или морфологической, противоречат нормам данного языка настолько, что даже языковое чутье несведущего человека выделяет их в языке как иностранные элементы, не желательные в интересах гармонии и красоты языка. Конечно, пуризм в качестве средства национальной самозащиты, подлинной или мнимой, уже не актуален в славянских странах. Сознание того, что заимствование слов является одним из способов обогащения языка, проникло теперь всюду. Все сильнее дух интернационализма сопровождается развитием осознания значения международной взаимосвязи для всеобщего прогресса.

Что касается вопроса нарушения языковой структуры введением заимствованных слов, то тут дело обстоит не столь просто, хотя ценность этого

аргумента существенно снижается рядом обстоятельств. Прежде всего, лишь часть заимствованных слов обнаруживает в себе свойства, противные общим правилам структуры языка (вообще говоря, значительное количество «местных» калек, которые призваны заменить иностранные термины, образованы вопреки этим правилам, в подобных случаях популярно именуемым духом языка). Кроме того, в язык современной цивилизации вообще входит огромное число заимствованных слов. Некоторые иностранные суффиксы (-изм, -ист и т. д.) или префиксы (анти-) входят в настоящее время в число самых продуктивных словообразовательных морфем в славянских языках.

Параллельно этому наблюдаются отдельные изменения и в самой структуре языка. С распространением суффиксов -ира/-урова- быстро возрастает число двухвидовых глаголов во многих славянских языках. В сербско-хорватском литературном языке из числа возможных в настоящее время групп согласных насчитывается почти половина таких, какие обнаруживаются только в словах, заимствованных в течение XIX и XX вв. В данном случае мы оказываемся поставленными перед совершившимся фактом: сербскохорватский язык, до недавнего времени характерно не предрасположенный к «трудным» сочетаниям согласных звуков, теперь уже не обладает этим свойством. В этих условиях слова иностранного происхождения все меньше и меньше представляют собой своего рода исключение, своей характеристикой противостоящее общему положению в языке. Если бы для людей, не сведущих ни в иностранных языках, ни в этимологии, составлялись тесты, в которых они должны были бы указать, какие слова являются «своими», а какие «иностранными» из числа слов, входящих в терминологию, то результаты, очевидно, показали бы, что они с трудом различают эти две категории слов; таким образом, можно сказать, что граница между этими категориями слов существует прежде всего в сознании специалистов по языку. Если все это принять во внимание, то станет ясно, что у нас нет оснований «очищать» славянскую лингвистическую терминологию от слов латинского или греческого корня.

В качестве второго аргумента, который нередко приводится в пользу отечественных терминов, упоминается их ясность, представляющая собой большую дидактическую ценность. Такие термины, как *прошедшее время* или *губные согласные*, своей структурой раскрывают означаемые ими понятия и поэтому так легко понимаются и запоминаются. Это качество особенно ценно в школах и для распространения знаний о языке в широких массах. Данный аргумент в принципе очень серьезен и сохранил бы свою серьезность и на практике, если бы эти этимологически мотивированные термины в то же время были и семантически ясными. Однако при более внимательном анализе обнаруживается, что большая часть существующих лингвистических терминов со славянскими этимологиями в действительности являются кальками, более или менее точно передающими структуру своих греческих или латинских образцов и ни в какой мере не создающих ясного представления о понятии, к которому относятся; ср., например, русские термины *склонение* и *спряжение*. В сербскохорватском языке *придев* значит «adjectivum» (имя прилагательное), а *прилог* — «adverbium» («наречие»); однако в структуре этих двух терминов нет ничего такого, что бы исключало обратное распределение, т. е. чтобы *прилог* был «прилагательным», а *придев* — «наречием»; положение еще больше усложняется наличием третьего сходного слова — *прирок* в значении «praedikatum» (сказуемое). Термины ч.¹ *podmět*, сх. и слк. *podmet*, п. *podmiót* и т. д. да и р. *подлежащее* заставляют нас сомневаться в том, соответствует ли

¹ Предлагаемые сокращения наименований славянских языков см. ниже на стр. 27.

этот термин значению субъекта и не лучше ли было бы его применить для обозначения объекта.

Р. союз, если бы мы исходили из нетерминологического значения самого слова, по всей вероятности, скорее было бы понято как «синтагма», чем как «coniunctio». Русское слово *предложение* и сербскохорватское *предлог* при их употреблении в нетерминологическом значении имеют в основном одно и то же значение, при использовании же их в качестве лингвистических терминов в них вкладывается различное содержание, вообще говоря, одинаково необоснованное с точки зрения обычного значения этих слов. Не говоря уже о таких терминах, как *сложносочиненный* или *причастие*, даже в случаях, казалось бы, менее трудных, минимальны шансы на то, что школьник на основании структуры термина «угадает» его значение. Лингвист, свыкшийся со связями, которые ему известны, всегда находится в опасности переоценить степень ясности какого-либо термина с точки зрения человека без образования. Является ли совершенно ясным, например, термин *дательный падеж* (вообще говоря, относительно наиболее удачно образованный среди других русских названий падежей)? Действие давания подразумевает, за исключением субъекта (в номинативе), еще и два объекта — прямой в аккумулятиве и косвенный в дативе. В действительности лишь сравнительно небольшая часть терминов со славянской этимологией на самом деле является семантически ясной². В то же время преимущество семантической ясности имеют и некоторые термины иностранного происхождения, например *позиционный вариант* или *актив, пассив* (последние могут быть значительно лучше поняты, чем *действительный залог* и *страдательный залог*³).

В противоположность изложенным аргументам в пользу отечественных терминов, ценность которых при более подробном рассмотрении оказалась довольно ограниченной, выдвигается ряд доводов против употребления терминов местного происхождения.

а) Семантическая ясность термина может стать в большей степени недостатком, чем достоинством. Часто, казалось бы, ясный термин вводит не искушенного в лингвистике человека в заблуждение относительно выражаемого им понятия; например, это касается сх. *заменица*, п., слн. *zajtek*, мак. *заменка*, сх. *давнепрошло време*, слк. *dávnopínulý'cas* и т. д. Вообще же эволюционирует и концепция, в результате чего термины, на сегодняшний день кажущиеся точными, назавтра, возможно, будут признаны основанными на заблуждениях (*настоящее время*, например, как теперь общепризнано, не выражает только настоящее: это личная форма, нейтральная в отношении времени и модальности). Использование интернациональных терминов-этикеток позволяет избежать всех этих неприятностей.

б) С развитием науки создаются все более сложные понятия, характеризующиеся рядом свойств или предполагающие ряд логических операций; таковы *фонема*, *алломорфа*, *алгоритм* и т. д. Априори неправильно требовать, чтобы для таких понятий создавались термины, ясные для людей

² Касаясь мнемотехнической стороны вопроса, надо сказать, что дело обстоит несколько лучше. Если ассоциация обнаруживается даже позже, она все же содействует лучшему запоминанию термина. Естественно, это относится только к «полуясным» терминам (типа *дательный падеж*); в то же время большинство терминов, образованных на основе славянских морфем (таковы *родительный падеж* или *причастие*), не имеют и этого преимущества.

³ Когда речь идет о русской (да и болгарской) лингвистической терминологии, аргумент ясности имеет весьма ограниченную ценность из-за того, что грамматическая терминология в этих языках в значительной мере опирается на церковнославянский языковой материал и оторвана от бытового языка; это является отражением того исторического факта, что в средние века из всех дисциплин, не считая богословских, самой распространенной была грамматическая.

без специальной подготовки. Заранее можно с уверенностью сказать, что каждый семантически ясный термин будет вызывать односторонние, а может быть, и неправильные представления о содержании данного понятия. Для овладения таким понятием необходимо осознать теорию в ее целом и знать другие термины, составляющие вместе с данным терминологическую систему. Число терминов такого рода быстро растет, и будущее несомненно приведет к дальнейшему развитию в этом направлении.

в) Ясности отечественных терминов во многих случаях мешает столкновение с нетерминологическим значением тех же слов — например, сх. *количина* («просодическое» количество) или *врста* «тип флексии» могут означать соответственно и «количество» или «разряд, категория, вид»; термин *управљање* («управление») «*gestio*» может даже незаметно навязать ошибочное представление об отношении предлога и имени существительного. Столкновение с бытовым употреблением данных слов может иногда быть настолько опасным, что лингвисты охотнее пользуются словами той категории, которую лексикологи чаще всего называют *Zitatwort* (опять-таки используя иностранное слово, так как, например, сх. **цитатна реч* было бы недостаточно специфично и недостаточно ясно). Для выражения сосюровских понятий «*langue*» и «*parole*», как правило, мы встретим эти два французских слова в лингвистическом тексте на любом славянском языке. Совсем не случайно и очень симптоматично, что такого рода термины столь упорно держатся непереуведенными. Вообще, не говоря уже о таких исключительных случаях, ясно, что все более сильному современному требованию максимальной точности терминологии больше соответствуют интернациональные термины.

г) Некоторым отечественным терминам мешает и их полисемия внутри самой терминологической системы. Р. и бг. *наречје* означает и «*adverbium*» и «диалект»; сх. *број* — это и «имя числительное», и «число» (грамматическое и вообще не только грамматическое); слк. *spřsob*, сх. *начин* выражают и модальность и обозначают одну из категорий наречия (*прилози за начин* «качественные наречия»); сх. *вид* означает и глагольный вид, и отношение между склонениями прилагательных — определенным и неопределенным; сх. *род* употребляется и для глагольного *genus*, и для обозначения рода склоняемых слов; сх. *промена* может значить и «склонение», и «спряжение», и «исторический процесс изменения», и «альтернация» («чередование»). Лучшим выходом в таких случаях является принятие интернационального термина хотя бы в одном из значений отечественного термина.

д) К семантическим недостаткам, которые могут иметь отечественные термины, примыкают и формальные. Международные термины отличаются прежде всего такой краткостью, какую не всегда могут иметь описательные термины, образованные на славянском материале. Термин *plural* короче, чем *множественное число*, *imperativ* — чем *повелительное наклонение*, *imperfekt* — чем мак. *минато неопределено несвршено време*, *pluralia tantum* — чем укр. *іменники, які вживаються тільки в множині*, или блр. *назоўнікі якія ўжываюцца толькі ў множным ліку*. С длинностью термина обычно связана и его неспособность служить основой для продуктивных образований. В то время как сх. терминам *презент*, *претерит*, *перфект*, *аорист*, *имперфект*, *футур*, *императив*, *кондиционал*, *инфинитив* соответствуют прилагательные *презентски*, *претеритални*, *перфекатски*, *аористни*, *имперфекатски*, *футурски*, *императивски*, *кондиционални* и *инфинитивни*, от параллельных терминов *садашње време*, *прошло време*, *пређашње свршено време*, *пређашње несвршено време*, *будуће време*, *заповедни начин*, *погодбени начин* и *неодређени начин* прилагательные не образуются. Это приводит к тому, что авторы, которые принципиально применяют *будуће време*, а не *футур*, принуждены пользо-

ваться термином *футурски*. Точно так же при дублетах сх. *задњонепчани/веларни*, *предњонепчани/палатални*, *носни/назални* возможны словообразовательные производные только *веларност*, *веларизација*, *палаталност*, *палатализација*, *назалност*, *назализација*.

3. Если к нашей проблеме подойти с точки зрения межславянского научного сотрудничества, то сделанный вывод на первый взгляд покажется парадоксальным: облегчающими это сотрудничество являются неславянские термины, а затрудняющими — термины со славянской этимологией. Точнее: первые более или менее одинаковы, где бы ни пользовались ими в славянском языковом мире, а вторые чрезвычайно различны. Практически нет ни одного «собственного» языковедческого термина, который был бы одинаков для всего славянского мира, даже самый термин «язык» не одинаков для всех: р. *язык*, ч., слк., влуж. *jazyk*, мак. *јазик*, бг. *език*, сх., слн. *jezik* противопоставляются п. *towa*, укр., блр. *мова*. Значительно хуже дело обстоит для других основных понятий. Так, р., блр., укр. *слово*, ч., слк. *slovo*, влуж. *słowo* соответствуют п. *wyraz*, бг. *дума*, мак. *збор*, сх. *реч*, слн. *beseda* (в каждом из четырех южнославянских языков по одному своему термину, из которых ни одного не находим в северной части славянского мира⁴). Русскому *предложение* противопоставляется блр. *сказ*, укр. *речення*, п. *zdanie*, влуж. *sada*, ч. *věta*, слк. *veta*, слн. *tavek*, сх., мак. *реченица*, бг. *изречение*. Названия падежей там, где они приняты из латинского, практически понятны всем (как лингвистам, так и образованной части тех славянских народов, у которых вообще для падежей используется отечественная терминология). Местные же названия обнаруживают полный разнбой:

Р.	Блр.
именительный падеж	назоўны склон
родительный падеж	родны склон
дательный падеж	давальны склон
винительный падеж	вінавальны склон
творительный падеж	творны склон
предложный падеж	месны склон

Укр.	П.	Влуж.
називний відмінок	mianownik	mjenownik
родовий відмінок	dopełniacz	rodźak
давальний відмінок	celownik	dawak
знахідний відмінок	biernik	žadak
орудний відмінок	narzędnik	posrědnik
місцевий відмінок	miejsownik	měścak

Разнбой в лингвистической терминологии есть лишь одно из проявлений того общего положения, что славянские языки значительно больше различаются в лексике культуры и цивилизации, чем в лексике бытовой, так как разьединенные географически и политически, не имея столь авторитетной и столь подходящей общей платформы, какую романским (и не только романским) народам давал латинский язык, славянские народы развивали свою культуру независимо друг от друга, причем весьма часто это происходило в условиях острой борьбы за национальное существование и самоопределение. Не надо недооценивать роли тех затруднений, которые создает эта неоднородность терминологии для межславянских

⁴ Для большего курьеза можно указать, что каждое из этих слов (или его соответствий) встречается в других славянских языках в ином значении. Так, в русском языке находим и *беседа*, и *дума*, и *речь* (при этом п. *rzecz*, в свою очередь, опять-таки существенно отличается по своему значению); оставшиеся два слова *wyraz* есть в чешском и словацком (*výraz* «выражение»), а *збор* — в сербскохорватском (*збор*, *zbor*) и в польском (*zbrór*) со значением «собрание».

научных контактов. Языковед одного из славянских народов, как правило, не может без особой подготовки читать славистические работы своих славянских коллег, хотя нетерминологические слова ему и известны (с другой стороны, даже очень посредственного знания французского или немецкого языка достаточно, чтобы обеспечить пользование славистическими трудами на этих языках, поскольку в научных текстах центр тяжести информации приходится именно на терминологические слова). Трудно догадаться, например, какие ассоциации у слависта, не знающего польского языка, вызовет термин *liczebnik*, и даже общее знание польского языка не поможет угадать, что означает *biernik*, а блр. термин *загадны лад* большинству славистов покажется просто загадочным. Характерна остроумная идея польского слависта М. Малецкого, который, издавая книгу о сербскохорватских и словенских диалектах в Истрии, снабдил ее указателем польских грамматических терминов с их переводами на латинский язык⁵, благодаря чему югославские слависты читают эту книгу без словаря. Очевидно, что развитие межславянского научного общения требует сближения терминологии. Единственный возможный путь — это развитие интернациональной терминологии, которая и сейчас служит местом соприкосновения.

4. С точки зрения общих международных научных контактов положение ясно. Здесь все доводы говорят в пользу международной терминологии. От повышения степени приобщения славянских народов к интернациональной терминологии много выиграла бы мировая наука, а в особенности наука самих славянских стран.

5. Выводы из вышеприведенных рассуждений не оставляют места сомнениям. В национальном аспекте положительные стороны международных терминов доминируют над их слабыми сторонами, в межславянском и интернациональном аспектах все преимущества также на стороне международной терминологии. Однако политика интернационализации славянской лингвистической терминологии все же не может претендовать на полный успех, если учесть огромную массу опубликованных до сего времени трудов и твердо укоренившиеся привычки людей. Возможна лишь частичная реформа, осуществление которой, по всей вероятности, должно проводиться по этапам. Это обязывает активных сторонников реформы выбрать те термины, для которых соотношение между пользой от унификации и шансами на успешное проведение реформы будет наиболее благоприятным. При этом следует учитывать многие моменты, в частности: а) пользуются ли международным термином в качестве дублета к отечественному или интернациональный термин нужно вводить заново; б) степень несогласованности существующих славянских терминов; в) степень ясности отечественного термина, а также его международного соответствия; г) длиннотность термина, а также его словообразовательные возможности; д) способ, при помощи которого тот или другой термин включен в существующую систему, и степень его соответствия этой системе; е) широту использования и иные свойства предлагаемого международного термина⁶.

⁵ M. Małeck i, *Przegląd słowiańskich gwar Istrji* («Prace Komisji językowej», 17 [Polska Akad. Umiejętności]), Kraków, 1930.

⁶ Так, например, интернациональному наименованию предложения препятствует, в частности, отсутствие общепринятого международного термина. Лат. *propositio* не принято вне романских языков; *phrasis* не имеет достаточного распространения; кроме того, последний сильно перегружен полисемией. Именно в этом случае реформа была бы очень кстати не только из-за пестроты уже существующих терминов, но и для того, чтобы внести чрезвычайно полезное различие, которое находим, например, во франц. *phrase* ~ *proposition* или англ. *sentence* ~ *clause*. Различные славянские термины со значением *слово* почти не могут быть заменены никаким термином греческого или латинского происхождения: и *logos* и *verbum* настолько неудобны из-за полисемии, что их в этом значении избегают даже в тех западноевропейских языках,

Организованную работу по рационализации славянской терминологии следовало бы начать с того, что квалифицированный орган (Международный съезд славистов или им уполномоченный орган) после всестороннего обсуждения разработал бы список терминов, наиболее подходящих для первого этапа реформирования терминологии, и рекомендовал бы национальным славистическим органам приступить к осуществлению реформы.

Для того чтобы дать хотя бы временную базу для дискуссии по этому вопросу, приведем здесь (в русской их форме) некоторое количество терминов, к обобщению которых в терминологии славянских языков нам кажется уместным стремиться: *грамматика, фонетика, фонология, синтаксис; система, структура, дистрибуция, релевантный, редундантный; ларинес, фарингс, узла, альвеолы; артикуляция (назальная, лабиальная, апикулярная, корональная, дорсальная); монофтонг, дифтонг, трифтонг, эксплозивные, аффрикаты, фрикативные (спиранты), сонорные, латеральные, назальные; лабиальные, билабиальные, лабиодентальные, дентальные, альвеодентальные, альвеолярные, палатальные, велярные, ларингальные (консонанты); геминация, гемината; энклитика, проклитика; контракция, ассимиляция, диссимиляция (прогрессивная, регрессивная); альтернатива; орфография, орфоэпия; синоним, омоним; субстантив, адъектив, адверб; флексия, парадигма; деривация, суффикс, префикс; сингуляр, плюрал, дуал; *singularia tantum, pluralia tantum*; номинатив, генитив, датив, аккузатив, вокатив, инструментал, локатив; посессивный, качественный, субъектный, объектный, темпоральный, партиципный, аблативный генитив; социатив; посессивные, демонстративные, релятивные (местоимения); позитив, компаратив, суперлатив; перфективный, имперфективный; аорист, имперфект, плюсквамперфект, перфект; индикатив, императив, конъюнктив, инфинитив, супин, партицип; актив, пассив, медий; паратаксис, гипотаксис, детерминация; экспликативный, каузалный, темпоральный, компаративный, финальный; субъект, предикат, объект, атрибут.*

Кое-что в приведенном списке, вероятно, можно было бы выпустить и, во всяком случае, желательно было бы многое прибавить⁷.

6. Самое сильное сопротивление предлагаемым реформам следует ждать со стороны работников начальной и средней школы, которые вообще с вполне понятным неудовольствием принимают новшества в терминологии, правописании и т. п. Сопротивление школы может быть в какой-то мере оправдано только в вопросе о терминах семантически ясных, которые при этом правильно отображают данное понятие: наряду со всевозможными преимуществами таких терминов, как *дентальный* или *футур*, нельзя не признать, однако, тот факт, что школьник начальной школы легче выучит наименования *зубные согласные* или *будущее время*. Поэтому в этих случаях было бы неуместно настаивать безусловно на введении интернационального термина. Ставя вопрос в широком масштабе, было бы неправильно обуславливать реформу научной терминологии возможностью проведения реформы терминологии в школе.

в которых вообще широко пользуются греко-латинским фондом для терминологии. Без сомнения, в этом конкретном случае необходимость реформы вообще сомнительна. Область употребления лексемы *слово* настолько широка, что она входит и в бытовой язык; в то же время для специализированного значения вполне удобен термин *лексема*.

⁷ Читателю, вероятно, бросится в глаза, что недостает большого числа терминов, входящих с вышеприведенными в одну систему. Первоначально список, действительно, был длиннее, но затем он был подвергнут импровизированной анкете среди участников II заседания Международной терминологической комиссии в Варшаве. При этом исключались те термины, о которых некоторые делегаты говорили, что они не были бы легко приняты в их национальной среде.

Вышеизложенные положения ставят перед нами проблему: как следует относиться к дальнейшему существованию терминологических дублетов? Принимая нежелательность дублетов, следует избегать возможности их образования и надо стремиться к устранению того из двух уже существующих терминов, который не располагает никакими действительными преимуществами; например, *наречие* — ненужный дублет термина *адверб*; *страдательный залог* не следует терпеть наряду с термином *пассив*. Но дублеты не являются и абсолютным злом; они, надо полагать, неизбежное явление во всех фазах развития терминологии. В тех случаях, когда школа решительно защищает ясные по своей семантике отечественные термины, а лингвисты по своей логике не могут отказаться от международных, очевидно, мы должны будем примириться с существованием дублетов. Но в каждом таком случае при невозможности избежать стилистического различия в употреблении дублетов нельзя допускать появления с е м а н т и ч е с к о г о различия, которое повлекло бы за собой цепную реакцию недоразумений как в национальном, так и в интернациональном плане.

7. Осуществление предложенных реформ, вероятно, не будет проходить одинаково быстро во всех славянских языковых коллективах. Может быть, каждый из терминов, стоящих в списке, будет иметь свою собственную судьбу. Но весьма возможно, что в каждой славянской стране будет достигнут прогресс — больший или меньший, смотря по обстоятельствам. Есть между тем одна область, в которой можно ожидать более действенных результатов — это терминология, которая будет появляться впоследствии параллельно развитию науки о языке: здесь нет груза традиций и нет надобности делать уступки в пользу школьной практики. Лингвисты всех славянских стран понимают ту пользу, которую бы все получили, если бы новые термины были в основном тождественны во всех славянских языках и облегчили бы нам контакты с неславянским научным миром.

Преимущество унификации славянской грамматической терминологии и ориентации ее на интернациональную базу настолько очевидны, что это фактически уже не принципиальная, а организационно-техническая проблема. Надо будет организовать общеславянский центр, который следил бы за создающейся в славянских странах новой терминологией, а также за той, что возникает вне границ славянского мира. Этот центр рассылал бы бюллетени в национальные центры со списками новых терминов и, по мере надобности, с критическими замечаниями о них. Рекомендации, данные в бюллетенях, имели бы обязательный характер, и национальные центры на основании их создавали бы национальные формы данных терминов и публиковали бы их списки в своих журналах. В результате стало бы возможным свести до минимума разноречивую вновь образующуюся терминологию. В условиях возможности сопоставления и оценки вновь созданных терминов было бы легко осуществлять их рационализацию в различных направлениях и даже стимулировать теоретические дискуссии по проблемам, связанным с появляющимися терминами.

Вклад описанного начинания по сближению лингвистических терминологий славянских языков только лишь по первому впечатлению может показаться незначительным. Развитие и омоложение терминологии были бы таким путем использованы для работы в направлении унификации и интернационализации терминологии. Со временем автоматически возрастала бы роль таких терминов в общем терминологическом фонде. Значение этого процесса будет очевидно, если учесть, что темпы обогащения терминологии в последнее время характеризуются приростом, превышающим 10% новых терминов за одно десятилетие (конечно, в данном случае считаются только термины не временного характера, а установившиеся).

8. Менее важным, чем вопрос терминологии, является вопрос о сокращенных обозначениях для наиболее часто встречающихся понятий. Однако он также относится к неразрешенным важным проблемам издательской практики в области языкознания в славянских странах. В принципе необходимость сокращений очевидна. В работах, где приводится большое число языковых форм, обозначения языка или грамматической категории, к которой эти формы принадлежат, занимают много места и рассеивают внимание читателя. В этом отношении лишь в некоторой степени положение улучшается введением более коротких международных терминов вместо неуклюжих отечественных: грамматические обозначения в обоих случаях остаются значительно длиннее тех форм, которые ими означаются и на которые, как правило, приходится центр тяжести информации. Сокращением обозначения его длина в тексте приводится в правильное соотношение с информативностью.

Практически проблема сокращений все же не так проста. Эффект от сокращения может быть достигнут только в том случае, если оно и радикально и в то же время понятно. Оба эти достоинства могут быть объединены при помощи стандартизации сокращений, которая приведет к закреплению навыков. И эта задача ставится как в национальном, так и в общеславянском плане (при условии сохранения связи с общепринятой интернациональной практикой); так же остро она ставится в отношении наука — школа. Автор хотел бы и этот вопрос поставить на обсуждение, а также внести некоторые предложения, которые по началу могут служить основой для дискуссии.

9. Нет препятствий к тому, чтобы сокращенные наименования славянских языков были почти совсем одинаковыми во всех славянских языках. В русской редакции они гласили бы:

псл. — праславянский, *стсл.* — старославянский, *р.* — русский, *укр.* — украинский, *блр.* — белорусский, *бг.* — болгарский, *мак.* — македонский, *сх.* — сербскохорватский, *слн.* — словенский, *слк.* — словацкий, *ч.* — чешский, *влуж.* — верхнелужицкий, *нлуж.* — нижнелужицкий, *п.* — польский. Ср. еще и *полаб.* — полабский, *каш.* — кашубский, *слин.* — словинский (вымерший говор у берегов Балтийского моря), *шток.* — штокавский, *чак.* — чакавский, *кайк.* — кайкавский.

Унификация наименований неславянских языков более сложна и требует дополнительного рассмотрения.

10. Из грамматических категорий простейший случай для сокращенного обозначения представляют наименования падежей. Различие в начальных буквах их наименований дает возможность использования во всех случаях лишь одной заглавной буквы:

Н — номинатив, *Г* — генитив, *Д* — датив, *А* — аккузатив, *В* — вокатив, *И* — инструментал, *Л* — локатив.

В сочетании с указанием на грамматическое число эти сокращения имели бы такой вид: *Нсг*, *Гпл* и т. п. В строго ограниченном числе категорий, когда дело идет о чрезвычайно часто употребительных терминах или комбинациях терминов, по нашему мнению, было бы разумно выпустить точку. Что же касается графики, использование для сокращений латинских букв в текстах, написанных кириллическим письмом, в принципе, вероятно, можно было бы допустить, но в повседневной жизни это создало бы трудности при типографском и машинописном воспроизведении текстов, равно как и неудобства для школьных текстов и печати для широких масс. Несомненно, кириллическая редакция некоторых сокращений в первое время могла бы казаться необычной, но вскоре создалась бы и привычка, по мере выработки привычки к самим терминам.

11. Унификация сокращений для частей речи зависит в большой степени от унификации соответствующих терминов, и здесь в качестве основы для обсуждения могли бы служить следующие сокращения:

sb. — субстантив, *pron.* — прономен, *adj.* — адъектив, *num.* — нумерале, *vb.* — глагол, *adv.* — адverb, *praep.* — препозиция, *conj.* — конъюнкция, *interj.* — интеръекция.

В каждой языковедческой публикации на любом славянском языке могла бы быть представлена хотя бы часть этих сокращений. Остальные же использовались бы лишь в меру принятия самого термина, а, например, в этимологических работах, вероятно, можно было бы пользоваться всей системой, не считаясь с тем термином, который вообще принят в данном языке.

Для грамматических обозначений, обычно сопровождающих части речи, наиболее подходящей системой, вероятно, была бы: *m.*, *f.*, *n.* — для грамматического рода, *tr.*, *itr.* — для генуса глагола, *pf.*, *ipf.* — для глагольного вида.

В словарях такие обозначения выглядели бы, например, так: *sb. f.*, *v. tr. ipf.*, причем возможно употребление таких сокращений в чисто научных трудах на языках, пользующихся кириллическим письмом; возможно применение таких сокращений и в кириллической транслитерации. Во всяком случае в качестве сокращений для грамматического рода не следовало бы сохранять громоздкие м. р., ж. р. и ср. р., а достаточно лишь м., ж. и ср. Таким образом, для формы *хорошую* мы имели бы обозначение *Asg f.* или *Asg ж.* (ср.: винительный падеж единственного числа женского рода, или вин. пад. ед. ч. ж. р.).

12. Сокращения для важнейших категорий при спряжении могли бы выглядеть следующим образом (в русской редакции⁸):

пз. — презент, *прет.* — претерит, *пф.* — перфект, *аор.* — аорист, *ипф.* — имперфект, *фут.* — футур, *плпф.* — плюсквамперфект, *инд.* — индикатив, *имп.* — императив, *конд.* — кондиционал, *парт.* — партицип, *акт.* — актив, *пасс.* — пассив.

Если нововведение, вносимое сокращением *пз.*, вызовет протест, можно ограничиться более привычным, но более длинным *през.* Некоторые вопросы возникают в связи с двойным значением сокращения *пф.* (=перфект, перфективный) и *ипф.* (=имперфект, имперфективный) — здесь следует провести особую проверку, может ли быть допущено это двойное значение, поскольку контексты для этих двух значений неодинаковы, или следовало бы провести пересмотр сокращения в том или ином случае.

Обозначения определенных форм было бы разумно давать без *л.*, которое фактически легко опускается: 3 *сг фут.* (или даже 3 *сг fut.*), а не 3 *л. сг. фут.*; 2 *пл. имп.* (или 2 *пл. imp.*), а не 2 *л. пл. имп.* Сокращения *комп.* и *суп.*, несомненно, нужно сохранить для обозначения степеней сравнения; а в языках, где встречается и супин, недоразумения можно избежать введением сокращения *спн.* для этой категории.

Перевел с сербскохорватского
И. И. Толстой

⁸ Если предложенные термины не войдут в обиход в русской лингвистике (и в лингвистике других славянских народов, пользующихся кириллицей), то для употребления только в чисто научных публикациях следовало бы отдать предпочтение латинским аббревиатурам (*ps.* или *praes.*, *praet.*, *pf.*, *aor.*, *ipf.*, *fut.*, *plpf.*, *ind.*, *ipt.*, *cond.*, *part.*, *act.*, *pass.*). Естественно, что в славянских языках, пользующихся латиницей, эти аббревиатуры должны даваться в соответствии с орфографией данного языка.

Н. И. ТОЛСТОЙ

ИЗ ОПЫТОВ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
СЛАВЯНСКОГО СЛОВАРНОГО СОСТАВА

Вместо введения. Типологическое изучение языков, возникшее и развившееся в основном на материале языков перодственных и разносистемных, привело к созданию ряда методов, применение которых оказалось весьма плодотворным и при исследовании близкородственных языков. Установление единых систем соответствий и опыты моделирования языковых систем или отдельных их частей (т. е. микросистем) находят все более широкое применение и в области современной и исторической диалектологии, т. е. в границах одного языка, и в области истории группы или семьи языков, т. е. в сфере сравнительно-грамматической. Сравнительная грамматика, нафосом которой всегда была и остается реконструкция, не обходится теперь без приемов типологической и ареальной лингвистики. Она превращается все более в историческую типологию родственных языков, в дисциплину, которая ставит своей задачей не только реконструкцию морфем, лексем, их парадигм и отдельных синтаксических конструкций и связей, но и реконструкцию фонологических, морфологических и синтаксических систем и их отношений к другим родственным системам, естественно, с попытками их территориальной и хронологической приуроченности. В том же плане может быть поставлена и одна из основных задач сравнительной лексикологии — задача реконструкции семантической структуры праязыка. Для ее успешного выполнения, однако, должна быть предварительно проделана работа по определению типов семантических систем (в первую очередь микросистем) в современных языках и диалектах и по выработке приемов их приведения к общему знаменателю, т. е. установления единой системы соответствий.

Семантическая система языка, которую часто по традиции называют «лексической», остается и поныне малоизученной областью общей лингвистики, несмотря на ряд интересных исследовательских опытов, теорий и предложений. Причина этого кроется, вероятно, прежде всего в практически трудно исчислимом количестве единиц этой системы (лексем), в ее максимальной открытости и зависимости от внеязыковой ситуации — от «системы» или просто конкретного набора реалем, если понимать под реалемой некий инвариант референтов, инвариант реалий¹.

Некоторые предпосылки. Методика конструирования абстрактных моделей для типологических исследований неодинаково разработана по отношению к разным уровням языка. Типологические сравнения до сих пор ведутся в основном в результате описаний фрагментов языковых систем. Наиболее полно и с равной степенью точности отражения языкового материала производятся опыты по фонологическому описанию языка! Успеху фонологического описания способствует сам характер звуковой структуры: весьма ограниченный набор единиц (фоном), отсюда и сравнительно ограни-

¹ Термины «реалема» и «гносема» предложены Н. Д. Андреевым.

ченное число возможных комбинаций, и функционирование этих единиц (фонем) как компонента знака; отсюда также полная независимость набора единиц и их структурных соотношений от внеязыковой действительности, от «системы реалем».

Типологические операции в области фонологии и грамматики имеют дело прежде всего с «формой» в сосюрвовском понимании этого слова. В семасиологии «субстанция» дает о себе знать постоянно, и изучение целого ряда лексических пластов приводит прежде всего к моделированию «культуры» — различных понятий или просто реалий, функционирующих среди носителей того или иного языка. Однако если бы между реалемой и лексемой существовала непосредственная мотивированная связь, то семантическая типология была бы невозможна. Дело в том, что внеязыковая действительность («система реалем») сегментируется в разных языках по-разному при помощи формальных средств. Это справедливо и в отношении лексики, и об этом ниже будет сказано более подробно. Сейчас важно отметить, что, учитывая принципиальную разницу между фонологической и грамматической системами языка и «системой» семантической (которой из-за ее максимальной открытости и практической невозможности полного охвата некоторые ученые даже отказывают в системности), при описании последней возможно использование целого ряда методов, аналогичных тем, которые уже применяют в фонологии. С этой целью на первых этапах исследования надо предложить предварительную препарацию — членение семантической системы на ряд микросистем или микрополей. Изоморфный характер описаний различных уровней языка чрезвычайно важен и принципиально, и для целей лингво-географических, так как он дает возможность установления территориального соответствия между системами или микросистемами разных уровней языка, т. е. позволяет их картографировать и проводить сравнение изоглосс или их пучков.

Некоторые вопросы терминологии. Слово в аспекте лексикологическом, или, вернее, семасиологическом, является единством лексем и семем. В плане выражения слово — лексема, в плане содержания — семема. Под лексемой, таким образом, нужно понимать лишь звуковую оболочку слова, под семемой — его содержание. В этом отношении о м о н и м — одна лексема с двумя семемами (условие: они не сводимы к инварианту, т. е. не две аллосемы), с и н о н и м — одна семема с двумя лексемами (условие: они — не две «аллосемы» с каким-либо релевантным в конкретном микрополе дифференциальным признаком)². Такие «щербовские «слова», как *глокая, куздра, штеко, булданула* и т. п., являются лишь лексемами. Семемы же (семантемы, семы) — абстрактные понятия, которые манифестируются лексемами [условие: под семемой не понимается, как сказано в «Словаре лингвистических терминов» Марузо, некое инвариантизированное понятие, например, индоевропейский корень, а часто принимается понятие (гносема, реалема) весьма детализированное; однако эта детализация должна быть релевантной при дистрибуции на микрополе].

Такое понимание позволяет установить в плане внешнем (выражение) и внутреннем (содержание) некую аналогию отношений «з в у к р е ч и : ф о н е м а и л е к с е м а : с е м е м а» даже при том положении, что

² Как будет видно из дальнейшего изложения, следует различать общую семантику, являющуюся скорей логической дисциплиной, и семантику конкретных языков, служащих материалом для типологических штудий. «Аллосема», понимаемая здесь с точки зрения общей семантики, в составе микрополя при определении дистрибуции, т. е. рассматривая семантические связи конкретного языка или диалекта, может оказаться уже самостоятельной семемой, если она будет выражена отдельной лексемой, т. е. если ее значимость (valeur) окажется релевантным дифференциальным признаком (см. ниже правило IV).

природа их содержания различна: у фонемы чисто функциональная, у семемы — денотативная и сигнификативная. При этом, так же как в языке, не отмечается фонетическая система структурно-функционального порядка, а отмечается только фонологическая, так же, вероятно, нужно будет признать, что нет лексической системы (при нашем определении терминов), а есть лишь семантическая.

Каждый конкретный язык, его семантическую систему можно сравнивать и с абстрактной (общей, «внеязыковой») семантической моделью, и с семантической моделью другого конкретного языка или диалекта, и с общей семантической моделью, созданной индуктивным путем из ряда моделей конкретных языков или диалектов. Язык (диалект)-эталон или модель-эталон второго типа более пригодны для типологических исследований, так как они дают больше вероятности полноты учета конкретного языкового материала и могут быть использованы при операциях другого порядка — при картографировании и реконструкции. Поэтому наши дальнейшие рассуждения будут вестись на уровне «л е к с е м а : с е м е м а».

Моделирование микрополей. Моделирование фонологических систем или их фрагментов (вокализма, консонантизма) может производиться путем выявления релевантных дифференциальных признаков (ДП), которые потом, при типологических операциях, используются не только для описания различий в наборе фонем (инвентарные различия), но и в их дистрибуции (дистрибуционные различия). Эти различия — инвентарное и обычно связанное с ним дистрибуционное — приводят к трем видам дифференциации при сопоставлении двух и более диалектов (или языков): к чисто инвентарным, к чисто дистрибуционным и, наконец, к наиболее распространенному виду — инвентарно-дистрибуционному. Отметим также (это будет важно в дальнейшем и для рассуждений чисто семасиологического характера), что фонема определяется как набор дифференциальных признаков, а дифференциальный признак принимается в качестве основного фонологического (гезр. семасиологического) понятия.

При сравнении диалектных (языковых) фонологических систем между собой одна из систем может быть взята в качестве модели-эталона. Обычно практически удобнее использовать модель с максимальным набором, однако иногда различие в дистрибуции всех фонем (т. е. их конфигурационный рисунок) одного диалекта трудно соотносимо с конфигурационными рисунками других диалектов. В таких случаях в качестве эталона может быть использована искусственная, внутренне непротиворечивая модель-сетка с максимальным набором релевантных для различных диалектов дифференциальных признаков. Конструируется она обычно индуктивным путем в результате добавления к одной из реально существующих систем дополнительных альтернатив из других систем, входящих в ареал типологических штудий.

На такую конструированную сетку налагаются конкретные, зафиксированные в отдельных диалектах системы. Различная конфигурация этих систем, выявляемая по отношению к конструированной сетке, даст искомый показатель, который можно проецировать в географическом плане, т. е. картографировать. Возможны также случаи несводимости всех типов конкретных конфигураций к одной искусственной сетке, т. е. их «неналагаемости». В таких случаях возникает необходимость в конструировании нескольких сеток и в установлении принципов их соотношения. Типологические операции, как известно, могут быть представлены в виде определенной последовательности моделей с указанием их места в «признаковом пространстве».

Выделение отдельных типов фонологических систем или их фрагмен-

тов и картографирование этих систем может быть произведено и без помощи общей модели-сетки с максимальным набором дифференциальных признаков. Зачастую достаточно обычного фонологического описания, какое, например, сделано для сербскохорватского языка П. Ивичем³. Вокализм, например, может быть описан и проецирован лингво-географически при использовании таких показателей, как количество фонем — инвентарь системы и конфигурация этой системы: 5-членный треугольник, 6-членный прямоугольник, асимметричный 6-членный треугольник и т. п.

Совершенно очевидно, что обращение к разным типам описаний — к простому моделированию фонологической системы диалектов на основе их инвентаря и дистрибуции, к использованию искусственной модели-сетки или даже нескольких моделей-сеток — во многом зависит от количества и характера охваченных типологическим описанием диалектов, т. е. от границ диалектного континуума. При этом нами постулируется возможность представления территориальных диалектов в дискретном плане.

Схематично изложенные выше положения о моделировании фонологических систем уже известны в лингвистике. Нами преследовалась лишь цель повторения тех основных моментов, которые характеризуют некую аналогию типологических операций в области фонологии и семасиологии.

При вычленении из семантической сферы языка отдельного микрополя, особенно при проведении этой операции на материале языков или диалектов со значительной степенью сходства (диалектов одного языка, языков и диалектов одной семьи или одного языкового союза), можно с успехом оперировать следующими основными показателями: а) инвентарь, т. е. набор семем, определяющийся количеством соответственных лексем; б) дистрибуция лексем на семантической сетке-модели; в) конфигурация лексем, т. е. результат их дистрибуции.

При этом будет соблюдаться один из основных принципов структурной лингвистики — определение единицы из целого, хотя он будет применен и не полностью, так как само «целое» окажется достаточно ограниченным по сравнению со всей семантической системой языка. Все же при подобных операциях подход к материалу будет менее атомистичен, чем в традиционной лексикологии, индексирующей отдельные единицы.

Конкретный пример. Предварительный опыт моделирования семантического микрополя *дождь — погода* на материале сербскохорватских диалектов был нами сделан в связи с попыткой установить изоглоссу *дажд — киша*, выполненной в традиционном плане⁴. Здесь он будет повторен в расширенном объеме, как опыт моделирования семантического поля *дождь — погода — время — год — час*, способного быть интерпретированным на материале любого славянского диалекта. Графически микрополе может быть представлено следующим образом:

	‘дождь’	‘погода’	‘время’	‘год’	‘час’
+					
×					
-					

Условные обозначения: + (плюс) — положительное качество, × — нейтральное качество, — (минус) — отрицательное качество.

³ П. Ивич, Основные пути развития сербскохорватского вокализма, ВЯ, 1958, 1; П. Ивич, Два главна правца разvoja консонантизма у српскохорватском jeziku», «Годишњак филозофск. фак-та у Новом Саду», II, 1957.

⁴ См. Н. И. Толстой, Из географии славянских слов. 1. ‘дождь’; 2. ‘саламандра’, ВСЯ, 6, М., 1962.

Распределение лексем в отдельных славянских говорах выражается следующим образом:

(1)	<table border="1" style="display: inline-table;"><tr><td><i>godina</i></td><td></td></tr><tr><td><i>godina</i></td><td><i>vričme</i></td></tr><tr><td><i>dešč</i></td><td></td></tr></table>	<i>godina</i>		<i>godina</i>	<i>vričme</i>	<i>dešč</i>	
<i>godina</i>							
<i>godina</i>	<i>vričme</i>						
<i>dešč</i>							

<i>vričme</i>	<i>ličto</i>	<i>ura (?)</i>
---------------	--------------	----------------

Сербскохорватский, кайкавский — село Чрнковец срез Загреб (Хорватия). См. Z. J u n k o v i ć, Izvještaj o istraživanju kajkavskoga dijalekta u Zagrebačkoj okolici, «Ljetopis JAZU za godinu 1954», knj. 61, Zagreb, 1956, стр. 395.

Примечание: Знак вопроса (?) после лексемы означает, что слово не зафиксировано в цитируемом печатном источнике, а указывается по нашему предположению, возникшему на основании косвенных данных.

(2)	<table border="1" style="display: inline-table;"><tr><td><i>godina</i></td><td></td></tr><tr><td><i>godina</i></td><td><i>vrime</i></td></tr><tr><td><i>vrime</i></td><td><i>vrime</i></td></tr></table>	<i>godina</i>		<i>godina</i>	<i>vrime</i>	<i>vrime</i>	<i>vrime</i>
<i>godina</i>							
<i>godina</i>	<i>vrime</i>						
<i>vrime</i>	<i>vrime</i>						

<i>vrime</i>	<i>leto</i>	<i>ura (?)</i>
--------------	-------------	----------------

Сербскохорватский, чакавский — Шушнево Село и Чакован срез Огулин (Хорватия). См. «Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena», sv. V, pol. 2, Zagreb, 1900, стр. 169—170.

(3)	<table border="1" style="display: inline-table;"><tr><td><i>gòdina</i></td><td><i>vrime</i></td></tr><tr><td></td><td></td></tr></table>	<i>gòdina</i>	<i>vrime</i>		
<i>gòdina</i>	<i>vrime</i>				

<i>vrime</i>	<i>lito</i>	<i>ura (?)</i>
--------------	-------------	----------------

Сербскохорватский, чакавский — село Жеяне срез Риека (северная Истрия). См. J. R i b a r i ć, Razmještaj južnoslovenskih dijalekata na poluotoku litri, Београд, 1940.

(4)	<table border="1" style="display: inline-table;"><tr><td><i>gòdina</i></td><td></td></tr><tr><td><i>dàžd</i></td><td><i>vrime</i></td></tr><tr><td></td><td></td></tr></table>	<i>gòdina</i>		<i>dàžd</i>	<i>vrime</i>		
<i>gòdina</i>							
<i>dàžd</i>	<i>vrime</i>						

<i>vrime</i>	<i>lito</i>	<i>ura (?)</i>
--------------	-------------	----------------

Сербскохорватский, штокавский, икавский — село Водиче срез Риека. См. I. R i b a r i ć, указ. соч.

(5)	<table border="1" style="display: inline-table;"><tr><td></td><td></td></tr><tr><td><i>děš</i></td><td><i>vrⁱjeme</i></td></tr><tr><td></td><td></td></tr></table>			<i>děš</i>	<i>vrⁱjeme</i>		
<i>děš</i>	<i>vrⁱjeme</i>						

<i>vrⁱjeme</i>	<i>gòdina</i>	<i>ura (?)</i>
---------------------------	---------------	----------------

Сербскохорватский, штокавский, екавский (зетский) — село Перой срез Пула (Истрия); см. I. R i b a r i ć, указ. соч.

(6)	<table border="1" style="display: inline-table;"><tr><td></td><td></td></tr><tr><td><i>dàžd</i></td><td><i>gòdina</i></td></tr><tr><td></td><td><i>gòdina</i></td></tr></table>			<i>dàžd</i>	<i>gòdina</i>		<i>gòdina</i>
<i>dàžd</i>	<i>gòdina</i>						
	<i>gòdina</i>						

<i>vrìjeme</i>	<i>gòdište</i>	<i>ura</i>
----------------	----------------	------------

Сербскохорватский, штокавский, екавский — г. Дубровник и окрестности. По материалам В. Караджича и М. Решетара.

(7)

<i>кѣша</i>	<i>врѣме</i>

<i>врѣме</i>	<i>година</i>	<i>час (сѣт)</i>
--------------	---------------	------------------

Сербскохорватский, штокавский, экавский — г. Белград и его окрестности, село Враневе (Банат) [собствен. наблюд.]. То же — литературный язык и большинство штокавских говоров.

(8)

<i>дош</i>	<i>врѣме</i>

<i>врѣме</i>	<i>годѣна</i>	<i>сѣт</i>
--------------	---------------	------------

Македонский — село Трсье Леринского края (Эгейская Македония) [собствен. наблюд.]. То же — основная масса македонских говоров.

(9)

<i>дѣш</i>	<i>вр'ѣм'ѣ</i>

<i>вр'ѣм'ѣ</i>	<i>годѣна</i>	<i>час</i>
----------------	---------------	------------

Болгарский — село Былгари район Малко-Тырново (Странджа), обл. Бургас [собствен. наблюд.]. То же — основная масса болгарских говоров.

(10)

<i>дѣш'</i>	<i>хвѣл'а</i>

<i>час</i>	<i>рук</i>	<i>го'дина</i>
------------	------------	----------------

Украинский — село Бараницы Ужгородского района Закарпатской обл. Сообщил П. П. Чучка.

Примечание: В украинских и украинско-белорусских говорах *г* — фрикативное, не отмечаемое здесь особым знаком.

(11)

	<i>вѣремн'а</i>
<i>дождж</i>	<i>годѣна</i>

<i>час</i>	<i>гѣд</i>	<i>час</i>
------------	------------	------------

Украинский — село Росишка Раховского района Закарпатской обл. Сообщил Н. А. Грицак.

По материалам готовящегося во Львове западноукраинского атласа («Атлас західних говорів української мови»), любезно сообщенным М. М. Онышкевичем, в некоторых гуцульских и покутских говорах зафиксированы следующие значения интересующих нас слов: *вѣремн'а* 'хорошая погода', *годѣна* 'погода вообще', *сѣтниц'а* 'плохая погода' (село Грушево Тачивского района Закарпатской обл.); *годѣна* 'хорошая погода', *фл'ѣкайка* 'плохая погода' (село Великий Бичкив Раховского района); *вѣремн'а* 'хорошая погода', *годѣна* 'плохая погода' (села Квоки и Богдан Раховского района); *вѣремн'і* 'плохая погода' (село Дора Яремчанского района Станиславской обл.); *вѣремн'і* 'хорошая погода', *годѣна* 'плохая погода' (село Виженки Вижницкого района Черновицкой обл.); *вѣремн'і* 'погода вообще', *годѣна* 'плохая погода' (село Шетт Путильского района Черновицкой обл.). В. Шухевич для лексемы *година* у гуцулов отмечает значение 'дождь' *година иде* (В. Шухевич, Гуцульщина,

ч. I, Львов, 1899, стр. 81), однако такого материала в ответах по украинской программе не имеется, так как вопрос ставился только «от значения к слову» и только о хорошей и о плохой погоде (см. об этом ниже на стр. 40). Приведенный материал не было возможности представить на микрофоле, так как отсутствует необходимый набор лексем и не совсем ясна их дистрибуция.

(12)

<i>доиш'</i>	<i>пугба</i>

<i>ч'ес</i>	<i>rik</i>	<i>година</i>
-------------	------------	---------------

Украинский — село Белз Сокольского повета Грубишевского района Люблинского воеводства (Польша). Сообщил П. И. Пристуца.

(13)

	<i>пogба</i>
<i>доиш'</i>	<i>пogба</i>
	<i>негба</i>

<i>в'рёмн'е</i>	<i>rik</i>	<i>чes</i>
-----------------	------------	------------

Белорусско-украинские, полесские говоры — деревня Орехов Малоритского района Брестской обл. (Западное Полесье) [собствен. наблюд.]. То же приблизительно соотношение наблюдается в Центральном Полесье: *дош'*, *туча* 'сильный, вредный дождь'; *пogба*, *пogба*, *негба*, *в'рёмн'е*, *rik*, *чes* — деревня Боричевичи Пинского района Брестской обл. и в Восточном Полесье: *дож'д'*, *пogба*, *пogба*, *негба*, *в'рёмн'е*, *гуд*, *чes* — деревня Шестовичи Петриковского района Гомельской обл. [собствен. наблюд.].

(14)

	<i>pogoda</i>
<i>desc</i>	<i>cas</i>

<i>cas</i>	<i>rok</i>	<i>gożina (?)</i>
------------	------------	-------------------

Польский — село Старые Селковицы Опольского повета (Силезия). См. A. Z a g e b a, Słownik Starych Siolkowic w powiecie Opolskim, Kraków, 1960.

(15)

	<i>p^uogoda</i>
<i>dysc</i>	<i>p^uogoda</i> <i>cas</i>
	<i>неp^uogoda</i>

<i>cas</i>	<i>r^uok</i>	<i>g^uożina</i>
------------	------------------------	---------------------------

Польский — село Сидзина (Верхняя и Нижняя) повета Суха и село Фадимек Краковского повета. См. M. K u c a ĩ a, Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich, Wrocław, 1957.

(16)

	<i>pogoda</i>
<i>deszcz</i>	<i>pogoda</i>
	<i>niepogoda</i>

<i>czas</i>	<i>rok</i>	<i>godzina</i>
-------------	------------	----------------

Польский — село Шиманы Щиценьского повета (Мазуры). См. W. K u p r i s z e w s k i, Z. Węgiełek - Januszewska, Słownictwo Warmii i Mazur. Astronomia ludowa, miary czasu i meteorologia, Wrocław, 1959.

Примечание: Материал, подчерпнутый нами из указанной монографии, возможно, интерпретирован не совсем точно.

Некоторые правила построения микрополей. Для построения семантических микрополей целесообразно установить ряд правил. Некоторые из них могут быть при дальнейших наблюдениях конкретизированы, для некоторых допустимы отдельные отклонения. Правила эти применимы при построении общих семантических полей диалектов и языков одной семьи, т. е. для систем с значительной степенью сходства и генетического родства.

П р а в и л о I. Одна семема, занимающая одну из клеток (квадратов) общего микрополя, должна манифестироваться одной «простой» лексемой (т. е. одним словом, а не сочетанием слов).

Примечания: а) в случае, если семема, манифестирующаяся в одном диалекте «простой» лексемой, в другом диалекте манифестируется сложной лексемой (например, «прилагательное + существительное»), то при описании материала другого диалекта соответственная клетка микрополя остается пустой; б) для устойчивых сочетаний типа *белый гриб, черная смородина* может быть предложено отклонение, но необходима операция проверки устойчивости таких сочетаний на подстановку, т. е. выяснение невозможности какого-либо другого сочетания «прилагательное + данное существительное» с сохранением того же значения, и наличие «простой» лексемы в одном из диалектов исследуемого континуума; в) к примечанию «а» может быть предложено отклонение, т. е. возможно использование «сложных» лексем, например сочетания «прилагательное + существительное», но при этом важно иметь набор прилагательных, сочетающихся с существительным, и определить их отношение к ДП моделированного микрополя. Это отношение можно отмечать на сетке особым знаком.

Например, если в говоре возможны сочетания типа (I) *хорошая погода, пригожая погода, ясная погода* наряду с типом (II) *плохая погода, дурная погода, скверная погода*, то ДП «плюс» (+) и «минус» (—), приведенные на нашей схеме, нейтрализуются, или, по терминологии Ельмслева, произойдет субституция. Если возможны только сочетания типа (I), т. е. исключительно *хорошая погода* и т. п., или только типа (II), т. е. *дурная погода* и т. п., то это указывает на наличие дифференциации и закрепления за лексемой *погода* определенных «дополнительных» ДП, т. е. так называемой дополнительной дистрибуции. Полезен и учет в типологическом плане возможности или невозможности сочетания данной лексемы с прилагательными, характеризующими дополнительно ДП, отмеченные в сетке-модели. Например, учет невозможности сочетания *плохая непогода* и тем более *хорошая непогода, ясная непогода* и т. п.

Для чисто понятийно-типологических и ареально-типологических (Sprachbunds) разысканий отклонения «б» и «в», по нашему мнению, некорректны.

П р а в и л о II. Границы микрополя определяются величиной семантической «амплитуды колебания» одной лексемы, которая называется *о п о р н о й*. Амплитуда колебания устанавливается в результате диасемемного обследования, т. е. выяснения, что значит данная лексема во всех привлекаемых для рассмотрения в синхронном плане диалектов или языков. В конструированном микрополе большинство лексем будут иметь определенную (большую или меньшую) амплитуду колебания. *О п о р н о й* лексемой будет лексема с максимальной амплитудой.

П р а в и л о III. Дифференциальные признаки, т. е. наличие клеток (квадратов) микрополя, их количество и расположение выявляются в результате установления альтернатив во всех исследуемых диалектах, т. е. в итоге рассматривания всего диалексемного и диасемемного инвентаря (при учете соотношения «лексема : семема»). Опорной моделью, обычно, как и в фонологии, служит конкретная диалектная модель с максимальным набором ДП, к которой в случае необходимости могут быть добавлены ДП из других диалектов.

Например, в микрополе *дождь — погода — время — год — час* опорной лексемой явилась лексема *година*, а семантической моделью-эталоном с конкретным набором ДП — модель диалекта села Волице (тип 4), к которой были добавлены некоторые ДП (отрицательный признак к 'дождю') модели села Чрнковец (тип 1) и модели говора Дубровника (тип 6) (отрицательный признак к 'погоде').

П р а в и л о IV. Семантический дифференциальный признак считается релевантным для данного диалекта (языка), если при его выражении выступает отдельная лексема.

П р а в и л о V. Одна простая лексема может занимать одну и более клеток (квадратов) микрополя.

П р а в и л о VI. Простые лексемы должны иметь идентичные корневые, морфологические и словообразовательные показатели (в этимологическом смысле).

Примечание. В некоторых случаях разные суффиксы могут рассматриваться как показатели разных аллосем в зависимости от общей суффиксальной системы конкретного диалекта. Такое допущение следует специально оговорить (например, суффиксы *-иць* и *-ькъ* и т. п.). Это же при известных условиях (отсутствие семантической дифференциации и т. п.) может относиться и к морфологическим показателям.

П р а в и л о VII. Амплитуда колебаний отдельной лексемы — не о п о р н о й — может не укладываться полностью в конструированное микрополе. В таком случае следует конструировать автономное микрополе на основе амплитуды данной лексемы. Подобные операции приведут к образованию цепи взаимосвязанных микрополей.

Например, лексема *рок*, став опорной, может образовать свое микрополе с иными, чем в поле *дождь — погода — время — год — час*, дифференциальными признаками.

Нетрудно заметить, что амплитуда колебания лексем, а тем самым и границы микрополя будут различны в зависимости от границ исследуемого диалектного континуума. Если в нашем конкретном примере ограничиться материалом южнославянских языков, то в микрополе не должна входить клетка 'час'; она вводится на основании западнославянского материала. С другой стороны, в наше микрополе не введена клетка 'месяц' или 'минута', так как она не входит в амплитуду опорной лексем *година* в ареале всех славянских диалектов.

Архитектоника микрополя будет существенно различаться в зависимости от того, к какой части речи принадлежат члены поля (возможности комбинаций с различными частями речи в одном поле пока нами не предусмотрены), от того, рассматриваются ли соотношения субстантивных, атрибутивных или вербальных единиц. Наконец, в зависимости от целей исследования также могут измениться границы конкретного микрополя, набор и расположение ДП. Опыт фонологических исследований привел к выводу, что одной и той же совокупности языковых единиц может соответствовать ряд разных моделей.

Различные способы описания фонологической системы могут привести даже к различным показателям в отношении набора единиц. Это тем более справедливо в применении к семантике, где количество возможных ДП не ограничивается рамками акустических или артикуляционных потенциалов, а зависит от почти необозримого набора объектов реального мира в различных типах их языковой сегментации.

Предложенный метод конструирования микрополей основывается на формально-генетическом тождестве лексем (включая и тождество составляющих их морфем), что может дать ряд преимуществ при операциях по реконструкции древнего состояния. Устанавливаемые таким образом смысловые связи членов поля могут быть достаточно древними и устойчи-

выми. Основным показателем этих связей служат амплитуды колебания (в первую очередь их величина) различных лексем. Отказываясь сейчас от изложения методики реконструирования древнейших микрополей (например, для эпохи праславянского языка), которое должно быть предметом отдельного опыта, отметим лишь, что предлагаемый способ конструирования микрополей не позволяет игнорировать ряд релевантных и весьма прочных семантических связей, остающихся часто вне наблюдений исследователя, при подходе к семантическому полю с точки зрения сферы чистых понятий или предметных и семантических групп. Обращение к методике типа трировских семантических полей вынудило бы нас семемы 'дождь' и 'час' отнести к различным понятийным сферам, разным кругам понятий. В различных предметных и семантических группах оказались бы наши семемы и при классификационных опытах типа опытов Дорнрайфа и Вартбурга. Апеллируя к логическим схемам и базируясь на сфере чистых понятий (такой подход может быть правомерен при решении задач общей семантики), мы отнесем в разные семантические поля семемы или группу семем, связанных с понятиями 'гора' — 'лес' — 'пастбище' или 'быстрый' — 'чистый' — 'хитрый' и т. п.

Материал славянских языков указывает на древнюю, сохранившуюся отчасти и поныне связь семем 'гора' и 'лес'. Дистрибуция лексем на семантической сетке микрополя *гора — лес — пастбище* чрезвычайно любопытна и последовательно своеобразна. Оставляя для отдельной статьи изложение опыта моделирования этого микрополя, отметим лишь некоторые изолированно взятые опорные показатели (без указания дистрибуции и диалектной соотношенности):

**gora* 'лес', 'гора'; **polnina* 'гора', 'гора, покрытая лесом', 'горное пастбище'; *balkan* 'гора', 'холм', 'лес'; **brdo* 'гора', 'холм', 'пастбище'; **bor*' 'лес', 'бор', 'холм', 'гора'; *sorka* 'холм', 'гора', 'кочка', 'низкое болотистое место, заболоченный луг'⁵.

Основная часть указанных значений известна по публикациям. Из нового материала отметим: **бор**: *бор* 'холм', 'гора' (*ліс растэ на бору; ліс же растэ на бору, ліс мбже і на бору мбже і не на бору; борі — гбрі такі́е висбо́ке*); *бурбк*, *борбк* 'холмик', 'горка' (дер. Орехово Малоритского р-на Брестской обл. — Западное Полесье; собствен. наблюд. 1962 г.); *бяр*, *бір* 'сосновый лес', 'бор'; *борові́на*, *смо́ліна* 'сосна, отдельное сосновое дерево' (дер. Боричевичи Пинского р-на Брестской обл. — Центральное Полесье; собствен. наблюд. 1962 г.); *бор* 'смешанный лес', 'чернолесье' (*ббр — там чернол'эсье і в'эрсэ і тіпец там јос'; ббр — там разм'эшана: і дўп, і ал'ха, і асіна, фс'акі́е л'эса см'эс' расц'е; ббр на падбл'е, в ббш'ем — падбл, на падбл'е*) (дер. Шестовичи Петриковского р-на Гомельской обл. — Восточное Полесье, собствен. наблюд. 1962 г.).

балкан: *балкán* 'лес' (*ис'а́каа тбо балкán; мбо балкán д'вр'е йма мнбо*) [село Старцево (Елехча) Златоградского р-на — Восточные Родопы; собствен. наблюд. 1959 г.].

платина: *плáнина* 'горное пастбище', 'плодородный участок земли в горах' [*плáнина — там са л'ува́ди; плáнина — висбо́ке м'эсто жыто се ра́да, туту́м' не мбже да ста́не там на плáнина; да нас'э́жете плáнині́те, т'рл'і́те!*; *плáнина се ка́зва в'ісо́кото м'эсто и гблү по в'рх'ь; по плáннита нас'т офц'э́те, кáм'к н'э́ма, тр'э́ва ста́ва; офц'э́те ше ги ка́раме на пр'блет на плáнн'тл* (село Старцево; собствен. наблюд. 1959 г.); *плáнина — гбре в'рх'ят д'ето без гбра пак ймето му Кара-буе́р* (село Буково Златоградского р-на; собствен. наблюд. 1959 г.)].

бердо: *б'ордо* 'выпасной луг', 'мель' (район озера Селигер; по наблюдениям А. В. Никитина).

сопка: *сбпка* 'низкие заболоченные или луговые места' (в Печерском крае на границе Эстонской ССР; по наблюдениям А. В. Никитина).

Зависимость семантической системы языка от «системы» реального мира («культуры») неодинакова в ее различных сферах. Она особенно сильна там, где его отдельные элементы («реалемы») достаточно четко рас-

⁵ Пользуемся праславянскими лексемами как лексемами-посредниками для современного синхронного состояния славянских диалектов.

членены, атомизированы — в области, связанной с материальной культурой, во всех моментах, отражающих так называемое «терминологизирование» (т. е. стремление иметь одно-однозначное соответствие между «реальной» и семемой), в области этнографической и т. п., но она ослаблена там, где наблюдается меньшая дискретность и большая диффузность понятий и предметов — в области общих для большинства народов и территориальных реалий и представлений, в сфере так называемых «универсальных реалем».

Если бы язык не манифестировал сегментацию внеязыковой действительности или если бы все языки манифестировали эту сегментацию одинаково, то семантическая система была бы только отображением «системы» реального мира, «культуры» народа. В разных языках и в разных диалектах, однако, внеязыковая действительность сегментируется различно и именно благодаря этому различию и возможны опыты структурной семантической типологии. Занимаясь такой сферой словарного состава, как названия обуви, частей телеги, утвари, орудий производства и т. п., мы будем иметь дело с реалемами «индивидуальными» для ряда этнических групп и «система семем» будет более соотносима с «системой реалем». Если же мы обратимся к такой сфере, как цветообозначения, обозначения качества, нетерминологическая лексика и т. п., т. е. к сфере «универсальных реалем», то мы увидим, что «система семем» более автономна по отношению к «системе реалем», а способы ее языковой сегментации более разнообразны. Это разнообразие наблюдается даже на материале языков со значительной степенью сходства (близкородственных, контактирующих и т. п.).

Предложенный способ конструирования микрополей, основанный на формально-генетическом тождестве лексем, не применим в сфере языковых союзов, объединяющих языки различных семей (например, в сфере балканского союза). Однако это справедливо по отношению к самому конструированию, а не к использованию готовой модели для типологических сравнений языков, объединенных союзом. При помощи такой модели важно было бы установить возможную тождественность семантических связей, тождественность набора ДП, их соотношений, а также, вероятно, и амплитуды колебания лексем. Принимая соотношение «лексема : семема», предложенное выше, можно отвлечься от материальной манифестации семем, учитывать лишь конфигурации наборов семантических единиц, которые послужат материалом для типологических сравнений.

Некоторые практические выводы для лингво-географии. Славянская лингво-география исследовала до сих пор словарный состав диалектов исключительно в двух традиционных планах: «от значения к слову» и «от слова к значению». Это выражалось в том, что в программах-анкетах ставился вопрос: либо «как у вас называется 'петух'» (или 'сжатое поле', или 'хорошая погода' и т. п.)?, т. е. какой лексемой манифестируется данная семема, либо «что означает слово 'погода'» (или 'пахать', или 'баско')?, т. е. какую семему манифестирует данная лексема. По такому принципу построены программы русского, белорусского, украинского, болгарского, закарпатского и других национальных атласов. Этот же принцип положен в основу предварительных программ для будущего общеславянского атласа.

Следует сразу же признать, что такой атомарный подход возможен и его с известными ограничениями нужно сохранить в практике лингво-географических исследований. Однако нельзя не заметить, что он недостаточен и, при решении некоторых более широких задач, может вызвать ряд непреодолимых затруднений. К ним относится в первую очередь частая семантическая несоотносимость атомарно взятых лексем, различная ширина семантического спектра или объема одной и той же лексемы в разных

диалектах, зависящая от различия в связях и противопоставлениях другим семемам, манифестируемых лексемами, т. е. прежде всего от различия в дистрибуции лексем на семантической сетке. Атомарный подход приводит обычно к выделению одного из дифференциальных признаков: признака, релевантного для одной группы диалектов, но не всегда такового для другой, где этот признак может нейтрализоваться или может возникнуть альтернатива на иной основе. Поэтому на практике нередки случаи некоей инвариантизации значения по различным довольно произвольно и субъективно устанавливаемым принципам, которая может привести к игнорированию важных типологических показателей и даже к неправильному установлению изоглосс.

Чтобы избежать этих затруднений, составители программ прибегают иногда к более «терминологичной» лексике, к лексике, связанной с материальной культурой и т. п., где наблюдается большая дискретность и меньшая диффузность семем. Атомарный подход к материалу требует и выбора материала, более атомарного по своему характеру, выбора слов (лексем : семем), сигнализирующих о достаточно изолированных и отдельных реалиях внешнего мира, т. е. таких членов ситуаций, когда внеязыковая действительность сама достаточно ярко сегментирована и стабильна и языковая сегментация максимально приближается к ней. Вот почему в программах часты вопросы такого характера: «В чем растворяют тесто?» (вопрос 153)⁶, «Чем черпают воду для питья?» (вопрос 154), «На чем носят ведра?» (вопрос 155), «Посуда для молока... Необходимо указать назначение (для кипячения, для отстоя, для хранения) и дать рисунки видов этой посуды» (вопрос 156), «Чем вынимают горшки из печи?» (вопрос 157), «Чем вынимают сковородку?» (вопрос 158), «Берестяной сосуд цилиндрической формы» (вопрос 159), «Орудие для выколачивания белья при стирке» (вопрос 160), «Мешок, навешиваемый для кормежки на голову лошади» (вопрос 161), «Приспособление для переноски на спине разной поклажи» (вопрос 162) и т. п. В этих случаях, однако, возможны также факты альтернативации и различной дистрибуции лексем на семантической микросетке (ср. пример с названием полотенца в молдавских диалектах)⁷ и, наконец, что не менее важно, возможны трудности внелингвистического порядка, а именно: неоднородность и несоотнесенность отдельных реалий. С такими осложнениями неоднократно сталкивалась практика лингво-географии.

Отказываясь от подробного критического анализа лексических разделов славянских диалектологических программ (что может быть предметом отдельной статьи), приведем лишь несколько характерных примеров, в основном из уже затронутой нами области названий погоды.

Программа русского лингвистического атласа⁸ в разделе «от слова к значению» ставит два вопроса: «*Вёдро* — ясная погода?» (вопрос 288), «*Погода* — хорошая или дурная погода, ненастье? *Погодный, погодливый, погожий?*» (вопрос 289); программа белорусского атласа⁹ в том же разделе ставит вопрос, что означает «*пагодба?*» (вопрос 296); программа украинского атласа¹⁰ обращается к той же тематике в разделе «от значения к слову», ставя задачу выяснить, как называется «погана погода?» (вопрос 43) и «добра погода?» (вопрос 44).

⁶ См. «Программу собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка», М.—Л., 1947, стр. 132—133.

⁷ См. Р. Г. П и о т р о в с к и й, Структурализм и языковедческая практика, ВЯ, 1957, 4.

⁸ «Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка», М.—Л., 1947.

⁹ «Програма па вывучэнню беларускіх гаворак і збіранню звестак для складання дыялекталогічнага атласа беларускай мовы», Мінск, 1950.

¹⁰ «Програма для збірання матеріалів до діалектологічного атласа української мови», Київ, 1949.

Отсутствие структурного подхода в вопросе об альтернативности положительного качества и отрицательного качества, сказавшееся в опущении вопроса о нейтрализации этих ДП, т. е. о лексеме (или семеме), обозначающей 'погода вообще', делает собранный материал не всегда пригодным для картографирования. Поэтому, вероятно, в первом томе русского атласа¹¹ эти карты не выполнены (хотя возможна и другая причина, так как упомянутые вопросы были факультативными и ответ необязательным); на том же основании, надо полагать, не удалась карта в белорусском атласе¹² (результаты предварительного картографирования украинского материала нам неизвестны).

Нельзя считать вполне достоверной и карту № 2 закарпатского лингвистического атласа¹³ «Назвы для гарної сонячної літньої погоды». Выбор только одной семемы с положительным ДП и отказ от выяснения альтернатив привел к неточному определению семантического объема (семантического спектра) анализируемых лексем. В качестве лексем, «обозначающих хорошую солнечную погоду, когда можно выполнять все важнейшие сельскохозяйственные работы» (этот дополнительный признак не всегда релевантен, так же как не релевантен и признак продолжительности хорошей погоды), отмечены на карте *вєре^умн'а* (*вєре^умн'э*), *година*, *хвѣ^ла*. Но из приводимых рядом с картой примеров из печатных источников становится ясно, что эти же лексемы могут обозначать погоду вообще: «За добров хвѣлов злу ждѣй» (М. Лучкай, Grammatica Slavo-Ruthena, 160); «За зловь годиновь добру ждѣй» (Недзельский, 3 уст народу, 76).

Можно предположить, что упущением в приведенных выше случаях являлось лишь недостаточное количество отдельных перекрестных вопросов в разделах «от слова к значению» и «от значения к слову», что следовало только увеличить их число в отношении интересующего нас семантического поля и материал можно было бы картографировать даже с указанием основных альтернатив. Однако дело обстоит не совсем так. В двух предварительных лексических программах-проектах для общеславянского атласа — в русской части «от слова к значению»¹⁴ и в польско-югославской части «от значения к слову»¹⁵ для интересующей нас проблемы отведено десять вопросов: «Существительное *godina* (р. година, укр. година, бел. гадзіна, н. godina, л. hodžina, ч. hodina, слц. hodina, с. гбдина, слв. godina, б. година). Напр.: 'время, пора', '1 час, 60 минут'; 'погода'; 'непогода, дождь'; '1 год, 12 месяцев' и т. д.» (ВОЛЛЛ, вопрос 60); «Существительное *godъ* (р. год, укр. год, бел. год, н. gody, л. gody, ч. hod, слц. hod, с. год, слв. god. б. годе). Напр.: '1 год, 12 месяцев'; 'праздник: рождество, свадьба, именины, причастие'; 'бросок, метание'; частица 'нибудь, либо' и т. д.» (ВОЛЛЛ, вопрос 63); «*Jak się nazywa to, co spada latem z chmur? 1. 16 deszcz; 7. дождь; 10. киша, дажд*» (КОБСГ, вопрос 1434/XXVII—11. F); «*Jak się nazywa «60 minut»? 1. godzina; 7. час; 10. cat, час*» (КОБСГ, вопрос 1482.L); «*Czy znany jest kont. ps. *godina?* (forma i znaczenie); *Znaczn. znane: 1/24 doby, pora roku, niepogoda żadna pogoda. Inne znaczn.:*» (КОБСГ, вопрос 1483. Sm.); «*Co znaczy „godzina“? 1. 60 minut; 10. час, cat, ура*» (КОБСГ, вопрос 1484. Sm.); «*Jak się nazywa 12 miesięczny okres czasu?* (N.sg. i pl.) 1. rok, lata; 7. год; 10. година» (КОБСГ, вопрос 1488/XXVII—74. L. Sl.); «*Czy znany jest kont. ps. *godъ?* (forma i znaczenie) 1. gody; 7. год, 10. год: *Znaczn. znane: gody, święto. Boże Narodzenie, czas, rok. Inne znaczn.:*» (КОБСГ, вопрос 1490. Sm.). Некоторые вопросы в двух проектах повторяются (ВОЛЛЛ, вопрос 60 и КОБСГ, вопрос 1484, а также ВОЛЛЛ, вопрос 63 и КОБСГ, вопрос 1490); в тех же проектах есть еще вопросы на лексемы *časъ* (ВОЛЛЛ, вопрос 21, КОБСГ, вопрос 1459), *rokъ* (ВОЛЛЛ, вопрос 178, КОБСГ, вопрос 1489), но отсутствуют вопросы для лексем *vrēme*, *lěto* (от слова к значению), *chvil'а* и др.

Казалось бы, количество вопросов достаточное. Однако отсутствие заранее программированной семантической сетки с максимальным набором ДП может привести к опущению важного материала, например, фиксации лексем для семем 'благоприятный дождь'; 'вредный, плохой дождь'; 'плохая погода' и т. п.; к появлению на картах значительного числа белых пятен, не говоря уже о невозможности установления некоторых альтернативных отношений.

Традиционный атомарный подход к семантическим фактам («от слова к значению»), игнорирующий структурные семантические связи, выработал в лингво-геогра-

¹¹ «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Карты», М., 1957.

¹² «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы», Мінск, 1963 [в печати].

¹³ См. И. О. Дзендзелівський, Лінгвістичний атлас українських народних говірів Закарпатської області УРСР (лексика), І, Ужгород, 1958.

¹⁴ См. «Вопросник общеславянского лингвистического атласа. Лексика. Раздел «От слова к значению», М., 1961 (сокращ. ВОЛЛЛ).

¹⁵ См. «Kwestionariusz ogólnosłowiański do badań słownictwa gwarowego» (Projekt № 3) (сокращ. КОБСГ), I и II, Warszawa, 1961.

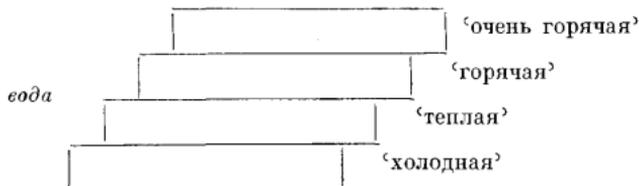
¹⁶ Цифры 1, 7 и 10 означают соответственно материал из языков: 1 — польского, 7 — русского, 10 — сербскохорватского.

фии один тип вопроса «Что означает слово *x*?». Это привело на практике к многочисленным трудностям и неудачам, сказавшимся в том, что в русском атласе в первом томе из 52 семантических вопросов программы выполнены только три: *кербь*, *тенето* и *шабёр*. Для карты *кербь* в комментариях читаем следующее: «Картографируется только наличие или отсутствие слова *кербь*, потому что его значение во всех говорах одинаково — мера льняного волокна»¹⁷. А в комментариях к карте *шабёр* указано: «Картографируются два значения слова *шабёр*: „сосед“ и „пайщик“. Другие значения как единичные и малодостоверные не представлены на карте самостоятельными знаками; они или обозначены отсылочными знаками, если эти значения являются единственными, или совсем не отмечены на карте, если они приведены наряду с картографируемыми значениями: „сосед“ или „пайщик“, т. к. в этом случае они рассматриваются как оттенки основных значений»¹⁸.

Более сложные семантические вопросы в первом томе русского атласа опущены. В белорусском атласе из 33 семантических вопросов программы выполнен на карте только один вопрос (*л'а'да*). В закарпатском атласе в первых двух томах на 264 ономаσιологических («лексических») вопроса приходится только два семантических [карта 53 — *люди* (*люде*) и карта 149 — *челядь*]. В болгарской программе¹⁹ фактически было лишь три семантических вопроса, из которых два отражены на картах подготовленного к печати «Атласа болгарских говоров Юго-Восточной Болгарии» (вопрос 208 — *мръсен* и вопрос 209 — *лют*). Это следует учитывать и при разработке программы общеславянского атласа (семантический вопросник, созданный в Институте русского языка под руководством Р. И. Авансцова, насчитывает 267 вопросов). Вероятно, для общеславянского атласа наилучшей формой сбора материала может оказаться комбинация ономаσιологических и семантических вопросов при моделировании ряда семантических сеток.

Необходимость моделирования семантических сеток можно иллюстрировать еще на одном достаточно простом примере. В «Программе для сбора материала для болгарского диалектного атласа» в разделе «Как говорят в говоре» есть вопрос 195 — «горѣца вода или жѣшка вода», преследующий цель выяснить, какой эпитет дают в говоре воде, когда она горячая. Получен материал приблизительно из 500 пунктов, но его представили неоднородно собранным и карта не получилась. Материал не картографировался потому, что, хотя вопрос был значительно сужен [нужно было выяснить лишь определенное словосочетание, а не вообще узнать, каким словом (лексемой) в говоре означается понятие 'горячий'], он не был правильно поставлен. Оказалось, что в одном говоре одной и той же лексемой обозначались понятия 'горячий' и 'теплый', в другом — семема 'горячий' разделялась на две семемы 'очень горячий' и 'просто горячий'. Внеязыковая действительность сегментировалась различно: для шкалы от обыкновенной нормальной и низкой температуры воды до самой высокой температуры в разных говорах фиксировались разное количество семем — соответственно лексем и отмечалась их различная дистрибуция.

Следовало моделировать максимально дифференцированную семантическую сетку, или «лестницу», подобного типа:

Если бы исследуемый материал классифицировался в соотношении с «лестницей», то выяснилось бы, что есть говоры, где фиксируются, например, следующие лексемы: *студена*, *топла*, *горѣца*, *възвряла*; есть говоры,

¹⁷ «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Вступительные статьи, справочные материалы и комментарии к картам», стр. 1081.

¹⁸ Там же, стр. 1085.

¹⁹ См. С. С т о й к о в, Програма за събиране на материали за български диалектен атлас, София, 1959.

где фиксируется *студена*, *топла*, *жешка* или только *студена*, *гореща* и т. п. Таким образом, можно было бы расклассифицировать говоры с четырехчленным, трехчленным и двухчленным отношением, определяя одновременно соотношение конкретных лексем в этих пределах, подобно тому, как это было предложено на примере поля *дождь — погода*.

Необходимость выяснения полного набора и последовательного соотношения лексем в таких случаях осознавал еще И. А. Бодуэн де Куртенэ, который в резьянском диалекте села Раванца²⁰ зафиксировал, помимо ступени 'холодная вода', еще три ступени:

ta mláčna vodá — letnia
ta ģirka vodá — gorąca
ta zowrêta vodá — wrzęca

Подобным же образом следует собирать сведения, например, о лексемах, выражающих степень интенсивности дождя: дождь *накрапывает*, *моросит*, *идет*, *льет*, *хлещет* и т. п. Некоторые наши наблюдения над отдельными южнославянскими диалектами показывают, что в них имеются значительные различия структурного порядка: далеко не во всех говорах фиксируется четырехчленное, трехчленное и даже двухчленное соотношение. В них часто обнаруживаются «нулевые» показатели — пустые ступени на семантической «лестнице», которые у многих диалектологов оставались без внимания, хотя они дают ценный материал для типологии. Так, например, если в болгарском говоре села Ерма-река (Хермет) Златоградского района (Восточные Родопы) фиксируется «лестница» — *ронѣчка* 'накрапывает', *росѣ* 'моросит', *лѣти* 'идет' (о дожде) (собствен. наблюд.), а в чакавском говоре Шупнева Села среза Огулин (Хорватия) «лестница» — *šprjeva* 'накрапывает', *škrapa* 'моросит', *pada* 'идет', *līje* 'льет' (см. ZNŽO, V, 169, 170), то в македонском говоре села Ловраде Костурского края (Эгейская Македония) зафиксирована лишь одна нейтральная ступень 'идет' — *páda*, *padínva*; интенсивность передается наречием *мно̀го* и т. п. (собствен. наблюд.).

Помимо картографирования отдельных лексем или семем, возможно картографирование их соотношений²¹, картографирование различных типов микрополей, которые могут быть определенным образом классифицированы в «признаковом пространстве». При этом можно добиться различной степени отвлеченности от протокольной базы путем установления инвентарных, инвентарно-дистрибуционных и чисто дистрибуционных различий. В лингво-географической проекции можно демонстрировать не только материальную манифестацию явлений, но и их отношения и даже только их отношения.

Некоторые практические выводы для исторической семасиологии и этимологии. Историческая семасиология и как таковая и как составная часть этимологии чаще всего оперирует отдельными лексемами, вернее — соотношением отдельной лексемы с разными семемами. Таким путем чаще всего строится история слов. Разные семемы, относящиеся к одной лексеме, в диахроническом плане нередко строятся по ранжиру общелогических, общесемантических понятийных цепей, линейно, как некий спектр с переходными тонами и оттенками, напоминающий цветовую шкалу или весовую таблицу.

²⁰ И. А. Бодуэн де Куртенэ, Резьянский словарь [рукопись, хранящаяся в Архиве АН СССР в Ленинграде (фонд 102, опись 1, № 9)].

²¹ Сведения сербскохорватских говоров к пяти основным типам на основании микросетки *дождь — погода* произведено нами в статье «Из географии славянских слов...», стр. 145—146.

Если взять интересующую нас лексему *година* и соответствующие ей в разных славянских диалектах семемы 'час', 'год', 'пора', 'время', 'погода', 'ненастье', 'дождь', 'благодатный дождь' и т. д. и рассматривать их вне учета других лексем и их дистрибуции на семантической сетке, то может возникнуть представление, что от значения 'благодатный дождь' до значения 'ненастье', а тем более 'год' и 'час' протекал хронологически длительный путь развития. Часто при анализе различных семем одной лексемы эксплицитно или имплицитно выражается представление о том, что все эти семемы являются звеньями одного и того же эволюционного процесса. Между отдельными звеньями, достаточно далеко отстоящими друг от друга по значению, обычно предполагается или отыскивается ряд переходных звеньев, трактуемых чаще всего в плане хронологическом, а разные семемы в отдельных диалектах рассматриваются при этом почти исключительно как фиксация (семантические реликты и т. п.) различных периодов единого семантического развития.

Лингво-географический аспект убеждает нас часто в том, что далекие друг от друга значения (семемы) одного и того же слова (лексемы) встречаются территориально очень близко в говорах одного и того же языка или в одной и той же группе говоров этого языка (ср. *година*, *время*, *балкан*, *бор*, *гора* и т. п.). Это вынуждает нас отказаться от представления о развитии значения, как о некоей линейной цепной реакции, и уделить серьезное внимание факту соотношения лексем, проблеме их дистрибуции на семантической сетке²², учитывая, что разная дистрибуция в отдельных говорах могла происходить хронологически одновременно. Часто встречающееся в этимологических исследованиях стремление к инвариантизации значения является естественным «средством защиты» при атомарном рассмотрении фактов. Почти каждая этимологическая статья (если она не ограничивается так называемой «ближней» этимологией) в принципе демонстрирует семантическое развитие от общего к конкретному, частному, в то время как в большинстве случаев и прежде всего при образовании отвлеченных понятий процесс шел в обратном направлении.

Это вынужденное инвариантизирование этимология смогла бы в известной мере преодолеть, если бы она отказалась от рассмотрения отдельных лексем и перешла к рассмотрению лексемных групп, объединенных семантическим микрополем. Выяснение дистрибуции, а также, что весьма важно, амплитуды колебания лексем и некоторых устойчивых семантических связей (типа *гора — лес*) в современных диалектах позволит для более древнего состояния реконструировать ряд моделей семантического поля со значительной степенью вероятности. И подобно тому как фонема, характеризуемая определенным набором дифференциальных признаков, входя в общую систему дистрибуции фонем, не может иметь в ряде случаев большее число дифференциальных признаков или их иной набор, подобно тому как одна серия наборов дифференциальных признаков исключает возможность некоторых других наборов, — дистрибуционная позиция лексемы на семантической сетке, т. е. выражение ею определенной семемы (или определенных семем),

²² Так называемая поляризация значения (энантисемия) для многих традиционных лексикологов казалась довольно загадочным явлением (см., например, В. Н. П р о х о р о в а, О словах с противоположными значениями в русских говорах, «Научн. доклады высшей школы. Филол. науки», 1961, 1, стр. 127), однако в свете сказанного становится ясным, что энантисемия в чистом виде (типа русск. *погода*: 'хорошая погода', 'плохая погода') никогда не может встретиться в одном говоре, в одной семантической системе, так как в случае появления двух энантисемичных лексем (как результат заимствования, скрещения и т. п.) произошла бы нейтрализация.

исключает возможность выражения других семантем. В этой области еще предстоит серьезная работа по выработке методики предсказуемости (predictability).

Следует отметить также, что серию моделей с максимальной степенью предсказуемости можно анализировать с комбинированным применением лингво-географических методов. При этом серия моделей (или ее часть) может быть дифференцирована и представлена как результат диалектного членения праязыка.

Однако структурное изучение славянского словарного состава находится, к сожалению, еще на столь несовершенной стадии, что даже не определен для большинства славянских диалектов и н в е н т а р н ы й набор лексем по отдельным группам лексики²³, не говоря уже о их структурно-дистрибутивном анализе.

Некоторые наблюдения над географической и метеорологической терминологией в ряде южнославянских, украинских и белорусских говоров приводят к заключению, что в каждом отдельном диалекте конкретный инвентарь лексем довольно ограничен и далеко не отражает всего богатства «реалий», представленных на территории говора. В Родопах, например, в каждом диалекте фиксируется в принципе свой набор лексем, и многие географические термины, известные в литературном языке или из материалов по южнославянской диалектологии, оказываются неизвестными информаторам. Это же можно сказать в отношении южномакедонских говоров. Наконец, та же кажущаяся «бедность» лексем по терминологии, связанной с болотами и лесами, наблюдается в диалектах Полесья. В каждом конкретном говоре находится в общем меньшее количество географических терминов, чем это зафиксировано, например, в небольшой работе К. Мошиньского по полесской топонимической терминологии²⁴. Однако совсем иное положение возникает при анализе их значения, т. е. соотношения и дистрибуции.

Исследования такого типа, как работа по сербскохорватской географической терминологии Й. Шютца²⁵, представляют собой инвентарь разрозненных лексем вне какой-либо системы, взаимного соотношения и более или менее точного территориального отнесения, инвентарь, реально не существующий ни в одном из сербскохорватских диалектов. Пользуясь несколько грубым сравнением, скажем, что в принципе подобное описание лексики оказалось аналогичным такому изложению диалектной морфологии, при котором были бы перечислены подряд все морфемы, встречающиеся на территории распространения сербскохорватских говоров, без их группировки по соответствующим парадигмам.

Этот же упрек в известной мере можно отнести и в адрес некоторых областных словарей, охватывающих значительные территории. Еще более трудное положение возникает при обращении к дифференциальным диалектным словарям. Они фиксируют только лексику, не являющуюся литературной (в лексическом и семантическом плане), и не дают никакой информации об общем реальном наличии слов, что делает почти невозможным их использование для структурных сравнительно-исторических и сравнительно-типологических штудий*.

²³ Здесь следует особо оговорить полезные усилия польских диалектологов и отметить в первую очередь ценную серию «*Slownictwo Warmii i Mazur*».

²⁴ К. М о s z i ŋ s k i, *Uwagi o słowiańskiej terminologii topograficznej i fizjograficznej oparte przeważnie na materiale białorusko-poleskim*, «*Archiwum nauk antropologicznych*», I, 5, Lwów — Warszawa, 1921.

²⁵ J. S c h ü t z, *Die geographische Terminologie des Serbokroatischen*, Berlin, 1957.

* Автор приносит искреннюю благодарность А. А. Реформатскому, И. И. Ревзину, И. А. Мельчуку и В. А. Московичу, прочитавшим статью в рукописи и сделавшим ряд ценных замечаний.

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

О ПРИЧИНАХ УСТОЙЧИВОСТИ АГГЛЮТИНАТИВНОГО СТРОЯ

Возникновение агглютинативного способа соединения морфем само по себе не является проблемой. Элементы агглютинации имеются в языках самого различного строя — в семитских, индоевропейских, китайском и многих других языках. Степень распространения элементов агглютинации в разных языках весьма различна. Типы агглютинации многообразны, и историческое развитие агглютинативного способа соединения морфем во многом зависит от того, с какими другими способами соединения морфем он сочетается в данном языке. Поэтому китайская агглютинация отнюдь не тождественна турецкой, и неверной является неизменно повторяющаяся во всех учебниках по курсу «Введение в языкознание» мысль о существовании в языках чистой агглютинации турецкого типа.

Агглютинативный способ соединения морфем не связан с какой-либо определенной эпохой: он может возникнуть в любую эпоху, в языках древних и языках новых. В образовании морфологического строя языков наблюдается известная последовательность: первоначально самостоятельное слово превращается в служебное; служебное слово может превратиться в суффикс с более или менее четкими границами (агглютинация); в дальнейшем оно может превратиться в более прочно спаянный со словом форматив, образуя тем самым соединение типа флексии индоевропейских языков. Различные внутренние противоречия флективного строя приводят к его распаду и образованию аналитического строя. Новые служебные слова могут снова превращаться в морфемы, возникает новый агглютинативный строй. Отмеченные в самых различных языках, эти процессы ввиду их абсолютной очевидности и всеобщей известности не рассматриваются специально в настоящей статье. Проблемным может быть другой вопрос: почему агглютинативный строй, раз возникнув, сохраняется иногда на протяжении многих столетий и даже тысяч лет.

Само собой разумеется, что эту проблему правомерно ставить только по отношению к языкам чисто агглютинативного типа, где распространение агглютинативного способа соединения морфем достигло почти полной абсолютизации. В нашей статье речь будет идти об агглютинации тюркского и восточноугрофинского типа, поскольку в этих языках агглютинативный строй представлен, по нашему мнению, в его наиболее чистом виде.

Может показаться, что причина длительной устойчивости агглютинативного строя языков таится в каких-то совершенно особых процессах исторического изменения слов и их форм в агглютинативных языках, совершенно не свойственных языкам другого морфологического строя, например флективным. Однако такое предположение было бы ошибочным. Агглютинативным языкам свойственны те же процессы историче-

ского изменения слов и форм, которые обычно наблюдаются и в других языках. Эти процессы следующие:

1) возникновение чередования конечных согласных основ; например: чуваш. *jat* «имя» — *jaž-ə* «его имя»; турецк. *birlik* «союз» — *birlij-i* «его союз (объединение)»; ненец. *tubka* «топор» — вин. падеж мн. числа *tubci*; фин. *terveys* «здоровье» — род. падеж ед. числа *terveyd-en*;

2) возникновение чередования гласных; например: новоуйг. *at* «лошадь» — *etler* «лошади»; ненец. *jaha* «река» — вин. падеж мн. числа *jesi*; *ja* «земля» — вин. падеж мн. числа *jo*; норв.-саам. *gi* «который» — *goen* «которого»; норв.-саам. *doalam* «я прихожу» — *dollim* «я пришел»; кольско-саам. *varr* «путь» — дат.-направит. падеж *vorra* «в путь» и т. д.;

3) возникновение внутреннего и внешнего сандхи; например: марийск. *jolgoro* «пешеходная тропинка» (из *jol* «нога» и *korno* «дорога»); *ruž ulam* «я русский» (из *ruš ulam*); чуваш. *Jelena duxrë* «Елена вышла» (из *Jelena tuxrë*); эрзя-мордов. *od dikše* «молодая трава» (из *od tikše*) и т. д.;

4) разрушение конца слова; например: татар. *su* «вода», исторически из *suγ* (ср. глагол *suγar* «орошать»), крымско-татар. *suγ*, башк. *hyw*; коми-зырян. *kos* «поясница» (из *kosk*); удм. *šyr* «мышь», но фин. *hiiri* и т. д.;

5) случаи переразложения основ; например: коми-зырян. *mi* «мы», но дат. падеж мн. числа *mijan-ly*, где *ly* была использована в качестве основы форма род. падежа мн. числа *mijan*; татар. *qyzny* «девушку» (исторически из *qyzy*), где *n* перенесено от основ личных местоимений (ср. *min* «я», *sin* «ты» и т. д.);

6) многочисленные случаи ассимиляции согласных; например: татар. *qazan* «котел» — мн. число *qazannar* «котлы» (вместо *qazanlar*); башк. *at* — мн. число *attar* «лошади» (вместо *attlar*) и т. д.

Основное отличие агглютинативных языков рассматриваемого нами типа от индоевропейских состоит лишь в том, что некоторые из этих процессов, например возникновение аблаута, для них не типичны и встречаются в довольно редких случаях. Причины устойчивости агглютинативного строя языков, очевидно, заключаются в чем-то другом. Предварительные изыскания в этой области показали, что при выявлении причин устойчивости агглютинативного строя языков необходимо рассмотреть прежде всего два фактора: 1) отсутствие в агглютинативных языках классного деления имен существительных и 2) наличие твердого порядка слов: определение + определяемое. Эти два основных фактора имеют в агглютинативных языках далеко идущие следствия, которые мы ниже постараемся рассмотреть более подробно.

*

Отсутствие классного деления имен существительных в агглютинативных языках способствует возникновению в них в основном стандартной и единой парадигмы склонения с аксиальной, или осевой, структурой.

Как известно, в древних, а также в значительной степени в новых индоевропейских языках корень слова почти никогда в им. падеже не выступает в чистом виде. Имя существительное в индоевропейских языках в им. падеже выступает как комплекс морфем, в котором корневая морфема осложнена другими морфемами, представленными классными показателями. В качестве наглядного примера может быть приведено греч. *λόγος* «речь, слово». В этом слове корень *log*, чередующийся с *leg*, осложнен основообразующим гласным основы *-o* и показателем мужского рода *-s*. Эти классные показатели отражают по крайней мере

два исторических периода — период возникновения первичных классовых показателей и период возникновения вторичных классовых показателей. Первичные классовые показатели оставили следы в конечных гласных основах и некоторых согласных. В древних индоевропейских языках различались основы на *-ā*, *-o*, *-u*, *-i* и т. д. Вторичные классовые показатели были представлены родовыми формантами. Частично в роли формантов рода были использованы первичные показатели.

Склонение имен в индоевропейских языках древнейшей поры их существования, по всей видимости, напоминало склонение имен существительных в тюркских языках, где каждый падеж имел одно стандартное окончание. С точки зрения формальной логики такое положение вещей является вполне нормальным и несколько не препятствует языку быть средством общения. Если в языках возникает многообразие типов склонения, то причиной этого явления могли быть различные осложняющие обстоятельства. Различные изменения конца слов в индоевропейских языках, а также случаи слияния основообразующих гласных с гласными падежных окончаний привели к довольно большому числу различных типов склонения. Почти каждая основа имела свой тип изменений по падежам.

В результате действия аналогии происходило перемешивание падежных окончаний разных типов склонений. История падежных окончаний в индоевропейских языках отличается большой сложностью. Возьмем для примера новогреческую форму мн. числа от основ на древнее *-ā* типа *χώρα* «страна», *χώρες* «страны». Наиболее древним окончанием мн. числа существительных на *-ā* было *-ās*. Следовательно, форма мн. числа от *χώρα* некогда звучала как *χώρας*. Позднее под влиянием местоименных форм мн. числа типа *ταί* «эти» основы на *-ā* получили местоименное окончание *-ai*, откуда в древнегреческом *χώραί* «страны». В новогреческом языке под влиянием мн. числа существительных типа *πατέρες* существительные типа *χώρα* получили новый формант мн. числа *-es*. Таким образом, новогреческое окончание *-es* у существительных типа *χώρα* представляет собой результат трех коренных преобразований.

В индоевропейских языках необычайно увеличилось количество вариантов основы в пределах одной парадигмы. Ср. в латинском *genus* «род» — род. падеж ед. числа *gener-is*; в древнегреческом им. падеж ед. числа *γίγας* «великан» — род. падеж ед. числа *γίγαν-ος*. Вариантность в значительной степени усиливалась вторжением падежных окончаний других типов склонений под влиянием аналогии; ср. гот. *brōþar* «брат» — вин. падеж мн. числа *broþru-ns* (результат влияния основ на *-u*). В ряде случаев имела место фузия конечного гласного основы и падежного окончания или окончания мн. числа. Ср. греч. *λόγος* — род. падеж ед. числа *λόγου*, причем древняя форма, возможно, была *logoso*; лат. *populus* «народ» — дат. падеж мн. числа *populīs* из *populois* > *populeis*, где в *ī* оказались слиты конечный гласный основы *o* и гласный падежного окончания *-ois* (более древняя форма — *-ōis*).

Процесс увеличения вариантов основ одновременно сопровождался утратой некоторых падежных окончаний и так называемым падежным синкретизмом. Так, в истории латинского языка дат. падеж ед. числа основ на *-o* имел окончание *-ōi*, например *populōi* «народу». Отложительный падеж ед. числа от тех же основ имел окончание *-ōd*: *populōd* «от народа». Вследствие отпадения конечного *-i* в первом случае и конечного *-d* во втором две ранее различные формы *populōi* и *populōd* слились в одной форме *populō*. Необходимо заметить, что полисемантизм морфем в индоевропейских языках во многом объясняется синкретизмом. Все эти процессы обусловлены пятью основными причинами:

1. Конкретные значения древних классовых показателей (показателей основ) в связи с возникновением нового классового деления имен существительных по родам постепенно утратились и превратились в десемантизованные морфемы, выступающие в роли чисто структурных, технизированных компонентов словоформ. Это обстоятельство в значительной мере ослабляло их сопротивляемость процессам слияния и выпадения звуков.

2. Некоторые окончания падежей в индоевропейских языках начинались с гласного, который мог подвергнуться слиянию с гласным показателем основы.

3. Возникновение разноместного силового ударения на определенном этапе развития индоевропейских языков облегчало процессы выпадения и слияния гласных, что также способствовало увеличению вариативности словоформ.

4. Возникновение вариаций падежных окончаний при сохранении их значений облегчало возможности переноса падежных окончаний по аналогии, что в еще большей степени способствовало увеличению типов склонения.

5. Увеличению вариативности словоформ способствовало также довольно широкое использование в индоевропейских языках аблаута.

Все эти пертурбации привели к тому, что уже древние индоевропейские языки утратили, по-видимому, некогда им присущее аксиальное строение парадигмы, когда все падежные окончания присоединялись к одной основе. Для индоевропейских языков типичным стал атомизм форм. Отдельная форма стала самодовлеющей. Четкое различие границ между морфемами часто оказывалось ненужным, утрачивало свою первоначальную значимость. Вместе с увеличением полисемантической морфем усиливалась роль контекста. Примерно те же процессы осуществлялись и в сфере глагола, хотя они и обладали своей спецификой.

Совершенно по-иному обстояло дело в агглютинативных языках. В этих языках не было классового деления имен существительных. Корень слова, не будучи отягощен классовыми показателями, в им. падеже мог выступать в чистом виде. Благодаря наличию этой особенности он стал организующим центром всей парадигмы склонения. Парадигма склонения в агглютинативных языках имеет ярко выраженную аксиальную структуру: все падежные окончания ряда ед. числа присоединяются к основе им. падежа ед. числа и все падежные окончания ряда мн. числа присоединяются к основе им. падежа мн. числа. Этим обеспечивается стандартность парадигмы склонения, типичная для агглютинативных языков. Аксиальная структура парадигмы и отсутствие классовых показателей не создавали почвы для возникновения множества типов склонения. Тем самым устранялась возможность смешения падежей различных типов склонения.

Интересно отметить, что аксиальная структура парадигмы в агглютинативных языках оказала довольно сильное влияние на характер фонетических процессов, происходивших в этих языках. Аксиальная структура парадигмы неразрывно связана с тенденцией к сохранению ясных границ между морфемами; эта тенденция одновременно играла роль тормоза, препятствующего возникновению значительных звуковых изменений на стыках морфем. Этим объясняется тот факт, что звуковые изменения на стыках морфем в агглютинативных языках не обладают, по сравнению с индоевропейскими языками, той степенью интенсивности, которая могла бы привести к серьезной деформации самой оси парадигмы, деформации основы слова. Для агглютинативных языков характер-

но отсутствие ¹ (или минимальное количество) групп согласных в начале и конце слова. Сочетание согласных в агглютинативных языках обычно наблюдается в месте морфемного раздела; ср. турецк. *bulutlar* «облака» (*-lar* — окончание мн. числа), татар. *bardy* «он ходил» (*-dy* — показатель прошедшего времени). Свойство агглютинативных языков избегать стечения не разделенных морфемным разделом двух, а особенно трех согласных в конце слова, равно как и стечения трех (а иногда и двух) согласных на стыках морфем, в свою очередь предохраняет падежные и другие суффиксы от деформации, устраняет возможность возникновения их большой вариантности. Конечно, нельзя сказать, что появление вариантов морфем вообще исключено. Так, например действие закона гармонии гласных может привести к образованию вариантов падежных окончаний, тем не менее объективно тенденция к сохранению морфемного раздела в сочетании согласных и гармония гласных служат одной и той же цели — сохранению оси парадигмы.

Стремление избежать стечения нескольких согласных на стыках морфем с очевидностью обуславливает и другую характерную особенность чистых агглютинативных языков. Известно, что чистые агглютинативные языки сравнительно бедны дифтонгами типа *ai*, *ua*, *oi*, *uo*, *ei* и т. д. Если таковые дифтонги и появляются, то исторически они оказываются вторичными, возникшими из более древних сочетаний «гласный + согласный»; ср. фин. *naura* «смех», но карельск. *inagra*. Образование большого количества дифтонгов в чистых агглютинативных языках могло бы привести к нарушению существующих границ морфемного раздела. Стечения двух гетерогенных гласных в чистых агглютинативных языках обычно оказываются на месте морфемного раздела; ср. коми-зырян. *kerka* «дом» — *kerkaõ* «в дом» (*-õ* — окончание направительного падежа), *kerkays* «из дома» (*-ys* — окончание исходного падежа).

Наличие морфемного раздела, несомненно, препятствует образованию дифтонгов. Интересно при этом отметить, что в индоевропейских языках, которые из некогда флективных языков превратились в агглютинативные, количество дифтонгов также сильно уменьшилось; ср., например, такой язык, как армянский, обладающий необычайной скудностью дифтонгов.

Частым спутником агглютинации является гармония гласных, связанная с сохранением определенного режима, постоянного качества гласных, а иногда и согласных. Гармония гласных является, несомненно, результатом стремления агглютинативных языков к сохранению аксиальной структуры парадигмы и к ограничению возможности увеличения вариативности однозначных аффиксов (не считая тех вариантов, которые обусловлены действием самой гармонии гласных и которые не вызывают изменения оси парадигмы).

Гармония гласных создает большие препятствия для возникновения многообразия форм падежных и словообразовательных аффиксов. Так, например, при наличии в татарском языке окончания дательного-направительного *gä* при мягких основах, например *külgä* «в озеро», *õjgä* «в дом» и т. д., вытеснение формата *gä* в этом случае такими формантами, как *γα*, *γy*, *γo*, *γи* и т. д., не представляется возможным.

Самый факт подчинения закону гармонии гласных сигнализирует

¹ Типичное для чистых агглютинативных языков отсутствие сочетаний согласных в начале слова объясняется не только тем, что префиксальные морфемы в силу известных причин в агглютинативных языках не образуются (см. об этом ниже, стр. 54). Подобное скопление согласных, не разделенных морфемным разделом, было бы совершенно не типично.

в агглютинативных языках превращение самостоятельного слова в форматив. Показательной в этом отношении является история происхождения окончаний современного венгерского инессива *-ban, -ben*, которые развились из послелoga *benn*, по своей форме представляющего инессив от слова *bel* «внутренность». Интересно, что в древнейшем письменном памятнике венгерского языка, датируемом XIII веком, когда этот послелог находился на поддороге к превращению в падежное окончание, он употреблялся только в форме *benn*. Когда он тесно примкнул к основе слова, образовался его заднерядный вариант *ban*; ср., например, венг. *városban* «в городе».

Наличие гармонии гласных и нередко сопровождающих ее явлений так называемого губного сингармонизма, противопоставление гласных по признаку ряда (гласные заднего ряда и гласные переднего ряда), связанное с гармонией гласных противопоставление согласных переднеязычных согласным заднеязычным, невозможность или ограниченность сочетаний нескольких согласных в начале слова, на стыках морфем или в абсолютном исходе слова и связанная с этими явлениями особая типология слогов являются причиной относительно большей простоты дистрибутивных отношений фоном в агглютинативных языках по сравнению с индоевропейскими языками. Эти дистрибутивные отношения по всей видимости являются исторически более устойчивыми, что опять-таки не может не способствовать длительному сохранению агглютинативного строя языков. Аксиальная структура парадигмы является также причиной, препятствующей возникновению в агглютинативных языках такого явления, как аблаут, который в чистых агглютинативных языках вообще не встречается. При наличии аксиальной структуры парадигмы и хорошо сохранившейся системы падежных форм в аблауте нет никакой необходимости. Глагол в агглютинативных языках также не нуждается в аблауте, поскольку все глагольные формы дифференцированы очень четко.

Как уже говорилось выше, второй основной причиной, обуславливающей устойчивость агглютинативного строя языков, является наличие твердого порядка слов в словосочетаниях типа «определение + определяемое». Соблюдение строго определенного порядка слов создает весьма благоприятные условия для развития способа примыкания как средства синтаксической связи слов, находящихся в позиции определяемого и определения.

Одной из наиболее характерных особенностей агглютинативных языков является способность имен существительных выступать в роли определения, что способствует созданию в языке словосочетаний типа манс. *nor kol* «бревенчатый дом» (буквально: «бревно дом») и коми-зырян. *vöv jaj* «конина» (буквально: «лошадь мясо»). Такие словосочетания отличаются гораздо большей внутренней спаянностью по сравнению с равными по значению словосочетаниями индоевропейских языков, где один из его членов имеет оформление род. падежа или склоняемого прилагательного (типы: *дом отца* или *зеленый луг*), поскольку они приближаются к сложным словам.

Развитие способа примыкания делает ненужным в агглютинативных языках склонение прилагательных. Действием закона «определение + определяемое» объясняется также типичная для агглютинативных языков препозиция род. падежа; ср. коми-зырян. *vohlön piys* «сын брата» (буквально: «брата сын»), фин. *kansan elämä* «жизнь народа» (буквально: «народа жизнь») ².

² Действием этого же закона объясняется выдвигание на передний план различных обстоятельств, ср., например: турецк. *Amerikada grevler* «забастовка в Америке».

Причастия, способные выступать в роли определений, согласно господствующему в агглютинативных языках закону «определение + определяемое», естественно, стремятся предшествовать своему определяемому. Поэтому личная глагольная форма, не способная выступать в роли определения, отгесняется на самый конец предложения. Конечное положение глагола отмечается в агглютинативных языках, принадлежащих совершенно различным семьям, например в монгольских, самодийских, тунгусо-маньчжурских, тюркских, некоторых финно-угорских, японском и т. д. Закон «определение + определяемое» распространяется не только на простейшие словосочетания типа «прилагательное + существительное». В определении превращаются конструкции, рассматриваемые как развернутые определения; ср., например, татар. *Ul miña balyq tota torğan külnä kürsättä* «Он показал мне озеро, в котором ловится рыба» (буквально: «он мне рыба ловящее озеро показал»). В этом примере словосочетание с причастием *balyq tota torğan* представляет развернутое определение. Это свойство агглютинативных языков ведет к значительному уменьшению в языке роли *verbum finitum* и количественному увеличению отглагольных имен и причастий.

Наличие развернутых причастных определений препятствует возникновению в чистых агглютинативных языках придаточных предложений, а тезис ряда тюркологов о существовании в тюркских языках придаточных предложений особого типа, по нашему мнению, основан на чистом недоразумении. Придаточные предложения чужды агглютинативным языкам, так как сам строй этих языков не создает никакой необходимости в их возникновении, поскольку развернутые причастные конструкции являются их заменителями. Правда, в современных агглютинативных языках встречаются придаточные предложения европейского типа, но они возникли в результате влияния индоевропейских языков. Некоторые агглютинативные языки, как, например, западные финно-угорские языки и, отчасти, восточные финно-угорские языки, почти целиком восприняли европейский строй предложения. Деепричастный оборот можно также в известной мере считать развернутым наречным определением глагольного действия. Поэтому все деепричастные конструкции, подчиняясь закону «определение + определяемое», располагаются в агглютинативных языках перед главным предложением, а не после него; ср. татар. *Aqça alyp, öjgä qajttım* «Получив деньги, я вернулся домой». Этим объясняется обилие в чистых агглютинативных языках деепричастных конструкций, позволяющих агглютинативным языкам обходиться без придаточных предложений европейского типа.

Все эти явления, представляющие следствие строгого соблюдения порядка слов в словосочетаниях типа «определение + определяемое», обуславливают целый ряд специфических особенностей синтаксического строя агглютинативных языков. Различные причастные и деепричастные конструкции, а также предложение с конечным положением сказуемого создают довольно строго организованные замкнутые единства. Эти замкнутые единства обладают большей устойчивостью. Косвенно они несомненно способствуют сохранению ряда других особенностей агглютинативных языков, что в конечном счете не может не способствовать длительному сохранению агглютинативного строя языков.

При наличии большого количества отглагольных имен и причастий необычайно расширяются возможности использования отглагольных имен и причастий для построения форм *verbum finitum*. Отглагольное имя или причастие очень удобно для создания форм перфекта, выражающего результат действия. Действительно, отглагольное имя типа *уход*

одновременно выражает идею результативности действия («кто-то ушел и в настоящее время его нет»). Остается только соотнести этот результат с определенным лицом или субъектом действия. Эта необходимость вызвала к жизни один из мощных факторов, способствующих сохранению агглютинативного строя, — притяжательные суффиксы. Генетически связанные с личными местоимениями и возникшие первоначально в сфере глагола, они были позднее перенесены в сферу имени; ср. фин. *talo-ni* «мой дом», татар. *ata-m* «мой отец», *kuz-ym* «моя дочь» и т. д. Это явление на первый взгляд, казалось бы, противоречит закону «определение + определяемое», но если учесть, что притяжательные суффиксы возникли в сфере глагола, противоречие устраняется.

Возникновение притяжательных суффиксов необычайно расширило возможности образования послелогов. Первоначальным ядром послеложной конструкции было, по всей видимости, словосочетание, построенное по схеме «определение + определяемое». Татар. *urman janynda* «около леса» могло первоначально означать «в стороне леса» или «в лесной стороне» (**urman janda*). Наличие в языке притяжательных суффиксов давало возможность присоединения притяжательного суффикса ко второму члену этого сочетания, в результате чего получалась конструкция: «в стороне, относящейся к лесу или принадлежащей лесу».

Послелоги способны сохранять агглютинативного строя языков во многих отношениях. Во-первых, они намного увеличивают возможность выражения различных нюансов значений, связанных с выражением разных пространственных отношений. Сфера значений индоевропейских предлогов не так широка. Возможность выражения пространственных отношений предохраняет в свою очередь существующие местные падежи от различных смешений, взаимовлияний, исчезновения и т. д. Во-вторых, послелого с течением времени могут превратиться в падежные суффиксы, обеспечивая тем самым постоянное воспроизводство агглютинативных прилеп, чего, например, не наблюдалось в истории индоевропейских языков, где предлоги иногда способствовали не укреплению флективного строя языков, а разрушению его и превращению в строй аналитический.

Примеров превращения послелогов в падежные суффиксы можно было бы привести довольно много; ср., например, такие падежи иньвенского диалекта¹ коми-пермяцкого языка, как внешний направительный — *ryzanvõ* «на стол», внешний местный — *ryzanvyn* «на столе», где окончания *-võ* и *-vyn* произошли из послелогов *vyõ* «на что-либо» и *vylyn* «на чем-либо». Окончание чувашского твор. падежа *-pa, -pe* (например, *kamba* «кем» или «с кем») этимологически родственно татарскому послелого *bälän* «с» (например, *käm bälän* «с кем»); эстонский суффикс комитатива *-ka, -ga* (например *rahaga* «с деньгами», *pojaga* «с парнем») восходит к послелого *kas* «с»; ср. фин. *kanssa*.

По сравнению с агглютинативными языками индоевропейские языки, почти не имея послелогов, обладали очень незначительными возможностями для создания новых падежных окончаний. Утрата падежных флексий иногда компенсировалась изменением коренного гласного основы; ср. склонение древнеирландского слова *fer* «муж» (лат. *vir*, литов. *vyras*): им. падеж ед. числа *fer*, род. падеж *fir*, дат. падеж *fiur* и т. д.

Падежные суффиксы в агглютинативных языках очень часто образуются из так называемых изменяемых послелогов. Изменяемый послелог, превращаясь в падежный суффикс, часто заключает в себе и падежный показатель, что, конечно, не ведет к коренному изменению существующей падежной системы; ср., например, окончание современного венгерского инессива *-ban/-ben*, возникшее из послелого *benn* < *beln* — формы инессива существительного *bel* «внутренность»; ср. также окончание коми-пермяцкого

суперэссива *vyu* < *vylyn* — формы местного падежа существительного *vy* «поверхность». Превращение послелогов в падежные суффиксы не вело к стиранию границ между формативами, так как такие суффиксы несли полную смысловую нагрузку. Нельзя обнаружить в агглютинативных языках ни одного случая фузии в местах соединения послелогов с корнем слова.

Постоянное воспроизводство агглютинативных прилеп из такого неиссякаемого резерва, каким являются послелогов, явилось одним из наиболее мощных факторов сохранения агглютинативного строя языков на протяжении многих столетий. Постоянное воспроизводство прилеп ведет к тому, что по аналогии и в силу своеобразной исторической инерции в агглютинативных языках создаются только прилепы и отсутствует префиксация; это в свою очередь оказывает громадное влияние на характер глагольного и именного словообразования, характеризующегося в агглютинативных языках обилием суффиксов.

Большое количество суффиксов также является известным следствием действия закона порядка слов «определение + определяемое». Корень и суффикс могут быть возведены к древнему словосочетанию, состоящему из двух слов, находящихся в отношении определения и определяемого; ср. коми-зырян. *remydlun* «темнота», (исторически: «темный день»). Совершенно естественно, что такая возможность переосмысления словосочетаний подобного рода, которые в изобилии имеются в агглютинативных языках, создавала самые благоприятные условия для массового производства суффиксов.

Отсутствие префиксов в чистых агглютинативных языках объясняется действием двух основных факторов: 1) широкое использование суффиксов создавало известную силу инерции, в результате которой по аналогии использовался только суффиксальный способ словообразования; 2) для образования префиксов не было особых условий. В индоевропейских языках префикс обычно присоединяется или к глаголам или к глагольным именам существительным. В агглютинативных языках материалом для префиксов могли служить только три категории слов: наречия, послелогов и деепричастия. Категория наречий в агглютинативных языках вообще развита довольно слабо. Послелогов не могли быть использованы в качестве префиксов, поскольку препозиция послелогов в языках агглютинативного строя была бы вовсе неестественной, противореча самой их природе. Деепричастия используются иногда в роли префиксов при отглагольных именах существительных (например, в татарском, банкирском, казахском и некоторых тюркских языках), но вообще агглютинативные языки прибегают довольно редко к такого рода способу и предпочитают передавать нюансы значений, выражаемые обычно префиксами, специальными значениями глагольных основ.

Широкие возможности образования суффиксов в агглютинативных языках являются до некоторой степени причиной тенденции к однозначности суффиксов. Для того, чтобы придать какому-либо суффиксу другое значение, агглютинативные языки широко используют способ уточнения значения одного суффикса путем прибавления к нему другого суффикса, в результате чего получаются целые «гирлянды» суффиксов.

Субъектно-объектные падежи в чистых агглютинативных языках развиты относительно слабо. Сфера род. падежа более сужена по сравнению со сферой род. падежа в индоевропейских языках. Так называемый дат. падеж одновременно является местным направит. падежом; вин. падеж, если он обозначает неопределенный объект действия, чаще всего не получает никакого оформления. Значительно сильнее, чем в индоевропейских языках, развита сфера местных падежей и локативных послеложных

конструкций. Наиболее типичные для агглютинативных языков локативные падежи меньше подвергнуты процессам смешения и возникновения полисемантизма, поскольку развитая система послелогов позволяет передавать самые различные нюансы локативных значений.

Выше уже говорилось о том, что чистые агглютинативные языки изобилуют причастиями, которые могут быть использованы как строительный материал для образования глагольных времен. Путем соединения причастий с вспомогательными глаголами могут образовываться формы различных времен глагола, что является также одной из причин сохранения агглютинативного строя языков. Аналитические глагольные времена обладают большой устойчивостью. Случаи контаминации форм двух аналитических глагольных времен наблюдаются довольно редко. Наоборот, неаналитические формы глагольных времен, как показывает, например, история индоевропейских языков, постоянно контаминируются.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что основными факторами сохранения агглютинативного строя на протяжении многих веков являются, во-первых, отсутствие классных показателей и, во-вторых, порядок слов «определение + определяемое». Эти две причины порождают различные следствия, которые в общей совокупности способствуют очень длительному сохранению агглютинативного строя языков на протяжении многих столетий и даже тысячелетий.

Отсутствие классных показателей является лишь благоприятным условием для существования агглютинативного способа соединения морфем. В связи с этим может возникнуть законный вопрос, что в данном случае является определяющим: или агглютинация определяет закон порядка слов «определение + определяемое», или, наоборот, закон порядка слов «определение + определяемое» определяет агглютинацию. Закон порядка слов «определение + определяемое» несомненно является наиболее существенным условием агглютинации, поскольку исторически каждое сочетание корня с суффиксом может быть сведено к простейшему сочетанию двух слов, находящихся в отношении определения и определяемого. Однако порядок слов, создающий необходимое условие для возникновения агглютинативных прилеп, сам в свою очередь активно поддерживается теми многочисленными следствиями, которые вытекают из природы агглютинативного строя. Поэтому указанные два фактора самым тесным образом между собой связаны, они взаимно поддерживают друг друга.

Было бы, конечно, неправомерно думать, что в любом языке агглютинативного типа должны обязательно наличествовать все перечисленные выше особенности. Так, например, в японском языке нет притяжательных суффиксов; имена прилагательные в финском языке могут склоняться; в венгерском и мансийском языках существуют глагольные префиксы; глагол в финском, лапландском, венгерском, мордовском и коми-зырянском языках не занимает конечного положения и т. д. Однако эти отдельные исключения не опровергают того факта, что большинство из охарактеризованных в данной статье особенностей все же является для языков агглютинативного строя наиболее типичным.

Особенности агглютинативных языков во многом облегчают работу историка языка, поскольку они позволяют широко применять метод девиации. Если задача создания исторического синтаксиса индоевропейских языков является очень трудным делом, то задача создания исторического синтаксиса для группы родственных агглютинативных языков облегчается во много раз. Так, например, синтаксис мордовского языка испытал очень

сильное влияние русского языка, но наличие в мордовском языке ряда черт, характерных для агглютинативных языков, позволяет со значительной долей вероятности научно воссоздать некоторые особенности синтаксического строя древнемордовского языка.

Так, например, можно утверждать, что в мордовском языке древнейшей поры не было придаточных предложений и глагол занимал конечное положение в предложении. В качестве косвенных доказательств этого положения могут быть приведены следующие аргументы: 1) морфологический строй мордовского языка является в основном агглютинативным; 2) закон порядка слов «определение + определяемое», хотя и нарушается иногда под влиянием русского языка, все же прослеживается довольно четко; 3) в языке существует большое количество послелогов; 4) в полной мере развиты притяжательные суффиксы; 5) конструкции, играющие роль различных обстоятельств, располагаются перед определяемым или именем существительным (ср. эрзя-мордов. *Народной хозяйстванть икеле аштица задачат* «Задачи, стоящие перед народным хозяйством»). Все эти косвенные данные говорят о том, что факторы, способствовавшие оттеснению глагола на конец предложения, в древнемордовском языке несомненно существовали.

Как мы видели выше, с конечным положением глагола связано развитие причастий и деепричастий, что давало языку возможность обходиться без придаточных предложений европейского типа. Надо сказать, что причастия и деепричастия в современном мордовском языке не особенно развиты, мордовские же союзы и относительные местоимения создавались явно под сильным влиянием русского языка. Однако все эти доводы принадлежат пока к категории косвенных доказательств. Их необходимо дополнить прямыми свидетельствами. Прямым свидетельством того, что в древнемордовском языке глагол занимал конечное положение, могут служить формы типа эрзя-мордов. *невтезель* «был показан», *аравтозель* «был поставлен» и т. д. Элемент *-ель* в вышеприведенных формах представляет древнюю форму 3-го лица ед. числа первого прошедшего времени от вспомогательного глагола *улемс* «быть», соединенную с причастием прошедшего времени на *-зь*. Следовательно, формы *невтезель*, *аравтозель* образованы по схеме «показан был, поставлен был», где глагол явно занимает конечное положение. Об этом же свидетельствуют и формы так называемого продленно-прошедшего времени в эрзя-мордовском языке типа *молилнй* «я ходил», из *моли улинй* «я ходящий был». Если бы в древнемордовском языке глагол не занимал конечного положения, формы типа *невтезель*, *аравтозель*, *молилнй* и т. д. были бы невозможны. Возможность применения приемов подобного рода во много раз увеличивается в тех языках, где черты агглютинативного строя выражены особенно ярко, например в тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и т. д.

В. Ю. РОЗЕНЦВЕЙГ

О ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТАХ

1

Проблема взаимодействия языков нашей лингвистикой разрабатывается в последние годы мало и односторонне. В этом легко убедиться, просмотрев хотя бы указатели статей, опубликованных журналом «Вопросы языкознания» за последние десять лет: статьи, посвященные вопросам двуязычия и смешения языков, или вовсе отсутствуют в нем, или же касаются этих вопросов лишь в связи с проблемой субстрата, т. е. обнаруживают приблизительно тот же подход к этой проблеме, который наблюдался лет сто назад. Прервана, таким образом, добрая традиция в русском языкознании, восходящая к И. А. Бодуэну де Куртене и развитая трудами таких выдающихся лингвистов, как Л. В. Щерба и Е. Д. Поливанов, не говоря уже о работах Н. С. Трубецкого.

В этом отставании можно видеть одно из последствий догматизма в науке. Как известно, марровская догма о скрещении языков, объясняющем якобы происхождение всех языковых семей и даже родство языков, была в 1950 г. заменена указанием Сталина о том, что главной задачей языкознания является изучение внутренних законов развития языка. Что касается изучения взаимодействия языков, то оно им было объявлено лишним. Это понятно: в языковых отношениях Сталин видел лишь столкновения, конфликты, из которых один язык выходит победителем и продолжает развиваться по «внутренним законам» своего развития, а другой терпит поражение и погибает. Поучительно, что формулу «кто-кого» Сталин распространил на отношения между языками и в эпоху до победы социализма в мировом масштабе, «...когда нет еще условий для мирного и дружественного сотрудничества наций и языков, когда на очереди стоит не сотрудничество и взаимное обогащение языков, а ассимиляция одних и победа других языков. Понятно, что в таких условиях могут быть лишь победившие и побежденные языки»¹. Это утверждалось в 1950 г., т. е. после победы народно-демократической революции в ряде европейских стран. Не принимался в расчет даже факт сосуществования и дружественного сотрудничества многочисленных национальных языков в пределах Советского Союза.

Понятие «внутреннего закона» языка, как известно, Сталиным не было определено. Не шли дальше самых общих деклараций о связи языка и мышления, языка и общества, специфичности национальных языков и т. п. и многочисленные статьи того времени, провозносившие «сталинское учение о языке». Вслед за брошюрой Сталина по вопросам языкознания в этих выступлениях отрицалось не только скрещение языков, но даже, казалось бы, очевидная мысль о том, что генеалогическое родство не является единственным фактором сходства языков и что при лингвистическом исследовании языков нельзя ограничиваться только им, а следует описать и

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, М., 1951, стр. 53.

процесс взаимодействия языков, разных по происхождению и строю. Показательно, что и явления, относящиеся к развитию языков в Советском Союзе, предлагалось изучать главным образом в плане заимствования словарных единиц, хотя теоретически и эмпирически легко установить, что столь тесные языковые связи нельзя сводить к инвентаризации «заприходованных» терминов, слов и словосочетаний.

Оказалось, таким образом, под запретом научное осмысление вопросов, имеющих общегосударственное значение в нашем многонациональном обществе. Можно без преувеличения сказать, что вопросы развития национальных языков Советского Союза, укрепление интернациональных связей внутри нашей страны и за ее пределами, повышение культуры речи, как русской, так и других советских наций, совершенствование методики преподавания языков — все эти насущно важные практические вопросы не могут быть эффективно решены без научной теории языковых контактов. Очевиден также теоретический интерес, который представляет построение такой теории для лингвистики. Задача настоящей статьи — определить основные понятия теории языковых контактов, наметить возможные подходы к этой проблеме и рассмотреть основные виды двуязычия.

2

Еще в 1925 г. Л. В. Щерба, заметив, что понятие смешения языков — одно из самых неясных в современной лингвистике, что оно включает разнородные явления (заимствования, изменения, которыми языки обязаны влиянию иностранного языка, и факты, являющиеся результатом недостаточного усвоения какого-либо языка), высказал предположение, что «лучше было бы заменить термин „смешение языков“ термином „взаимное влияние языков“, который ничего не содержит в себе в отношении описываемых фактов, в то время как слово „смешение“ предполагает в некоторой мере, что оба языка, находясь в непосредственном контакте, могут в равной мере участвовать в образовании нового языка»².

Введенный еще в XIX в. в противовес представлениям о языке как об организме термин «смешение языков» был призван выражать ту мысль, что нет языка, который бы не был смешанным. В этом смысле и употреблялся обсуждаемый термин в работах Г. Шухардта: наиболее важным ему представлялось не ограничение разных явлений взаимодействия языков, а указание на существенное значение самого этого факта в развитии языков. «Смешение, — писал Г. Шухардт в одной из своих последних работ, — пронизывает все развитие языков; оно появляется между отдельными языками, между близкими говорами, между родственными и даже вовсе не родственными языками. Идет ли речь о смешении или о заимствовании, подражании или иностранном влиянии, всегда мы имеем перед собой однородные явления»³.

После того, как был преодолен шлейхеровский взгляд на язык, противопоставление понятия смешения понятию органической чистоты языков было снято: термин «смешанный язык» потерял свою значимость. Теперь его противопоставляли термину «заимствование», обозначая им явления взаимопроникновения лексики и грамматики, как они отмечаются в креольских языках. Но такое понимание взаимодействия языков натолкнулось на возражение ряда лингвистов-индоевропейцев, для которых мысль о

² Л. В. Щерба, Избр. работы по языкознанию и фонетике, I [Л.], 1958 (см. «О понятии смешения языков», стр. 42).

³ H. Sch u h a r d t, Sprachverwandschaft, «Sitzungsberichte der Preussischen Akad. der Wissenschaften», Philosoph.-hist. klasse, XXXVII, Berlin, 1917, стр. 522. Ср. аналогичное употребление термина в статье И. А. Бодуэна де Куртене «О смешанном характере всех языков» (ЖМНП, 1901, сентябрь).

взаимном проникновении грамматического строя двух языков была неприемлема. «Некоторые лингвисты, — писал А. Мейе в 1921 г., — говорят о смешанных языках. Это выражение непригодно. Оно дает повод полагать, что подобный язык является результатом смешения двух языков, поставленных в равное положение, и что нельзя сказать, является ли некоторый язык продолжением языка А или языка В»⁴.

Включившись в обсуждение проблемы, Л. В. Щерба, как мы уже видели, согласился с мнением А. Мейе о неприемлемости термина «смешение языков» в его обычном понимании. Вместе с тем, подойдя к проблеме контактов не генетически, а синхронно, Л. В. Щерба по существу встал на точку зрения, противоположную точке зрения А. Мейе. Предложенный им термин «взаимное влияние языков» указывал на разнородность явлений заимствования, неполного освоения иностранного языка и смешения языков⁵. Но Л. В. Щерба сохранил и термин «смешанный язык», отнеся его к определенному типу двуязычия, открытого им в ходе изучения лужицких говоров.

Это разграничение понятий было существенным, хотя термин «взаимное влияние языков» вряд ли был удачным: слово «влияние» влечет за собой ассоциации, ничего общего не имеющие с научным описанием рассматриваемого здесь процесса. Но и после Л. В. Щербы термин «смешение языков» употреблялся и продолжает употребляться в противопоставлении к термину «заимствование»⁶, а для обозначения совокупности явлений говорили и говорят о взаимодействии или взаимном влиянии языков. В последние годы, однако, все больше утверждается термин «языковые контакты», предложенный А. Мартинье⁷ и получивший широкое распространение после появления книги У. Вайнрайха, в которой это понятие определено следующим образом: «мы будем говорить, что два языка находятся в контакте, если они поочередно употребляются теми же людьми»⁸.

Это определение, которое принимается и в данной статье, может охватить все относящиеся сюда явления и имеет то преимущество, что указывает на необходимые условия, в которых происходит языковой контакт, а именно — на использование одними и теми же людьми то одного, то другого языка. Таких людей принято называть двуязычными, а самую практику использования двух языков — двуязычием.

Двуязычие необходимо изучать не статически, а как сложный процесс, включающий ряд этапов. Как мы увидим, контакты в начальной своей стадии вызывают отклонение от нормы каждого из двух языков, называемое и т е р ф е н ц и е й. Со временем интерференция либо слабеет, постепенно уступая место переключению от одного языка к другому по правилам соответствия, существующим между этими языками (тогда мы говорим о н е с м е ш а н н о м д в у я з ы ч и и), либо прогрессирует, захватывая все более широкие слои языка и приводя к образованию языка с одним планом содержания и двумя планами выражения, т. е. к с м е ш а н н о м у д в у я з ы ч и ю. При потере одного из двух планов выражения наступает к р е о л и з а ц и я языка. Изучение процесса двуязычия — основная задача лингвиста, описывающего языковые контакты.

⁴ A. Meillet, *Linguistique historique et linguistique générale*, Paris, 1921, стр. 83.

⁵ Интересно отметить, что в своей статье «О понятии „скрещения языков“», напечатанной на французском языке, Л. В. Щерба употребляет термин «контакт», говоря о «langues en contact» (см. «Яфетический сборник», IV, Л., 1926, стр. 3, 4).

⁶ Ср., например, К.-Н. Schönfelder, *Probleme der Völker- und Sprachmischung*, Halle (Saale), 1956, стр. 9.

⁷ См. E. Haugen, *Language contact*, «Reports for the 8-th International congress of linguists», II, Oslo, 1957, стр. 253.

⁸ U. Weinreich, *Languages in contact*, New York, 1953, стр. 1.

Традиционно к явлениям взаимодействия языков подходили с генетической точки зрения: лингвистов интересовал вопрос об источнике того или иного заимствования. Подход к изучению этого взаимодействия языков не менялся и с возникновением теорий субстрата и суперстрата: устанавливалось наличие в данном языке, например во французском, некоторого количества элементов, главным образом относящихся к словарю, не выводимых из латинского, и ставилась задача определить язык, из которого они заимствованы (например, галльский или, наоборот, германский). Сам процесс этого взаимодействия специально, как правило, не привлекал внимания лингвистов. Мы вовсе не хотим сказать, однако, что лингвистика XIX в. не имеет достижений в области изучения языковых отношений — они бесспорны. Здесь важно лишь отметить ее генетический подход к явлениям взаимодействия языков, обусловленный не только преобладанием интереса к их историческому изучению, но и самой природой исследовавшегося материала индоевропейских языков.

Ограниченность генетического подхода к проблеме языковых контактов была замечена уже лингвистами Пражского лингвистического кружка. В статье о языковых союзах (1931 г.) Р. Якобсон писал: «Преобладание в языкознании интереса к генетическим проблемам отодвинуло назад вопрос об общих явлениях, встречающихся в структуре соседних языков и не обусловленных общим происхождением. Между тем языкознание должно учитывать не только языковые семьи, но и языковые союзы. Фонологический подход становится как будто одним из наиболее плодотворных при обсуждении проблемы языковых союзов. Многие составные элементы фонологической системы характеризуются широким распространением, выходящим далеко за пределы отдельных языков или языковых семей»⁹. Это утверждение вполне согласуется с фактами. В самом деле, как генетически объяснить общность структуры целого ряда явлений болгарского, румынского, албанского и новогреческого языков? При таком подходе пришлось бы каждый из этих языков рассматривать как своеобразное отклонение от индоевропейской языковой семьи, причем между этими языками в отдельности, как и между ними и другими индоевропейскими языками, оказалось бы мало общего¹⁰.

Само понятие «языковой союз» было выявлено и определено Н. С. Трубецким благодаря типологическому подходу к языковым контактам. Более того, здесь уместно вспомнить, что и проблема сравнительно-исторических реконструкций предстала в новом освещении при подходе к ней с точки зрения лингвистической типологии. Известные мысли Н. С. Трубецкого о том, что для объяснения общих черт языкового строя и материальных совпадений двух или более языков нет необходимости прибегать к предположению происхождения из общего праязыка и что между понятиями родства и заимствованием существует только хронологическое различие, указывают на общность проблематики языковых контактов и типологических сопоставлений. Есть внутреннее сходство в работе лингвиста, изучающего языковые контакты, описывающего языковой союз, реконструирующего в сравнительно-историческом плане язык-основу или же моделирующего универсальные фонологические или грамматические системы. Описать языковые контакты — значит, для лингвиста, открыть системы соот-

⁹ См. R. Jakobson, Über die phonologischen Sprachbünde, TCLP, 4, 1931, стр. 234. Ср. также М. М. Маковский, К проблеме так называемой «интернациональной лексики», ВЯ, 1960, 1.

¹⁰ Подробно об этом см. в ст.: E. Seidel, Probleme und Methoden der Balkanlinguistik, сб. «Omăgiu lui Iorgu Iordan», București, 1958.

ветствий между элементами и структурными моделями разных языков при разных видах двуязычия и на разных его стадиях. Задача лингвиста состоит не в том, чтобы заинвентаризировать эти элементы и установить баланс влияний, с указанием актива и пассива. Существенно важно описать контакты как процесс, типы реализации которого отличаются от одного этапа к другому, подобно тому, как это делается в лингвистической теории перевода¹¹. Если же интересоваться лишь результатами влияния одного языка на другой, то можно выявить лишь заимствование звуков, слов, словообразовательных суффиксов, синтагм, семантических единиц и ничего большего¹². Но довольствоваться этим при изучении языковых контактов — это все равно, что уместивать задачу лингвиста-компаративиста лишь в установлении родства между единицами двух генетически близких языков.

Структурно-типологический подход к языковым контактам предполагает сопоставительное описание плана выражения и плана содержания данных двух (или более) языков и соотношения между этими двумя планами. Лингвистически такое описание не отличается от методов и приемов, применяемых в структурной диалектологии при построении фонологической модели, общей всем диалектам данного языка, или от методов построения универсальной грамматики, языка-посредника для машинного перевода, от намечающихся в последнее время типологических исследований семантических систем в лексике и, наконец, от методов, применяемых при построении искусственных языков типа эсперанто. Общим для этих описаний является построение (на основе соответствия между элементарными единицами плана выражения и/или плана содержания двух данных языков) третьей системы, включающей полный набор признаков сопоставляемых языков и могущей быть использованной для характеристики отношений между ними. Именно эти соображения послужили Вяч. В. Иванову основанием для утверждения, что «...поскольку сравнение реальной системы с искусственной (грамматической или фонологической) в явном или неявном виде составляет основу большинства описаний языков, описательное языкознание (как и другие области лингвистики) оказывается сводимым к исследованию отношений между системами»¹³.

Адекватность применения теории языковых отношений к изучению языковых контактов тем более уместна, что, как будет показано ниже, при двуязычии третья система возникает реально, что и проявляется в интерференции.

К сказанному остается еще добавить, что структурно-типологический подход не обеспечивает всестороннего описания языковых контактов. Как теоретические соображения, так и полевые наблюдения убеждают в необходимости учета при изучении языковых контактов социально-политических условий, в которых они происходят, этнографических дан-

¹¹ Об общем подходе к теории перевода и теории языковых контактов см. И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг, К обоснованию лингвистической теории перевода, ВЯ, 1962, 1. Следует, однако, иметь в виду различие в подходе к изучению языковых отношений в теории контактов и в теории перевода: перевод рассматривается как синхронный процесс преобразования текста одного языка в текст другого языка, а не как процесс динамический.

¹² См. такой подход в ст. Б. А. Серебряникова «О взаимодействии языков (Проблема субстрата)», (ВЯ, 1955, 1). Похожим недостатком страдают труды представителей современного компаративизма в литературоведении (см., например, P. v a n T i e g h e m, La littérature comparée, Paris, 1946).

¹³ См. Вяч. В. Иванов, Лингвистика как теория отношений между языковыми системами и ее современные практические приложения, сб. «Лингвистич. исследования по машинному переводу», 2, М., 1961, стр. 21 [фотопринт. изд.]. См. е г о ж е, Типология и сравнительно-историческое языкознание, ВЯ, 1958, 5, стр. 40 и сл.

ных и т. п.¹⁴. В самом деле, социальные условия контактов, скажем, между языком колонизаторов и рабов и между языками свободных и дружественных наций (в эпоху радио и других средств массовых коммуникаций) существенно определяют и лингвистическую сторону процесса этих языковых контактов. Вот почему требуется не только комплексное изучение контактов с привлечением специалистов по смежным к лингвистике наукам, но и такое развитие лингвистики, в особенности семантики, которое обеспечивало бы точное описание ситуации, в которой происходят контакты.

4

В чем же лингвистическая сущность того нарушения норм родного или усвояемого языка, которое наблюдается в речи?¹⁵ Интуитивно понятно, что оно является результатом перенесения категорий и материала одного языка в другой. Но точное лингвистическое описание относящихся сюда явлений еще нельзя считать достигнутым. При исследовании регулярных контактов сразу же бросается в глаза, что речь не идет лишь об изменении инвентаря, а о реорганизации структуры языка.

Необходимо учитывать специфику развития интерференции на разных ступенях двуязычия и своеобразие проявления ее на разных уровнях языка. На начальном этапе становления двуязычия нарушение нормы состоит в установлении говорящим или слушающим несуществующего в действительности взаимоднозначного соответствия между единицами родного и усвояемого языка. Построение такой произвольной системы соответствий мы называем интерференцией¹⁶.

Процесс установления ошибочного соответствия между единицами можно описать в глоссематических терминах, как это и имеет место в работе У. Вайнрайха¹⁷. Интерференция на фонологическом уровне происходит, по Вайнрайху, от того, что говорящий (или слушающий) идентифицирует два звука (родной и чужой), совпадающие в субстанции, и на этом основании делает неверное предположение о взаимном соответствии этих звуков также с точки зрения организации (формы). В качестве примера Вайнрайх приводит русское слово *тип* и английское *tip*: при интерференции *p* произносится одинаково, без учета разной фонологической функции этой единицы в двух языках.

Действительно ли устанавливается соответствие между формами плана выражения (ввиду совпадения субстанции соответствующих фонологических единиц) — остается неясным. За использование глоссематической

¹⁴ См. U. Weinreich, указ. соч., стр. 2 и др.; E. Haugen, указ. соч., стр. 256; R. Diebold, Jr., Incipient bilingualism, «Language», XXXVII, 1, 1961. Ср. также попытку точного описания проблемы контактов с точки зрения внешней лингвистики в статье: L. Z a w a d o w s k i, Fundamental relations in language contact, ВРТУ, XX, 1961.

¹⁵ Сюда относятся и переводные тексты, значение которых для языковых контактов часто недооценивается. Ср., однако, следующее высказывание О. Есперсена: «...наиболее глубокие языковые смещения объясняются не столько действительными смещениями народов, сколько регулярными контактами в области культуры, в особенности литературы» (O. Jespersen, Die Sprache, ihre Natur, Entwicklung und Entstehung, Heidelberg, 1925, стр. 192).

¹⁶ Ср. иное понимание явления и употребления термина «интерференция» у У. Вайнрайха: «Термин интерференция предполагает переустройство моделей в результате введения иностранных элементов в структурно более организованные области языка...» (U. Weinreich, указ. соч., стр. 1). У. Вайнрайх отличает интерференцию в речи от интерференции в языке, т. е. в системе.

¹⁷ Ср. противоположное мнение Е. Хаугена «...двойная дихотомия глоссематики может столь же запутать, как и прояснить относящиеся сюда явления» (E. Haugen, указ. соч., стр. 261).

системы противопоставления для описания интерференции, и не только в плане выражения, говорит, например, известный факт неверного употребления лексических единиц, разных по значению, но идентичных по субстанции, как в плане содержания, так и в плане выражения двух языков. Ср. англ. *he has bad manners* и франц. *il a des manières mauvaises* (вместо *il est mal élevé*) «он плохо воспитан», англ. *formally* «формально, официально, в соответствии с церемонией» и франц. *formellement* «определенно, категорически, для виду», англ. *eventually* «в конечном счете» и франц. *eventuellement* «в случае необходимости» и др. Наличие значительного количества словарей-справочников, призванных представить в их истинном свете этих «ложных друзей переводчика»¹⁸, свидетельствует о живости этой интерференции.

Интерференция может, однако, быть описана и без привлечения предложенной Ельмслевом двойной дихотомии субстанции и формы. Даже в плане выражения, где понятие субстанции поддается точному представлению, некоторые типы интерференции можно описать без использования принципа Ельмслева, оперируя лишь фонологическими понятиями. При этом исходят из следующего положения: интерференция в плане выражения происходит главным образом оттого, что звуковая последовательность речи чужого языка анализируется и синтезируется по правилам фонологической системы родного языка. Так, например, японец, как показал Е. Д. Поливанов¹⁹, различает в русском слове *так* не три фонемы, а четыре (*taku*), полагая, что в русском языке, как и в японском, слово не может кончатся на согласный²⁰.

Подобным же образом может быть описана и интерференция в плане содержания. Чаще всего она заметна в лексике двуязычных индивидуумов на начальной стадии контактов, но распространяется и на морфологические и неморфологические средства выражения референциальных значений, а также на синтаксис. Приведем в качестве примера интерференцию в построении французского условного придаточного предложения, вводимого союзом *si*, характерную для русских на начальном этапе усвоения французского языка (ср. *si j'aurai le temps, je viendrai* вместо *si j'ai le temps, je viendrai* «если у меня будет время, я приду»; *si j'aurais le temps, je viendrais* вместо *si j'avais le temps, je viendrais* «если бы у меня было время, я пришел бы»). Чтобы познать «логику» этой ошибки, достаточно сопоставить средства категоризации действия по признаку «реальность — предположительность» в русском и французском языках. И тут и там этот признак является грамматическим, т. е. противопоставление реальности и предположительности обязательно, но во французском языке, кроме этого противопоставления, имеется еще, также обязательное, противопоставление предположительного действия по признаку временному (ср. *si j'avais le temps aujourd'hui ou demain* и, с другой стороны, *si j'avais eu le temps hier...*). Кроме того, оба языка отличаются по способу выражения противопоставления реальности и предположительности: русский язык использует для этого формы наклонения (изъявительного и сослагательного), а также частицу *бы* (*если — если бы*), французский же язык обо-

¹⁸ См. например: F. B o i l l o t, *Le second vrai ami du traducteur anglais-français et français-anglais*, Paris, 1956.

¹⁹ См. Е. P o l i v a n o v, *La perception des sons d'une langue étrangère*, TCLP, 4, 1931. См. также в связи с обсуждаемым вопросом работу Н. С. Трубецкого «Wie soll das Lautsystem einer künstlichen internationalen Hilfssprache beschaffen sein?» (TCLP, 8, 1939).

²⁰ Идеи Е. Д. Поливанова согласуются с новейшими представлениями, согласно которым человек распознает звуки в зависимости от того, как он их произносит (см. Л. А. Ч и с т о в и ч, *Текущее распознавание речи человеком*, сб. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», М., 6—1961, 7—1962, [фотопринт. изд.]).

значает эти противопоставления временными формами (*présent* для выражения реальности и *imparfait, plus-que-parfait* для выражения предположительности), причем в позиции после союза *si* происходит нейтрализация противопоставления этих форм по временному признаку.

Понятно, что на начальной стадии изучения французского языка русскому трудно удержать в памяти и применить в речи правильную систему соответствий рассмотренных здесь элементарных значений и средств их выражений в двух языках. Построенная русским система значительно проще: противопоставление по признаку «реальность — предположительность» им выражается одинаковыми средствами, по образцу русского языка, а противопоставление предположительности действия по временному признаку, которое в русском языке не является грамматическим, но может быть выражено лексически, им соответствующим образом интерпретируется и по-французски.

Нетрудно заметить, что понятая таким образом интерференция заключается, с лингвистической точки зрения, в буквальном переводе, если под этим термином понимать такую реализацию процесса перевода, при которой устанавливается взаимодозначное соответствие между двумя элементами, не входящими в общую часть данных двух языков²¹. Аналогия между интерференцией и буквальным переводом верна и в описании динамики интерференции. Подобно тому как буквальный перевод может стать нормой и утвердиться в виде кальки, интерференция часто перестает восприниматься как нарушение правил данного языка²².

Объем и типы интерференции, как и ее динамика, отличаются в зависимости от того, происходит ли усвоение чужого языка в процессе обучения или же имеет место самообучение²³. В первом случае (т. е. если учащемуся сообщаются правила установления соответствия между словами и формами родного и изучаемого языков и обеспечивается рациональная и эффективная система закрепления этих соответствий в памяти) интерференция постепенно уступает место правильному пользованию изучаемым языком. Такое двуязычие можно назвать *н е с м е ш а н н ы м*. Наступление этого состояния в процессе языковых контактов не предполагает, однако, что интерференция полностью прекратилась. Следует принять за аксиому, что нет двуязычия без интерференции. Вместе с тем можно полагать, что при рассматриваемом здесь двуязычии интерференция существенно видоизменяется. На первой стадии несмешанного двуязычия интерференция выражается не в нарушении фонологической, грамматической или даже лексико-семантической нормы, а в некотором упрощении языка. Такое двуязычие можно назвать упрощенным: интерференция здесь состоит в неупотреблении единиц и форм, не встречающихся в одном из языков. Снова допустима аналогия с тем, что имеет место при так называемом упрощающем переводе. Суть этого типа реализации процесса перевода состоит в трансформации внутри исходного языка единиц и форм, не входящих в общую часть двух языков, и перевод результирующих единиц и форм однозначно соответствующими им элементами переводящего языка, т. е. элементами, входящими в общую часть. Нет надобности иллюстрировать этот тип двуязычия — стоит только вспомнить адаптированные тексты учебников и учебных по-

²¹ См. И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг, указ. соч., стр. 57—58. Приводимые в дальнейшем аналогии с понятиями теории перевода имеют в виду термины указанной здесь статьи.

²² Ср. Ж. Вандриес, *Язык*, М., 1937, стр. 265: «Этот вид ошибок может проникать в язык очень глубоко: калькируют даже самые типы фраз, и этим путем порядок слов в некоторых языках иногда заимствуется соседними языками».

²³ Под самообучением здесь понимается усвоение предмета без ввода в память учащегося, в соответствии с заранее выработанной программой, единиц языка и правил их употребления.

собий по иностранным языкам, предназначенные начинающим, чтобы составить себе представление об упрощенном двуязычии.

Разумеется, несмешанное двуязычие может и не быть упрощенным. Систематическое изучение языка позволяет учащемуся усвоить своеобразие иностранного языка, т. е. дает ему правила перехода от общей части, где единицы и формы двух языков взаимоднозначно соответствуют друг другу, к той части иностранного языка, в которой находятся все категории, свойственные одному этому языку. Этот этап можно назвать адекватным несмешанным двуязычием, учитывая не только аналогию с адекватным переводом, но и меру соответствия усвоенного языка ситуациям, им описываемым.

Несмешанное двуязычие до сих пор интересовало лингвистов меньше, чем двуязычие смешанное. Между тем этот вид двуязычия, характерный для контактов, происходящих на развитом уровне образования и культуры, широко распространен в современном мире, в особенности в нашей стране. Точное его лингвистическое описание является предпосылкой повышения культуры речи миллионов советских людей, изучающих наряду с родным языком русский язык, языки других национальностей Советского Союза, а также иностранные языки. Основанная на научной теории контактов, методика преподавания языков должна рассматриваться как прикладная отрасль языкознания.

Что касается «смешанного двуязычия», то этот термин был предложен Л. В. Щербой для обозначения такого сосуществования языков, когда два языка образуют в сознании лишь одну систему категорий, так что «любой элемент языка имеет тогда свой непосредственный эквивалент в другом языке... Можно даже сказать, что два сосуществующих таким образом языка образуют в сущности только один язык, который можно было бы назвать смешанным языком с двумя терминами (*langue mixte à deux termes*)»²⁴. Описанный Л. В. Щербой вид двуязычия устанавливается в результате длительных контактов. В зародыше смешанное двуязычие имеется уже в начальной стадии контактов: термин «общая часть» двух языков, неоднократно употребленный в этой статье, имел в виду общность категорий двух языков.

Лингвисты, отрицавшие возможность смешения языков, постоянно выдвигали в качестве аргумента непроницаемость грамматических систем, не замечая при этом, что такая непроницаемость, если она действительно имеется, вовсе не представляет собой неопределимой преграды на пути смешения языков: то, что не поддается обобщению, выпадает из обращения. Впервые эту мысль еще в 1819 г. высказал Я. Гримм, заявивший, что столкновение двух языков имеет своим результатом исчезновение грамматических форм²⁵. Но эта мысль была забыта и вновь открыта лишь в XX в. Здесь уместно указать на работу замечательного французского лингвиста Л. Теньера, поддержавшего утверждение А. Мейе о непроницаемости двух морфологических систем, но вместе с тем заметившего, что языки обходят эту трудность, предельно упрощая морфологию²⁶. Действительно, изучение смешанных языков показывает, как морфологические способы выражения значений (например, видовые формы) заменяются лексически, как значения, выраженные грамматическими категориями, теряют свою категориальность и т. п.²⁷.

²⁴ См. Л. В. Щерба, указ. соч., стр. 48.

²⁵ Об этом напомнил Ж. Вандриес (см. его кн. «Язык», стр. 268).

²⁶ См. L. Tesnière, *Phonologie et mélange de langues*, TCLP, 8, 1939.

²⁷ См., например, характеристику истро-румынского говора в статье: I. Coteanu, *A propos des langues mixtes (sur l'istro-roumain)*, сб. «Mélanges linguistiques», Bucarest, 1957.

Убедительное подтверждение процесса формирования смешанного языка путем исключения из каждого двух контактирующих языков идиоматических категорий было получено в работах над созданием языка-посредника для машинного перевода. Как показал И. А. Мельчук, в языке-посреднике должны быть средства выражения всех значений привлекаемых к переводу языков и не должно быть значений, обязательных лишь для одного из них (независимо от того, выражаются ли они лексически или морфологически). Такие обязательные (по терминологии И. А. Мельчука — грамматические) значения превращаются в неграмматические лексические значения языка-посредника²⁸.

Особый вид двуязычия представляют собой креольские языки, которые отличаются от смешанного двуязычия единым планом выражения, но взятым из другого языка. Часто полагают, что креольские языки образуются путем смешения грамматики туземцев с лексикой «высшего» языка. Это, однако, неверно: и здесь происходит предельное упрощение грамматики.

*

Проблема языковых контактов приобрела в современной лингвистике первостепенное значение, как ввиду своей связи с общей теорией языковых отношений (сравнительно-исторической реконструкцией, типологическими сопоставлениями фонологических и грамматических систем, лингвистической теорией перевода), так и ввиду важности практических приложений ее решений. Представляется необходимым широкое теоретическое исследование относящихся сюда вопросов и, в особенности, проведение полевых работ, широкое обсуждение методов и результатов этих работ как в научной печати, так и на симпозиумах и конференциях, с привлечением специалистов смежных наук.

²⁸ Ср. И. А. Мельчук, К вопросу о «грамматическом» в языке-посреднике, сб. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 4, 1960.

ПРОБНЫЙ ВОПРОСНИК К ОБЩЕСЛАВЯНСКОМУ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ АТЛАСУ *

От редакции. Продолжая дискуссию по основным вопросам, связанным с созданием Общеславянского лингвистического атласа, «Вопросы языкознания» публикуют «Пробный вопросник», по которому уже в текущем году предполагается провести сбор материала. «Пробный вопросник» дает представление о принципах построения отдельных вопросов, а в известной мере и о характере разделов будущего полного вопросника. «Пробный вопросник» имеет предварительный характер. Комиссия по общеславянскому атласу при Международном комитете славистов на своем заседании в Москве 5 октября 1962 г. дала согласие на публикацию текста «Пробного вопросника» на русском языке и выразила надежду, что он будет подвергнут всестороннему обсуждению на страницах «Вопросов языкознания». Мы надеемся, что дальнейшая дискуссия будет касаться не только тем, затронутых в нашей анкете (см. ВЯ, 1960, 5), но и теоретических и практических проблем, связанных с материалом краткого пробного и подготавливаемого полного вопросника.

От комиссии по общеславянскому атласу. Важнейшей задачей на первом этапе подготовительных работ над общеславянским лингвистическим атласом является обдуманное составление вопросника общего вида. Вопросник должен быть таким, чтобы на основании его можно было бы собрать на всей славянской территории диалектный материал, представляющий собой современные важные структурные и отчасти также функциональные различия фонетического, морфологического, словообразовательного и синтаксического характера, а также некоторые характерные различия в области лексики, являющиеся результатом дифференциации и неравномерного развития отдельных частей славянской территории и отражающие меняющийся характер их взаимных отношений в течение исторического развития. Поэтому диалектологические центры славянских стран под руководством Международной комиссии по общеславянскому лингвистическому атласу уделяли много внимания составлению инвентарей явлений по отдельным языковым ярусам, подлежащим обследованию, а также подбору подходящих слов, словосочетаний и т. п., на которых данные явления будут устанавливаться. В настоящее время инвентари явлений с примерами в целом подготовлены.

Сложную проблему представляет собой само составление вопросника, обеспечивающего оптимальные и точные результаты при сборе материала. Работы над национальными диалектологическими атласами в отдельных славянских странах не согласованы в методическом и других отношениях; нет пока достаточного опыта для изучения группы родственных языков на столь обширной территории, какую занимают славянские языки. Поэтому Международная комиссия по общеславянскому лингвистическому атласу решила провести перед составлением окончательного вида вопросника пробный сбор материала по малому пробному вопроснику, включающему несколько отобранных явлений от каждого языкового яруса — в разных частях славянской территории в нескольких пунктах. Целью этого пробного обследования является накопление некоторого количества методического опыта, который можно будет использовать как при составлении общего вида вопросника, так одновременно и для составления инструкций, обеспечивающих единый подход при окончательном сборе материала на всей славянской территории.

Форма пробного вопросника (переведенного отчасти с чешского, отчасти с польского языков и опубликованного ниже) объяснена во вводных замечаниях к нему, содержащих также несколько основных инструкций для эксплораторов. Следует толь-

* Текст пробного вопросника к общеславянскому лингвистическому атласу на чешском и польском языках отпечатан ротационным способом в Праге («Skouškový dotazník pro slovanský jazykový atlas», Praha, 1962). На русском языке вопросник печатается полностью; те места во «Вводных замечаниях», которые в чешском и польском предисловиях оказались идентичными, при перепечатывании не повторяются; в I разделе опущен «Алфавитный индекс слов», во II, синтаксическом, разделе опущены примеры на сербскохорватском языке.

ко отметить, что вопросы синтаксического характера, в отличие от остальных, выделены в пробном вопроснике в особый раздел вследствие необходимости применения несколько иных по сравнению с другими ярусами методов при собирании синтаксического материала, которое наталкивается на некоторые затруднения. Чтобы обеспечить правильный ответ, отдельные вопросы синтаксического раздела снабжены краткими комментариями, предназначенными для эксплоратора и ориентирующими его на те явления, на которые нужно при собирании материала обращать внимание. В отличие от оригинала пробного вопросника в тексте, перепечатанном в «Вопросах языкознания», примеры для отдельных вопросов не даются на трех славянских языках — представителях основных групп славянских языков (русский — польский/чешский — сербскохорватский), но только на русском (в синтаксическом разделе также на чешском). У части вопросов пробного вопросника исходной является форма праславянской.

Примечания по форме пробного вопросника, могущие быть использованными при составлении окончательного вида вопросника, желательны. Отдельные замечания просим направлять по адресу: Международная комиссия по общеславянскому лингвистическому атласу, Институт русского языка, Москва, Волхонка 18.

Я. Белич (Прага)

Вводные замечания

Пробный вопросник к общеславянскому лингвистическому атласу, первый проект которого был разработан во время третьего заседания Международной комиссии общеславянского лингвистического атласа в июне 1961 г. в Праге, разработан чехословацкими и польскими диалектологами и обсужден с югославскими диалектологами. Именно потому, что этот вопросник был задуман как макет будущего большого вопросника, в него вошли вопросы из всех разделов языкознания, расположенные по мере возможности по предметному признаку для облегчения работы собирателя.

Пробный вопросник состоит из двух разделов.

I раздел содержит расположенный по вещественному признаку вопросник с систематическим и алфавитным индексами фонетических, морфологических и лексических вопросов, который был составлен варшавским диалектологическим центром. Введение и индексы к этому разделу — на польском языке, вопросы и примеры даются на польском, русском и сербскохорватском языках.

II раздел содержит специальные вопросы по синтаксису, которые были подготовлены чехословацкими диалектологическими центрами. Здесь вопросы даются на чешском языке, примеры приводятся на чешском, русском и сербскохорватском языках.

Основная цель вопросника состоит в том, чтобы: 1) собрать в ограниченном числе пунктов сопоставимый материал со всей славянской территории, 2) опробовать вопросник в полевых условиях как практическое пособие, обратив особое внимание на формулировку вопросов, на семантический принцип расположения материала и на внешнюю форму вопросника.

Вопросы в вопроснике сформулированы различно, в зависимости от того, какие разделы языка ими представлены. В принципе они построены следующим образом: на первом месте помещен квалификатор вопроса, назначение которого — направить внимание собирателя на самый характер вопроса; после квалификатора и номера вопроса приводится праславянская форма названия, в которой и заключено существо вопроса [в настоящем тексте приводим квалификатор в скобках на конце вопроса. — *Ред.*] При вопросах, которые целесообразно изложить словесно, чтобы облегчить работу собирателя в полевых условиях, применен описательный способ: вопрос приводится на трех указанных языках, представляющих основные группы славянских языков.

При фонетических вопросах (Ф.)¹ следует обращать внимание на фонетическую форму слова, непосредственно связанную с соответствующей праславянской формой, приведенной в вопросе — независимо от реального значения слова. Если существует различие между общеславянским и современным значением, зафиксированным в диалекте, это нужно отметить. В фонетических вопросах подчеркнуты те гласные и согласные, а также звукосочетания, на рефлекс которых следует обратить внимание.

Морфологические вопросы (Фл.) имеют целью выяснение формы тех падежей склонения, которые указаны непосредственно в вопросе. Квалификатор Л. (лексика) означает, что целью вопроса является установление всех названий данного предмета. Все слова надо записать в основной форме (имена в им. ед., глаголы в 3 л. ед.). В вопросах семантических (С.) основное внимание следует уделить выяснению значений данного слова в исследуемом говоре. Важной является и форма слова. Семантические вопросы — наиболее трудные. Отдельные слова на славянской территории могут иметь по несколько и даже более десятка значений. Желательно, чтобы собиратель записал их как можно больше. В целях облегчения работы в полевых условиях мы приводим в квадратных скобках некоторые значения этих слов (слова в семантических вопросах выделены курсивом). Словообразовательные вопросы (Сл.) в пробном вопроснике касаются только названий орудий и названий места. Задача прежде всего в том, чтобы установить территориальные и функциональные различия суффиксов *-isko/-išče*.

Следует помнить, что при ответах на все вопросы важно отличать, с одной стороны, старые названия от новых, с другой стороны — общепринятые от редко употребляемых. При некоторых существительных следует указать грамматический род. При окончательной редакции были опущены некоторые наиболее трудные вопросы (особенно лексические), а иногда и целые статьи (вопросы по глагольному виду). При семантических вопросах были опущены указания на литературные языки, в которых встречаются приводимые значения. Из-за технических трудностей не воспроизведены рисунки, подготовленные к нескольким лексическим вопросам.

Накопление сопоставимого материала может быть обеспечено применением единой фонетической орфографии. С этой целью, заполняя вопросник, следует исходить из фонетической транскрипции, разработанной для атласа проф. З. Штибером.

РАЗДЕЛ I

1. Вопросник

Сельское хозяйство. 1) *socha* (С.) [1. шест с развилкой на конце; 2. деревянное орудие пахоты; 3. рукоятка плуга; 4. статуя]; 2) рукоятка грабель (Сл.): грабелитце, грабелина; 3) рукоятка косы (Сл.): косье, косовище; 4) поле, с которого убран хлеб (Сл.): стернь, жнивье; 5) а) *molliti*, б) *moltěť* (Ф.); 6) *sěmę* (Ф.); 7) *zemja* (Ф.); 8) *řešъкъ* (Ф.); 9) *peď* (Ф.); 10) *dělit* (Ф.).

Связь и транспорт. 11) а) *choditi*, б) *choděť* (Ф.); 12) бежать (Л.); 13) *běgati* (Ф.); 14) а) *ěchati*, б) *ězditi*, в) *ězda* (Ф.); 15) а) *voziti*, б) *vozeť*, в) *vezete* (Ф.); 16) *na voze* (Ф.); 17) а) *tegnōti*,

¹ В вопроснике приняты следующие сокращения:

1. Сокращения перед вопросом (квалификаторы): Ф. (фонетика) — вопрос фонетический, Фл. (флексия) — морфологический, Л. (лексика) — лексический, С. (семантика) — семантический, Сл. (словообразование) — словообразовательный.

2. Грамматические формы в вопросах по морфологии (Фл.) обозначены латинскими сокращениями *nom.* (*nominativus*), *gen.* (*genitivus*), *dat.* (*dativus*), *acc.* (*accusativus*), *loc.* (*locativus*), *sg.* (*singularis*), *pl.* (*pluralis*).

б) *teḡati*, в) *teḡnete* (Ф.); 18) *nesete* (Ф.); 19) *ośь* (Ф.); 20) *železo* (Ф.); 21) *sedьlo* (Ф.); 22) *seděti* (Ф.); 23) *seḡo* (Ф.).

Строительство. 24) *stěna* (Ф.); 25) помещение, где хранятся съестные припасы: кладовая, кладовка (Л.); 26) помещение для хранения картофеля и овощей под полом дома: подпол, подвал (Л.); 27) *světja* (Ф.); 28) *světъ* (Ф.); 29) помещение для коров: хлев (Л.); 30) помещение для лошадей: конюшня (Л.); 31) *klučь nom.*, асс. pl. (Фл.); 32) комната (Л.); 33) гвоздь (Л.); 34) большая возвышенность, гора (Л.); 35) на *gorě* (Ф.); 36) а) внизу, б) вниз (Л.); 37) на *skalě* (Ф.); 38) небольшая возвышенность: холм, пригорок (Л.); 39) *bergъ* — ном. pl. (Фл.); 40) *vъ vodě* (Ф.); 41) *město* (Ф.); 42) *tekti* (Ф.); 43) *kaмень* (Ф.); 44) *tiskati* (Ф.).

Лес. 45) а) *lěśь*, б) *vъ lěśě* (Ф.); 46) *ticho* (Ф.); 47) *těнь* (Ф.); 48) *borъ* (С.) [1. сосна; 2. сосновый или хвойный лес]; 49) растущее дерево, дерево (Л.); 50) *рьнь* (Ф.); 51) *koрень* (Ф.); 52) *teḡi* (Ф.); 53) *tesati* (Ф.); 54) *vъzěti* (Ф.); 55) *сосна* (*Pinus silvestris*) (Л.); 56) ель (*Picea excelsa* Link.) (Л.); 57) *пихта* (*Abies alba* Mill.) (Л.); 58) *лиственница* (*Larix* sp.) (Л.); 59) *можжевельник* (*Juniperus communis* L.) (Л.); 60) *doḡь* — ном., gen., асс. pl. (Фл.); 61) на *doḡě* (Ф.); 62) *zельje* (Ф.); 63) *kvěть* (Ф.).

Животные, птицы и насекомые. 64) *voľь* — ном., gen., асс. pl. (Фл.); 65) *копьскъзь* (Ф.); 66) *teleḡ* (Ф.); 67) домашний скот — без лошадей: скот (Л.); 68) *sěno* (Ф.); 69) а) *koḡe*, б) *koḡeta* (Ф.); 70) вся домашняя птица вместе взятая: домашняя птица (Л.); 71) *grěda* (С.) [1. отесанное бревно, балка, 2. насест для кур, 3. грядка]; 72) *gośь* (Ф.); 73) *zvěрь* (Ф.); 74) *vълкъ* — ном., асс. pl. (Фл.); 75) *strěla* (Ф.); 76) *аист* (*Ciconia alba* L.) (Л.); 77) а) *letěti*, б) *letěľь*, в) *letěli* (Ф.); 78) *gnězdo* (Ф.); 79) *deḡьľь* (Ф.); 80) *летучая мышь* (*Chiroptera*) (Л.); 81) *бабочка* (*Lepidoptera*) (Л.); 82) *клон* (*Cimex leptularia* L.) (Л.).

Пища. 83) *oběďь* (Ф.); 84) *besěda* (Ф.); 85) *olkomъ* (С.) [1. вкусный, сладкий, приятный, 2. скупой, жадный, 3. жаждущий, 4. прожорливый]; 86) *приготовлять* а) чай, б) мясо: а) *кипятить*, б) *варить* (Л.); 87) *ědти* (Ф.); 88) *těsto* (Ф.); 89) *chlěbъ* (Ф.); 90) *chrěpъ* (Ф.); 91) *poзь* — ном., gen. pl. (Фл.); 92) *sěkati* (Ф.).

Степени родства и общественная жизнь. 93) *девушка* (Л.); 94) *děva, děvьka* (Ф.); 95) *nevěsta* (Ф.); 96) *sestra* (Ф.); 97) *bratъ* — ном., gen., асс. pl. (Фл.); 98) *synъ* — ном., gen., асс. pl. (Фл.); 99) *moзь* — ном., gen. pl. (Фл.); 100) *věra* (Фл.); 101) *prisěga* (Ф.); 102) а) *teta*, б) *teḡьka* (Ф.); 103) *брат матери: дядя* (Л.); 104) *брат отца: дядя* (Л.); 105) *děďь* (Ф.); 106) *zěťь* (Ф.); 107) *sośěďь* (Ф.); 108) *gostъ* (Ф.); 109) *gostъ* — ном., gen. pl. (Фл.); 110) *čeljad* (Ф.); 111) *kazati* (С.) [1. показывать; 2. говорить; 3. приказывать; 4. произносить проповедь; 5. сказать]; 112) *platěťь* (Ф.); 113) *doctor* — ном., gen., асс. pl. (Фл.).

Части тела. 114) *брови* (Л.); 115) *ресницы* (Л.); 116) *slěрь* (Ф.); 117) а) *viděti*, б) *viděľь*, в) *viděli* (Ф.); 118) *poзь* — асс. pl. (Фл.); 119) *deśla/na* (Ф.); 120) *směchъ* (Ф.); 121) *veseľь* (Ф.); 122) *pěśнь* (Ф.); 123) *němъ* (Ф.); 124) *olkъ* (Ф.); 125) *lěvъ* (Ф.); 126) *měriti* (Ф.); 127) *kolěno* (Ф.); 128) *икра (ноги)* (Л.); 129) *silа* (Ф.); 130) *tělo* (Ф.); 131) *kośťь* (Ф.); 132) *горбатый* (Л.); 133) *nizъкъ* (Ф.); 134) *věкъ* (Ф.).

Метеорология и меры времени. 135) *nebo* (Ф.); 136) *gvězda* (Ф.); 137) *lěto* (Ф.); 138) *zima* (Ф.); 139) *sněgъ* (Ф.); 140) *větrъ* (Ф.); 141) *měśeць* (Ф.); 142) *ceľь* (Ф.); 143) а) *копьсь*, б) *копьса* (Ф.); 144) а) *дньь*, б) *дње* (Ф.); 145) *neděľja* (Ф.).

Цвета. 146) běľz (Ф.); 147) běľiti (Ф.); 148) zelenъ (Ф.); 149) sivъ (Ф.); 150); тъмьпъ (Ф.); 151) тъма (Ф.).

Разное. 152) bēda (Ф.); 153) težьkъ (Ф.); 154) divъ (Ф.); 155) *iskati* (С.) [1. пытаться найти, искать; 2. хотеть; 3. просить; 4. требовать; 5. искать вшей]; 156) город (С.); 157) nebođete (Ф.); 158) nevedete (Ф.); 159) nitъ (Ф.); 160) prošьba (Ф.); 161) privyknete (Ф.); 162) protivъ (Ф.); 163) а) sedmъ; б) devětъ, в) desetъ (Ф.); 164) а) seġati, б) seġnōti (Ф.); 165) теперь, сейчас (Л.); 166) здесь, тут (Л.).

2. Перечень проблем

Фонетика

Рефлексы праславянского *ě*

1. Перед твердыми зубными: а) после губных: běľz (146), bēda (152), gvězda (136), květъ (63), město (41), nevěsta (95), obědъ (83), pēsъkъ (8), světъ (28), věra (100), větъrъ (140); б) после зубных: dědъ (105), děva (94), děvьka (94), gnězdo (78), tēsto (88), stēna (24), tēlo (130), letělъ (77), vidělъ (117), cělъ (142), sēno (68), spōsēdъ (107), besēda (84); в) после *r, l*: kolēno (127), lēsъ (45), lēto (137), želēzo (20), strēla (75), chrēpъ (90).

2. Перед другими твердыми согласными: bēgati (13), smēchъ (120), věkъ (134), pētъ (123), spēgъ (139), sēkati (92), lēvъ (125), chlēbъ (89), slērъ (116);

3. Перед другими мягкими согласными: běľiti (147), mēriti (126), mēsēsъ (141), svētja (27), pēsнь (122), zvērъ (73), nedělja (145), tēнь (47), děliti (10), letēti (77), vidēti (117), letēli (77), vidēli (117), sēmъ (6).

4. В конце слова: v lēsě (45), na vozě (16), na doбě (61), vъ vodě (40), na gorě (35), na skalě (37).

5. В начале слова: ědти (87), ězda (14), ězditi (14), ěchati (14).

Рефлексы праславянских согласных t, d, n, а также s, z перед гласными, которые восходят к праславянским i, e, ē, ē, ъ.

ticho (46), tiskati (44), protivъ (162), moltiti (5), divъ (154), choditi (11), nizъkъ (133), nitъ (159), sila (129), sivъ (149), zima (138), voziti (15); teta, tetъka (102), telę (66), tekti (42), tesati (58), nebođete (157), nevedete (158), devětъ (163), desetъ (163), nesete (18), nedělja (145), nebo (135), privyknete (161), teġnete (17);

sestra (96), veselъ (121), sedьlo (21), sedmъ (163), sedēti (22), zelenъ (148), zelъje (62), zemja (7), vezete (15);

teġnōti (17), teġati (17), težьkъ (155), teġti (52), kotę (69), kotęta (69), moltętъ (5), plātętъ (112), chodętъ (12), dętъlъ (79), dęsla /-sna (119);

seđo (23), seġati (164), seġnōti (164), prisęga (101), zętъ (106), vъzęti (54), vozeť (15);

тъма (151), тъмьпъ (150), kostъ (131), gostъ (108), olkъtъ (124), dьпъ (144), dьne (144), cěljadъ (110), pędъ (9), копьсь (143), копьса (143), копьскъjъ (70), korenъ (51), kamenъ (43), рьпъ (50), prošьba (160), goсъ (72), osъ (19).

Морфология

1. Nom. pl. m.: братья (97), доктора (113), сыновья (98), мужья (99), гости (109), волы (64), волки (74), дубы (60), берега (39), ножи (91), ключи (31);

2. Gen. pl. m.: братьев (97), докторов (113), сыновей (98), волов (64), дубов (60), мужей (99), гостей (109), ножей (91);

3. Acc. pl. m.: братьев (97), докторов (113), сыновей (98), волов (64), волков (74), дубы (60), носы (118), ключи (31);

С л о в о о б р а з о в а н и е

Суф. *-isko/-išče*: грабелище (2), косовище (3), стернь (4).

С е м а н т и к а

богъ (48), gręda (71), iskati (155), kazati (111), olkomъ (85), socha (1).

Л е к с и к а

Бежать (12), аист (76), брови (114), скот (67), домашняя птица (70), дерево (49), девушка (93), готовить (86), горбатый (132), гора (34), гвоздь (33), можжевельник (59), пихта (57), кладовая (25), икра ноги (128), город (156), лиственница (58), бабочка (81), внизу, вниз (36), летучая мышь (80), хлев (29), холм, пригорок (38), подвал, подпол (26), клоп (82), комната (32), ресницы (115), сосна (55), конюшня (30), дядя (103, 104), ель (56), теперь (165), здесь (166).

РАЗДЕЛ II

Синтаксис

1. Именное сказуемое со связкой и без связки.

а) Употребляется ли связочный глагол «быть» в настоящем времени именного сказуемого или нет? В какой форме выступает при этом именная часть сказуемого (существительное или прилагательное)? например:

Petr je kovář (em)/Petr není... Já jsem zámečnick (em), ty jsi jen nádeník (em). Já nejsem zámečnickem/zámečnick. Ty nejsi... Jsem (ty jsi, Ivan je) nemocen/nemocný. Jsme všichni nemocní/nemocní. Naše děti už nejsou nemocné/nemocny. Jsem (jsi Ivan je) stále doma./Nejsem (...) doma.

Петр — кузнец./Петр не кузнец. Я слесарь, ты только поденщик. Я не слесарь, ты не поденщик. Я (ты, Иван) болен/больной. Мы все больны/больные. Наши дети уже не больны/больные. Я (ты, Иван) постоянно дома./Я (...) не дома.

Пояснения: Необходимо фиксировать различия в случаях пропуска связки в разных лицах (особенно в 3 л. ед. в соотнесении с другими лицами), в предложениях утвердительных и отрицательных, при именном сказуемом, выраженном существительным, прилагательным или адвербиальным выражением. Если возможны оба способа выражения, стремитесь отличить обычный способ от менее распространенного. Уделяйте внимание замене связки «быть» другими словами (в том числе — связочными частицами).

б) В какой форме представлено имя существительное в именном сказуемом со связкой «быть»? Например:

Ivan je (byl, bude, rád by byl) kovář (em)/On není... Petr je (byl, by byl, bude) velký chudák/není... žádný chudák. Ivan je (byl, nebyl, nebude, by byl) dobrý zámečnick.

Иван — (был, будет, был бы рад быть) кузнецом./Он не... Петр — (был, будет, был бы) большой бедняк (большим бедняком)/Петр — (не был, не будет, не был бы) никакой не бедняк (никаким бедняком). Иван — (был, не был, не будет, был бы) хороший слесарь (хорошим слесарем).

Пояснения: Речь идет об установлении различий в употреблении именительного и творительного предикативного или конкурирующих конструкций. Необходимо различать случаи, в которых речь идет о профессии или деятельности, от случаев, когда выражена оценка. Используйте примеры из предшествующего вопроса!

в) В какой форме выступает в именном сказуемом со связкой «быть» имя прилагательное? Например:

Úroda je (byla, bude, by byla) pěkná/není... Petr mi je (byl) protivný/není...
Капна jsou (byla, budou) ještě teplá/už nejsou, nebyla...

Урожай — (был, будет, был бы) хороший (хорошим)/не... Петр — (был) отвратителен/не... Печь — (была, будет) еще теплая/уже не, не была...

Пояснения: Речь идет о выявлении различий в употреблении кратких и полных форм имен прилагательных, а может быть, также и о распространении творительного предикативного. Примеры с различными формами времени и склонения, с отрицанием и без отрицания необходимо фиксировать лишь для того, чтобы установить, влияет ли это на форму именной части сказуемого. Используйте примеры из вопроса 1а!

г) В какой форме выступает имя существительное и прилагательное в сказуемом без связки? Используйте вышеприведенные примеры для изучения состояния в тех диалектах, где во всех формах настоящего времени или хотя бы в 3-м лице ед. числа связка регулярно опускается. В остальных диалектах можно отметить примеры, когда связка спорадически опускается, но при этом следует ясно указать, что речь идет о редких случаях.

2. Замена праславянского супина и конкурирующие средства

Как выражается действие, когда кто-нибудь идет (шел, пойдет, должен идти), ушел (...), пришел (...), спешит делать /сделать? Например:

Jdu (půjdu, šel) kosit žito/nažít trávy. Jdi nažít trávy! Nechod' kosit žito! Přijď mi pomoci! Pospěš mi pomoci! Odešla do města nakupovat/nakoupit/kupovat. Spěchá kopit seno.

Я иду (пойду, пошел) косить рожь/нажать травы. Иди нажать травы! Не ходи косить рожь! Пойди, помоги мне! Поторопись, помоги мне! Она ушла в город что-то покупать/купить. Он спешит кошить сено.

Пояснения: Речь идет о том, чтобы зафиксировать инфинитив и синонимические конструкции (по возможности — остатки супина) после указанных глаголов движения (отбор глаголов движения обязателен). Важное значение имеет вид глагола, зависимого от глагола движения, — следует зафиксировать глаголы совершенного вида и обратить внимание на различия, встречающиеся при употреблении инфинитива и других конструкций (ср. русское: *Иди открой окно! Я пойду разбуджу его*). Отметьте, в каком падеже выступает дополнение при инфинитиве (или супине): — в вин. падеже или же появляется род. падеж (но не заменяйте род. партитивным).

Замечание: Наряду с инфинитивными и другими синтаксическими конструкциями следует фиксировать также придаточные предложения цели. Используйте при этом примеры для вопроса 3б.

3. Придаточные изъяснительные предложения, выражающие желание (т. е. зависимые повелительные предложения или предложения с значением пожелания), и придаточные предложения цели

а) Какие союзы используются обычно в придаточных дополнительных предложениях, выражающих запрещение и пожелание? В каком склонении выступает при этом глагол? Употребляется ли описательный императив и при каких условиях? Например:

Poručil, aby mu neotvírali./Říká, aby ste neotvírali. Přáli jsme si, aby už bylo hezky. Řekni mu, ať už jde! Říkal, ať tam nechodíme.

Он приказал, чтобы ему не открывали. Он говорит, чтобы вы не открывали. Мы желали бы, чтобы наступила хорошая погода. Скажи ему, чтобы он шел! Пусть уж идет! он говорил, чтобы мы туда уж не ходили!

Пояснения: Что касается чешского языка, то речь идет главным образом о различии предложений с *aby* (или с другими кондициональными союзами, например *soby*) и индикативных предложений с *at*, *necht'*; обратите внимание, при каких условиях они употребляются (только ли после императива в главном предложении или же и в других случаях). Одновременно с этим можно наблюдать конкуренцию придаточных предложений с объектным инфинитивом.

б) Как выражается предложением в целом действие, которое является целью какой-нибудь деятельности? В особенности отметьте предложения, в которых придаточное цели следует после глаголов движения: *идти* (*пйти-ти*, *отойти*), *спешить*, *послать*, *нести*. Например:

Pospichali, aby včas odvezli seno/aby jim nezmoklo seno. Šli do města, aby tam koupili novou kosu/koupit kosu. Jděte, at jste řtam včas/abyste tam byli včas. Pospěšte si, at vám nezmokne seno/aby. . nezmoklo. Poslali ho do města, aby tam koupil/(koupit) kosu. Vedl chlapce k doktorovi, aby mu vytrhl zub.

Торопились, чтобы вовремя отвезти сено /чтобы не намокло сено. Пошли в город купить новую косу/чтобы... Идите, чтобы прийти вовремя/чтобы быть там вовремя. Давайте поспешим, пусть не мокнет сено / чтобы не намокло... Прислали его в город купить косу / чтобы он там купил косу. Повел мальчика к доктору, чтобы тот вырвал ему зуб.

Пояснения: Обратите внимание, отличаются ли как-нибудь придаточные предложения от изъяснительных предложений, выражающих желание; каково отношение придаточных цели к инфинитивным и подобным конструкциям. В русском и польском языке встает вопрос и о распространении инфинитивных предложений с целевыми союзами при одном и том же подлежащем. При каких условиях в этом случае употребляются индикативные предложения с частицами «пусть, пускай»?

Перевели с чешского и польского
Л. Н. Смирнов и З. Н. Стрекалова

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. Н. ПРОКОПОВИЧ

РАЗВИТИЕ АДЪЕКТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В РУССКОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XIX в.

§ 1. Развитие у имен прилагательных способности распространяться зависимыми от них словами, т. е. образовать адъективные словосочетания, — сложный и длительный процесс. Он тесно связан, пересекается и взаимодействует с другими языковыми процессами как в историческом прошлом русского языка, так и в исследуемый период.

Развитие адъективных словосочетаний тесно связывается прежде всего с развитием всей системы словосочетаний русского литературного языка и, шире, его синтаксической системы в целом. Представляя собою одну из составных частей этой системы, адъективные сочетания слов испытывали и испытывают на себе влияние других разрядов словосочетаний (в первую очередь — глагольных). Они подвергаются воздействию общих закономерностей сочетаемости слов, свойственных русскому языку (словообразовательные связи, развитие слабоуправляемых связей, семантические факторы, приемы образования сочетаний усложненной структуры, способность выполнять номинативную функцию в языке и т. д.). Конечно, даже эти общие закономерности в различных разрядах словосочетаний (в частности, и в адъективных) обнаруживают в большей или меньшей мере и специфические особенности, обусловленные принадлежностью стержневого, распространяемого слова к определенной части речи. В развитии адъективных сочетаний слов выделяются явления и тенденции, которые характерны и типичны только для имени прилагательного как части речи, семантической основой которой «является понятие качества». Эти внутренние, так сказать, имманентные для адъективных сочетаний явления были обусловлены спецификой распространяемого слова, его категориальными признаками и особенностями, а следовательно, и теми сложными процессами, которые протекали внутри этого лексико-грамматического разряда слов и в значительной своей части продолжались и в XIX в. В истории адъективных словосочетаний этот второй круг явлений и тенденций, естественно, занимает центральное место.

Объединяясь по одному, общему для них признаку обусловленности развитием категории качества, эти явления в свою очередь подразделяются на две группы. Во-первых, это явления и закономерности, общие для адъективных словосочетаний: обусловленность развития адъективных сочетаний слов развитием категории качества; соотношение и изменения в этих словосочетаниях таких связей прилагательных, которые обусловлены синтаксической функцией распространяемого слова, т. е. связей окказиональных, с одной стороны, и связей категориальных, функцией распространяемого слова не обусловленных, — с другой; дифференциация прилагательных полных (как выразителей качеств) и кратких (как выразителей качественных состояний) в отношении их конструк-

тивно-синтаксических возможностей. Во-вторых, это те важнейшие явления и тенденции в развитии, которые характерны для отдельных групп адъективных словосочетаний. Являясь, таким образом, частными, они в своей совокупности дают представление об общем и весьма значительном расширении конструктивно-синтаксических возможностей качественных прилагательных.

§ 2. Адъективные словосочетания получили широкое распространение в русском литературном языке исторически относительно поздно, во всяком случае — позднее таких разрядов словосочетаний, как глагольные и субстантивные. До недавнего времени адъективные сочетания монографическому изучению и систематическому описанию не подвергались даже в границах современного русского языка¹. Однако самая возможность для прилагательных (особенно кратких) сочетаться с зависимыми от них беспредложными и предложными формами существительных (или «управлять» последними) и с некоторыми разрядами наречий отмечалась с различной степенью глубины многими исследователями русского языка, начиная с М. В. Ломоносова и до наших современников. Характерно, что при этом они ограничивались констатацией самой возможности приадъективного употребления зависимых слов, приведением примеров, подтверждающих эту возможность, и по существу самыми общими замечаниями по этому вопросу.

К настоящему времени в грамматической традиции сложился ряд положений, получивших освещение в специальных трудах, а также воспроизводимых в учебниках. В основном они сводятся к следующему: а) управление при именах прилагательных возникло под влиянием глагольного (и частично субстантивного); б) краткие формы прилагательных ближе к глаголу, чем полные; краткие формы обладают большей способностью управлять существительными и даже сочетаться с наречиями, чем полные формы прилагательных; в) возможность употребления зависимых слов при полных прилагательных ограничивается функционально — ролью их в предложении. Управление рассматривается как характерное для полных прилагательных в роли так называемых обособленных определений и в роли сказуемого; г) адъективные словосочетания рассматриваются как малоупотребительные даже в современном литературном языке (т. е. XX в., включая и наше время).

Однако эти положения требуют пересмотра и весьма существенного уточнения. Сразу же нужно подчеркнуть их основной недостаток: отсутствие исторической перспективы и, самое главное, полное игнорирование неразрывной связи развития адъективных словосочетаний с развитием категории качества как основы имени прилагательного.

Между тем анализ адъективных словосочетаний в языке как XIX в., так и более позднего периода (XX в.) легко обнаруживает тот несомненный факт, что не все разряды имен прилагательных способны распространяться зависимыми от них словами, т. е. образовывать словосочетания. Совершенно не отмечаются случаи сочетания прилагательных притяжательных с зависимыми словами. Крайне ограничены, буквально уникальны случаи употребления в сочетании с зависимыми словами относительных прилагательных, сохраняющих относительное значение, таких, как *железные с резьбой ворота, кружевной в кисти рукав*; но возможность образования некоторых моделей с такими прилагательными не исключена (*медный по краям, тульское по клейму* и некоторые другие).

¹ См.: Н. Н. Прокопович, Адъективные словосочетания в современном русском языке. Докт. диссерт., М., 1955; Э. В. Сажо, Сочетание прилагательного с зависимым от него существительным в современном русском литературном языке. Канд. диссерт., Ростов-на-Дону, 1954.

Широко и свободно образуют адъективные словосочетания по существу лишь те имена прилагательные, которые принадлежат к разряду качественных или употребляются в этом (т. е. качественном) значении. Следовательно, способность распространяться зависимыми словами типична и характерна для качественных прилагательных, а развитие этой способности связано с развитием категории качества как семантической основы имени прилагательного. Поэтому для выяснения тенденций в развитии адъективных словосочетаний в русском языке XIX в. совершенно необходимы хотя бы некоторые, важнейшие данные из истории имени прилагательного.

К сожалению, длительный и весьма сложный путь исторического развития имени прилагательного от лексико-синтаксической категории общеславянской эпохи до морфологически оформленной современной части речи всесторонне и детально еще не изучен. Такая задача лишь поставлена². Однако и то, что сделано в этой области, позволяет выделить ряд фактов и положений, исключительно важных, необходимых для выяснения ведущих закономерностей в развитии адъективных словосочетаний в XIX в.

§ 3. Возникновение и последующее развитие в русском языке имени прилагательного как особой части речи было подготовлено лексико-синтаксическими процессами, протекавшими еще в эпоху общеславянской языковой общности.

В «Истории древнерусского языка» Л. П. Якубинского эти процессы характеризуются (в основных чертах) так. В результате развития синтаксической категории определения в славянских языках уже в общеславянскую эпоху в кругу имен выделяется особый разряд слов, обозначающих признаки определяемых предметов через отношение к другим предметам. Затем, «постепенно, с развитием отвлеченного мышления, признак обособляется как таковой и мыслится отдельно. Тогда образуется качественное прилагательное, в котором образ предмета уже отсутствует. Качественное прилагательное — категория более отвлеченная, чем относительное»³. Следовательно, «образование лексико-синтаксической категории прилагательных», а также возникновение полных (или местоименных, членных) прилагательных «принадлежит еще общеславянскому языку, но возникновение специальной морфологической категории прилагательных происходит уже в отдельных славянских языках...» и связано с «их судьбой в дальнейшем развитии каждого языка. Так было и в русском языке»⁴.

Очень важно при этом, что наряду с прилагательными, морфологически оформленными при помощи суффиксов-окончаний (генетически местоименной)-ый, -ая и т. д., в языке сохраняются и употребляются и лишённые такого оформления неместоименные (или именные) формы. И те, и другие в древнерусском языке были присущи как качественным, так и относительным прилагательным⁵.

Уже в древнейшую эпоху в кругу качественных прилагательных (а круг этот в ходе истории неуклонно расширяется) полные (местоименные) и краткие (нечленные) формы разграничиваются и противопоставляются друг другу не только по своему морфологическому оформлению,

² См. Л. П. Якубинский, История древнерусского языка, М., 1953, стр. 218.

³ Там же, стр. 210.

⁴ Там же, стр. 212.

⁵ Об утрате кратких форм относительных прилагательных см. там же, стр. 218—219.

но и по обобщенному семантическому признаку: первые обозначают качество, вторые — качественное состояние и качество.

Это противопоставление отражается и в разграничении тех и других форм по их синтаксической функции: в течение определенного исторического периода полные прилагательные выступают в предложении в чисто атрибутивной функции — в роли определения, а краткие — в роли сказуемого, а также определения, но с большим или меньшим элементом «энергичности», предикативности⁶.

Наконец, свойственные полным прилагательным окончания служат не только приметой рода, числа и падежа, выражающей согласование с определяемым существительным. Морфологически отграничивая полные прилагательные от кратких, они тем самым уже в древнейшую пору выступают как формальный признак складывающейся в языке категории имени прилагательного. Естественно, что в дальнейшем, к нашему времени эти окончания становятся основным формальным признаком имени прилагательного, а следовательно, и присущего последнему категориальному значению качественности⁷.

Таким образом, уже в начале того длительного пути, который в течение фиксированной письменными памятниками истории прошли прилагательные, оформляясь в современную самостоятельную часть речи, в них не только выделялись две группы форм: полные и краткие. В каждой из групп уже были заложены основные признаки, необходимые для отдельной, самостоятельной части речи (различные категориальные значения; различные основные синтаксические функции; различная морфологическая структура). Поэтому процесс становления — оформления имени прилагательного как части речи — является в то же время процессом крайне медленного, но неуклонного, все возрастающего обособления кратких форм от полных, отрыва их от категории имен прилагательных и перехода в категорию состояния.

§ 4. Процесс этот, идущий из древности, полностью не завершившийся и в XIX в., естественно, не был простым, развивающимся прямолинейно. Напротив, он был и остается весьма сложным, а нередко и противоречивым. В его основе лежит отмеченное выше исконное различие в категориальном значении полных и кратких форм и, главное, неуклонное развитие этих значений в обеих группах форм. С этим связана и лексико-семантическая дифференциация полных и кратких прилагательных; с этим связаны и изменения в синтаксическом их функционировании в строе предложения, прежде всего такие крупные изменения, как утрата краткими формами способности выступать в атрибутивной роли, а вместе с тем и утрата склонения, возникновение у полных прилагательных способности функционировать в качестве сказуемого и многие другие явления; с этим, наконец, связано и развитие у прилагательных способности распространяться зависимыми словами, а также изменившееся соотношение в проявлении этой способности у кратких и полных прилагательных.

Конечно, на развитие у полных прилагательных способности иметь при себе зависимые слова (управляемые имена существительные и примыкающие наречия) оказало влияние употребление полных качественных прилагательных в роли сказуемого. Однако нельзя признать это влияние

⁶ См. А. Потеня, Из записок по русской грамматике, I—II, Харьков, 1888, стр. 84; см. также: Е. Истрина, Употребление именных и местоименных форм имен прилагательных в Синодальном списке I Новгородской летописи, ИОРЯС, XXIII (1918), 1, 1919; А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, М., 1941.

⁷ См.: В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 189—190; см. также: К. С. Аксаков, Сочинения филологические, ч. I, М., 1875; е го же, Опыт русской грамматики, Прибавление, М., 1860; А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, М., 1934.

единственным и решающим фактором в развитии сочетаний полных прилагательных с зависимыми от них словами: предикативное употребление полных прилагательных само было тесно связано с развитием качественности, с древним различием в категориальном значении кратких и полных прилагательных. Показательно также, что употребление в функции сказуемого полных форм относительных прилагательных не привело к появлению при них зависимых слов. Характерно и то обстоятельство, что случаи употребления относительных прилагательных в полупредикативной функции единичны⁸. Развитие же в относительных прилагательных качественных значений (или оттенков значения), а тем более переход их в разряд качественных прилагательных, как правило, приводит к возможности употребления их в сочетании с зависимыми словами.

По наблюдениям исследователей, при сказуемом — полном прилагательном (качественном) еще в памятниках XVI в. не отмечается употребление зависимых слов; они появляются здесь лишь в XVII в.⁹. К тому же в это время такие конструкции не принадлежали к широко употребительным: в некоторых речевых стилях полные прилагательные — сказуемые представлены совершенно незначительно¹⁰; с другой стороны, весьма ограничен был и круг зависимых слов в таких сочетаниях¹¹. Широко употребительными и довольно разнообразными по своим структурным типам словосочетания, образуемые полными прилагательными в качестве стержневого слова, становятся лишь к концу XVIII — началу XIX в.

§ 5. Это очень показательно и закономерно. Идущий из глубокой древности процесс развития в имени прилагательном отвлеченных качественных значений на основе и за счет значений, опирающихся на предметные отношения, уже в XVII—XVIII вв. заметно активизируется. К самому же концу XVIII в. и на протяжении всего XIX в. он становится особенно интенсивным. При этом развитие качественности характеризуется не только быстротой, интенсивностью, но и разносторонностью. Оно проявляется и в лексико-семантических процессах, и в резком расширении круга качественных определений, и в словообразовательной системе имен прилагательных¹², и в расширении синтаксических функций полных качественных прилагательных и в быстром росте адъективных словосочетаний раз-

⁸ При таком употреблении относительных прилагательных обычно в большей или меньшей мере отчетливо ощущается качественный оттенок их значения. Ср., например: «Гатьяна (русская душою, Сама не зная, почему) /С ее холодною красою Любила русскую зиму...» (Пушкин, Евгений Онегин) и «...из наших разговоров я вынес одно убеждение..., что Петр Великий был по преимуществу русский человек, русский именно в своих преобразованиях» (Тургенев, Хорь и Калиныч), с одной стороны, и прилагательное *русский* в таких сочетаниях, как *русская зима, русская литература, русская армия* и т. д. — с другой.

⁹ См. Н. Ю. Шведова, Возникновение и распространение предикативного употребления членных прилагательных в русском литературном языке XV—XVIII вв., «Докл. и сообщ. [Ин-та русского языка АН СССР]», 1, 1948, стр. 110—111. Правда, единичные случаи распространения полных прилагательных-сказуемых отмечаются в позднейших работах; так, три таких примера приведены в исследовании А. А. Шумиловой «О зависимости управления при прилагательных от их лексического значения (на материале памятников XV—XVI вв.)» («Уч. зап. [МГПИ им. В. И. Ленина]», СХХХII, кафедра русск. языка, 8, 1958, стр. 292, 294).

¹⁰ См. В. Н. Перетрухин, Синтаксис словосочетания в языке русской оригинальной сатирико-бытовой повести второй половины XVII в. Автореф. канд. диссерт., М., 1958, стр. 15 и 18.

¹¹ См. Р. С. Астрина, Адъективные словосочетания с дательным беспредложным в русском языке XVII—XVIII вв., сб. «Русский язык. Статьи и исследования» («Уч. зап. [МГПИ им. В. И. Ленина]», 1960, стр. 329 и сл.

¹² См. Е. А. Земская, Об основных процессах словообразования прилагательных в русском литературном языке XIX в., ВЯ, 1962, 2.

личных структурных типов, а также в росте их употребительности в русском литературном языке.

Уже во второй половине XVIII в. перестает быть редким употребление зависимых падежных и предложно-падежных форм существительных, а также наречий не только при кратких формах, но и при полных прилагательных. Модели адъективных словосочетаний, не отличаясь, правда, большим разнообразием, представлены в различных стилях литературного языка этого периода. Например:

«Мы приехали в Монпелье в самое *авантажное для него время*» (Фонвизин, Письма); «Пойдем тотчас в армию и сделаемся *достойными звания дворянина*» (Фонвизин, Недоросль); «Еще Вас прошу, оставьте мне не *свойственное Вам искусство...*» (Новиков, Трутень, 1770); «...а просвещенному Зрелому и подобным ему разумным людям ничто удивительно быть не может...» (Новиков, Трутень, 1769); «В самый первый день похищена я в сие *несносное для меня и страшное жилище*» (Чулков, Пересмешник); «...Мы возвели на престол, продолжал он, *весьма попечительного о подданных государя...*» (там же); «Неслыханное также дело, / *Достойное тебя одной...*» (Державин, Ода к Фелице); «Тебе, герой! желаний муж! / *Не роскошью вельможа славный; / Кумир сердец, пленитель душ*» (Державин, Вельможа); «*Чуждый надежд и мяды, чуждый рабского трепета, он твердым гласом возвестит меня тебе*» (Радищев, Путешествие...).

Самый же конец XVIII в. и весь XIX в. — это эпоха исключительно быстрого расширения в русском литературном языке круга качественных прилагательных, а вместе с тем и образуемых ими адъективных словосочетаний разнообразных моделей. Уже в произведениях Н. М. Карамзина обнаруживается большая часть тех моделей, которые представлены и в русском литературном языке конца XIX — начала XX в. Конечно, в количественном отношении, в отношении употребительности эти модели были далеко не одинаковы. Одни из них так же (или почти так же) употребительны, как и к началу XX в.; таковы, например, беспредложные сочетания с зависимым существительным в дат. падеже (*свойственный ему, милый сердцу и т. п.*), сочетания с предлогом *для* и род. падежом, которые уже у Н. М. Карамзина (как и вообще в ту пору) употребляются очень широко и «конкурируют» с названным выше дательным беспредложным (ср.: *любезные для него и любезные ему*); несколько уступающие по употребительности названным предложные сочетания с предлогом *в* и предл. падежом [*величественная в своем течении (река), счастливый в своих предприятиях*]; беспредложные словосочетания с твор. падежом (*славный своими фабриками*) и «конкурирующие» с ними предложные сочетания с предлогами *по* и *в* (*известный по своим суконным фабрикам*) и др.

С другой стороны, многие модели, представленные у Н. М. Карамзина немногочисленными и даже единичными примерами, принадлежали к живым, только еще складывавшимся в языке. На протяжении XIX в. они распространяются в русском языке, становясь к концу века широко употребительными. Таковы, например, сочетания с предлогом *от* и существительным в род. падеже (со значением причины: *оторопелый от смущения* и т. п.), с предлогом *до* и тем же падежом (*до крайности говорливый*), с качественными наречиями (*величественно спокойный, тщетно предосторожный*) и др.

§ 6. На протяжении XIX в. круг прилагательных с качественным значением продолжает интенсивно расширяться. Это расширение идет по двум линиям. С одной стороны, круг качественных прилагательных продолжает расти и расширяться за счет образований, в которых обозначение признака предмета через отношение к другому предмету, все ослабляясь, превращается в качественную характеристику предмета, приобретает отвлеченное значение безотносительного качества. Вот примеры моделей, образуемых прилагательными различных словообразовательных групп:

«Я ... почитал себя уже совершенно светским и обхождение знающим человеком...» (Болотов, Записки); «...и все вместе составляло нечто весьма Оссианское» (Карамзин, Письма русского путешественника); «Это была критическая для меня минута» («Московский наблюдатель», 1837, кн. 1); «Насчет занятия первых мест происходило тоже множество весьма сильных сцен, внушавших мужьям иногда совершенно рыцарские, великодушные понятия...» (Гоголь, Мертвые души); «Помнится, Белинский, человек совершенно не практический в житейском смысле, купил...» (Тургенев, Встреча моя с Белинским); «С этого-то времени и начинается ... бесчеловечно-деспотическое влияние Фомы Фомича на моего бедного дядю» (Достоевский, Село Степанчиково...); «Весь этот угол дает свежему человеку чувство ... чего-то татарского по своему неудобству...» (Боборыкин, Китай-город); «...это был действительно факт характеристический для тогдашнего состояния умов» («Вестник Европы», 1890, IV, кн. 8); «Страстное, глубоко поэтическое по своей изящной, нежной задумчивости выражение любви молодых людей Украины ... было ... не столько изображаемо Гоголем с натуры, сколько являлось под влиянием ... народных мелодий» («Вестник Европы», 1890, IV, кн. 8); «Это, должно быть, такая наша специально женская психология» (Куприн, Препорщик армейский); «У князя было много денег ... да большая очень пустынная вилла...» («Московский наблюдатель», 1837, кн. 1); «Он воображает меня мертвою для всех чувств добродетели!» (Карамзин, Юлия); «...и немного спустя вошел в контору человек низенького роста, чахоточный на вид...» (Тургенев, Контора); «Но так как лицо этого бедняка было слишком постное..., то добрая мысль сама собой как-то испарилась...» (Достоевский, Скверный анекдот); «...Когда он запевал чересчур цензурную песню...» (Гончаров, Обрыв); «Александр и Софья, оба по натуре очень художественные вообще... прыгали от радости, когда Турчанинов садился за фортепиано...» (Стасов, Автобиография); «Были рядом с ... народными сюжетами разработывала и сюжеты по своему происхождению книжные...» («Вестник Европы», 1890, IV, кн. 8); «...после этого он ... как натура субъективная, общественная до мозга костей, пришел к тому заключению, что...» (Чехов, Письмо А. С. Суворину, 18X 1888); «Хорош ли он? Это—как кому нравится, но, по его мнению, у него лицо слишком выставочное, так сказать парикмахерское» (Куприн, Страшная минута).

Степень качественности в отдельных прилагательных, соотношение в них качественных и предметно-относительных значений весьма различны. Различен и круг моделей, которые способны образовать те или иные прилагательные: у одних он широк, у других — ограничен, у третьих — он только намечается, лишь потенциально заложен, хотя в исследованных материалах и не обнаружен. Сходное явление наблюдается в развитии у таких прилагательных и морфологических признаков качественности (степени сравнения, формы оценки, возможность образования наречий на *о/е* и др.). Способность распространяться зависимыми словами может возникать и не одновременно с возникновением у того или иного прилагательного качественных значений. Однако несомненно, что самое развитие этой способности неразрывно связано с развитием в прилагательном качественности.

Это хорошо прослеживается на словосочетаниях, образуемых прилагательными, которые обозначают цвет (включая цвет волос, масти животных). Такие прилагательные, как *белый, серый, синий, желтый, черный* и т. п.; *седой, рыжий, гнедой, чалый* и др., т. е. такие, которые давно утратили элементы предметности и воспринимаются как отвлеченные обозначения качеств (цветов), свободно употребляются в сочетании с зависимыми словами уже в конце XVIII — самом начале XIX в. Их употребительность возрастает, а модели становятся разнообразнее на протяжении всего XIX в.: *очень, совершенно серый, серый в полоску, серый с искоркой, серый от пыли, серый по краям* и т. д.; *седая с чернью голова, седой от пережитого, седой у висков, совершенно седой* и т. д.

«Под печкою живут у нас два кролика: один беленький, а другой пестрый, *белое с черным*» (Болотов, Записки); «Недавно в театре заметили двух дам, на которых надеты были фуларовые платья: на одной *белое с мелкими разноцветными полосками*, на другой...» (Моды, «Московский наблюдатель», 1837, кн. 1); «Вошедши на двор, увидели там всяких собак... всех возможных цветов и мастей: *мургухи, черных с подпалинами, полво-пегих*...» (Гоголь, Мертвые души); «все они были в *черных с белыми полосками* мантиях» (Вельтман, Иоланда, IV, «Московский наблюдатель», 1837, кн. 2);

«Наташа продолжала: — Неужели вы не понимаете? Николинка бы понял ... Безухов — тот синый, *темносиний с красным*, и он четверугольный» (Л. Толстой, *Война и мир*); «... в величавой неподвижности ... стояли широкозадые рысаки ... *серые в яблоках*, вороны, гнедые» (Тургенев, *Лебедянь*); «Она подняла лицо, *красное от стыда*, и поглядела на него виновато и умоляюще» (Чехов, *Попрыгунья*); «На плацу старички играли в лапту, другие ходили обнявшись, третьи с вала бросали камни в *зеленый от тины пруд*...» (Куприн, *На переломе*).

Группа прилагательных, выражающих качество по цвету, в XVIII—XIX вв. пополняется большим количеством заимствований. В широкий обиход включаются такие прилагательные, как *розовый, бордовый, оранжевый, лиловый, фиолетовый*, а позднее *шоколадный, кофейный, миндальный* и т. д. Однако первоначально эта группа значительно уступает и по употребительности с зависимыми словами, и по разнообразию моделей той группе, которая была рассмотрена выше. Возможность распространения зависимыми словами постепенно возрастает и в этой группе, но все же словосочетания с указанными прилагательными в XIX в. сравнительно немногочисленны. Например:

«Он встретился с белоногим рыжим Гладиятором Махотина, которого в *оранжевой с синим попоне* ... вели на гипподром» (Л. Толстой, *Анна Каренина*); «Другой подал Палтусову его мохнатое, *лиловое с черным*, одеяло...» (Боборыкин, *Китай-город*); «Встревоженные тихим движением лодки ... лениво расплываются в обе стороны морщанки, *розовые от последних лучей солнца*» (Куприн, *Прапорщик армейский*).

В дальнейшем, уже к концу XIX и особенно в XX в. слова этой семантической группы в целом употребляются с зависимыми словами значительно шире и свободнее:

«Все эти впечатления ... запали в память Буланина. Сколько раз потом ... видел он и эти *коричневые с розовым* стены, и плац с чахлой травой...» (Куприн, *На переломе*); «Николай Иванович выслушал ее до конца ... с удивлением взглядывая на *миндальные от негодования* дашины щеки...» (А. Толстой, *Хождение по мукам*); «... Боже мой, совершенные оята! ... Да не жареные, а свежие, только что снятые с гиппого пенька! Такие *розовые со ржаечинкой*...» (Федин, *Несбыкновенное лето*); «Истомуую скуку делил с ним красавец-пойнтер, *шоколадной в белых крапинах* масти» (Шолохов, *Тихий Дон*).

§ 7. Вторым мощным источником пополнения качественных прилагательных служат глагольные слова: качественные значения легко возникают и на основе характеристики предмета по действию как результат качественного осмысления последнего. Здесь выделяются: а) прилагательные от глагольных основ и б) причастия, в которых развились качественные значения.

Развитие качественного значения, а вместе с тем и способности сочетаться с зависимыми словами легко прослеживается на группе отглагольных прилагательных с суффиксом *-тельный*: *утомительный, привлекательный, замечательный, выразительный* и мн. др.

Для прилагательных этого типа, сохранивших и до нашего времени известную близость к причастиям¹³, еще в конце XVIII — начале XIX в. исследователи отмечают далеко не единичные случаи употребления в действительном, процессуальном значении. Таковы, например, прилагательные: *замечательный*, которое в этот период употреблялось в значении «замечающий» и «достойный быть отмеченным, замечаемый»; *решительный*, употреблявшееся в значении «решающий», и др.¹⁴

¹³ Близость этих прилагательных к причастиям по *-щий* отмечает акад. В. В. Виноградов («Русский язык», стр. 214), ссылаясь при этом на замечания А. А. Потемки («Из записок по русской грамматике», III, стр. 400).

¹⁴ См. подробнее: И. С. Ильинская, К истории словарного состава русского литературного языка XIX в., в сб. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», III, М., 1953, стр. 166—174; Е. А. Земская, указ. соч., стр. 48—49.

Однако уже в этот период названные прилагательные, как и другие прилагательные этой же группы, употреблялись и в качественных значениях; к концу же XIX в. эти значения стали господствующими. Вместе с тем неуклонно расширяется и употребление таких прилагательных в сочетаниях с зависимыми словами. Например:

«Печальное платье, бледное лицо и томность в глазах делали ее *привлекательной для меня...*» (Карамзин, Письма русского путешественника, «Но г. сочинитель... выдал книгу для иных *утомительную*, для других *огорчительную*, и не знаем к чему полезную» («Московский Меркурий», 1803, ч. IV); «Всяк ... должен невольно поражаться одним явным и *унизительным для нашей гордости недостатком...*» («Библиотека для чтения», 1834, VI, кн. 10); «Ростовы предполагали, что русская гвардия за границей есть *совершенно определительный адрес...*» (Л. Толстой, Война и мир); «Она сделала чуть заметное, но понятное для Кити, *одобрительное ее туалету и красоте движение головой*» (Л. Толстой, Анна Каренина); «*Самое мучительное для кавалерийской лошади, это затянутое ее положение под тяжелым вьюком...*» (Фет, Мои воспоминания); «Чтобы не продолжать этой жизни, позорной для нее и *оскорбительной для Лаврского*, она решила уехать» (Чехов, Дуэль)¹⁵.

Так и в этой группе прилагательных развитие качественных значений сочетается с развитием у прилагательных способности образовывать адъективные словосочетания. При этом характерно, что в ряде случаев само распространение прилагательного по определенной модели служит показателем наличия качественного значения. Форма зависимого слова (*для* с род. падежом или дат. беспредложным) резко отличает в этих случаях прилагательные от соотносительных, близких по смыслу причастий, при которых зависимые слова в указанной форме исключены. Ср., например, *унизительный для него* и *унижающий его*, *привлекательный для меня* и *привлекающий меня*, *одобрительный ее туалету* и *одобряющий ее туалет* и т. д.¹⁶.

К рассмотренным прилагательным примыкает довольно большая группа отглагольных прилагательных на *-мый* (большей частью в сочетании с приставкой *не-*)¹⁷, в которых совершенно отчетливо выступают не процессуальные, а чисто качественные значения и которые широко и свободно образуют сочетания с зависимыми от них словами:

«И те, и другие хранят внутри себя... тайну, может быть, *недостижимую для человека в сей жизни...*» (Одоевский, Русские ночи, предисл. к изд. 1844 г.); «...но и тут сколько препятствий, для меня *неодолимы!*» (Пушкин, История села Горюхина); «Каждая женщина ... подвергается игу враждебного наблюдения, *столь же немолчаливого для прелестей, как и недостатков*» («Библиотека для чтения», 1834, VI, кн. 10); «Казалось, весь ум ее сосредоточивался на желании сказать мужу самое обидное, *самое невыносимое для любящего*» (Фет, Мои воспоминания); «Генерал,— отвечал я с *нестерпимым для него спокойствием...*» (Достоевский, Игрок).

§ 8. Идущее из древности развитие качественных значений в причастиях привело к тому, что в русском литературном языке уже к началу XIX в. представлено большое количество отричастных образований, утративших глагольность, перешедших в прилагательные и употребляемых в сочетании с зависимыми словами. Таковы, например: *согбенный* («зодчие, согбенные над чертежом» — Радищев), *надменный* («надменный в сношениях с людьми самого высшего звания» — Пушкин), *незабвенный* («ты,

¹⁵ Некоторые из таких прилагательных выходят из употребления или употребляются весьма редко, вытесняемые соответствующими отричастными образованиями. Кроме приведенного в примерах *определятельный* (ср. совр. *определенный*), можно назвать *блестательный* (ср. *блестящий*), *умолятельный* (ср. *умоляющий*) и др.

¹⁶ В прилагательных с суффиксом *-тельный*, употребляемых в пассивном значении, нет указанной соотносительности, и модели сочетаний для них иные.

¹⁷ Эти «адъективированные или полуадъективированные образования» — по замечанию акад. С. П. Обнорского — «...ошибочно было бы считать собственно причастиями от подходящих отправных глаголов» («Очерки по морфологии русского глагола», М., 1953, стр. 200).

незабвенная и в дикой пустыне» — Жуковский), *откровенный, сокровенный, обыкновенный* и др.

С конца XVIII в. процесс «окачества» причастий усиливается и в XIX в. становится весьма интенсивным. Наряду с уже отмеченным повышением роли категории качества в грамматической системе русского языка этому содействовало то, что причастия из категории стилистически ограниченной, реализуемой в высоком стиле, становятся достоянием общелитературного языка и получают в нем довольно широкое распространение. (Это отмечают историки русского литературного языка — В. В. Виноградов, Л. А. Булаховский, И. С. Ильинская и др.).

На протяжении XIX в. (и позднее — в наше время) в систему имен прилагательных широким потоком вливаются образования с качественным значением, возникающие как омонимы при многих действительных и страдательных причастиях. Число их велико, и можно привести длиннейшие перечни таких омонимов — прилагательных и причастий. Например: *блестящий, вызывающий, знающий, умоляющий* и мн. др.; *разбитый, избитый, образованный, рассеянный, смущенный, сосредоточенный* и мн. др. Такие отричастные прилагательные неуклонно вовлекаются в систему адъективных словосочетаний, получая способность образовывать типичные для последних модели. Однако развитие способности распространяться зависимыми словами у таких прилагательных, неуклонно развиваясь, все же несколько отстает от процесса адъективации причастий. Это объясняется тем, что зависимые слова, особенно управляемые существительные с предлогами и без предлогов, а среди них прежде всего существительные в вин. падеже прямого объекта (при образованиях с суффиксами *-ущ-*, *-ющ-*, *-ащ-*, *-ящ-*) и твор. падежом действующего лица или орудия (при образованиях с суффиксом *-нн-/-тн-*) обостряют глагольность причастия, его процессуальность. Поэтому употребление такого образования в адъективных словосочетаниях становится возможным при максимальном развитии в нем качественности. Иногда, первоначально при отричастных качественных прилагательных, употребляются главным образом наречия (и в первую очередь наречия степени), которые невозможны при соответствующем соотносительном причастии. Ср., например, *очень образованный человек*, с одной стороны, и *изгиб, образованный рекой в этом месте*, где невозможно употребление наречия *очень*, — с другой. Примеры словосочетаний с такими отричастными качественными прилагательными разных групп:

а) «Губернатор наш был гораздо степеннее и разумнее Корфа и во всех делах несравненно более знает» (Болотов, Записки); «Во-первых, женьтиба была не блестящая в отношении родства, богатства и знатности» (Л. Толстой, Война и мир); «...сияющие радостью, разодетые, дети стояли у крыльца пред коляской, дожидаясь матери» (Л. Толстой, Анна Каренина); «Помогай Вам бог на все доброе и достойное Вас и Ваших благородных и благомыслящих родне друзей» (Лесков, письмо к С. А. Юрьеву от 18/XII 1870); «— Но прошу же Вас, — начал он совершенно умоляющим голосом, — оставьте все это!» (Достоевский, Игрок); «Впечатление от Листовой игры было решительно подавляющее даже тогда, когда он играл такие плохие вещи, как...» (Стасов, Автобиография).

б) «Отлично образованный по тогдашнему времени, ... Волчков вступил в военную службу...» (Жихарев, Дневник чиновника, 3/III 1807); «... и вслед за ней появился человек среднего роста, в синем, сильно потертом сюртуке...» (Тургенев, Льгов); «...отчаянная храбрость, преданность до самоотвержения — и позорная трусость и изменчивость... все эти качества проявляются ... в перевоспитанной человеком собаке...» (Тургенев, Литературные и житейские воспоминания); «„Фу ты, боже мой!“ — говорят они, наконец, *разбитым от волнения голосом...*» (Тургенев, Татьяна Борисовна и ее племянник); «Она прислушалась радостно к той (как будто неожиданной для нее) прелести, с которою эти звуки переливаясь наполнили всю пустоту залы...» (Л. Толстой, Война и мир); «... и отец, вздохнув и очевидно смущенный, весьма скоро прервал свою речь и пошел к графине» (Л. Толстой, Война и мир); «Стихи, которых корректуру

держал Кетчер, — глухой, слепой и мертворожденный для поэзии и для всех искусств!!!» (Фет, Мои воспоминания).

§ 9. Обусловленное общим процессом становления и оформления русского литературного языка как языка национального, имея в своей основе неиссякаемые источники живой и яркой народной русской речи, развитие качественности, расширение круга качественных прилагательных было поддержано влиянием западноевропейских языков, главным образом французского с его развитой и гибкой системой выражения качественных характеристик предметов. Это проявилось прежде всего в непосредственных заимствованиях прилагательных, в образовании их от нерусских основ [например, в названиях цветов: *бежевый* — франц. *beige* «некрашенный, сырцовый»; *светлокоричневый*; *кремовый* — франц. *crème* «сливки, крем»; *оранжевый* — франц. *orange* «апельсин» (пример см. выше) и в калках (*трогательный* — франц. *touchant*, *влиятельный* — франц. *influent*), в расширении употребительности причастных образований в качественном значении (*рассеянный* — франц. *distract*, *dissipé*; *уможенный* — франц. *raffiné*; *сосредоточенный* — франц. *concentré*; *расположенный* и др.)¹⁸. Влияние французского синтаксиса, видимо, сказалось на построении некоторых типов словосочетаний, на распространении предложных конструкций¹⁹.

§ 10. В заключение сделаем некоторые выводы:

1. Многовековой процесс оформления имени прилагательного в самостоятельную часть речи характеризуется прежде всего развитием категории качества как его семантической основы. В ходе истории эта категория получает грамматическое оформление — морфологические и синтаксические признаки, в частности, способность распространяться зависимыми словами, присущая только качественным прилагательным.

2. Адъективные словосочетания получают широкое распространение в русском литературном языке исторически поздно, по существу в XVIII в., т. е. именно в эпоху, характеризующуюся значительной активизацией идущего из древности процесса развития качественности.

3. Этот процесс становится особенно интенсивным в XIX в. Внутри системы имен прилагательных быстро растут качественные образования, развиваются качественные значения в прилагательных относительных (и даже в притяжательных). Извне в систему прилагательных устремляется поток причастных образований, в которых развиваются качественные значения и в то же время слабеют процессуальные, глагольные. В результате растет численность и употребительность адъективных словосочетаний, расширяется круг прилагательных, способных их образовать, становятся все разнообразнее самые модели сочетаний.

4. Быстрое развитие адъективных словосочетаний в XIX в. явилось результатом неуклонного роста категории качества. Конечно, значительное влияние на это развитие оказывали и другие факторы — как общие, так и специфичные для имени прилагательного. Среди последних большое значение имели изменения в области синтаксического функционирования полных качественных прилагательных, что в свою очередь тесно связано с развитием категории качества.

¹⁸ См. В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., 2-е изд., М., 1938, стр. 162—165, 244—248.

¹⁹ Любопытны в этом плане колебания Карамзина в выборе конструкций. В одном из его стихотворений сочетание *чистый в сердце* («Московский журнал», 1792, VI, стр. 119) позднее (Соч. Карамзина, 1803, I, стр. 19) заменено сочетанием *чистый сердцем* (В. В. Виноградов, Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева, «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», I, М.—Л., 1949, стр. 252).

В. П. ГУДКОВ

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОГО ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА

Как известно, древнеславянские производные глаголы с суффиксом *-а-* имеют две основы настоящего времени: *-ajo /-aje-* и *-jo /-je-*. А. Вайан отмечает, что «глаголу *нарицати*, *нариче-* Супрасльской рукописи, а также *прорицати*, *прориче-* в других старославянских памятниках последовательно соответствует *нарицак*»¹. Дискуссионный вопрос о первичности или вторичности того или иного типа основы² получил территориальную интерпретацию у А. Мейе, который замечает, что тип глаголов на *-je-* был продуктивным в некоторых областях, особенно в сербских говорах³.

Действительно, спряжение на *-jo /-je-* глаголов несовершенного вида с суффиксом *-а-*, особенно приставочных, в общем не характерное для старославянского языка, широко распространено в сербскохорватском. Вот несколько соответствий:

ст.-слав. *нарицати*, *-цаѣж* (Супр.-*-чѣж*); *съжизати*, *-аѣж*; *начинати*, *-аѣж*; *раздирати*, *-аѣж*; серб.-хорв. *нарицати*, *-чем*; *сажизати*, *-жем*; *почивати*, *-њем*; *раздирати*, *-рем*.

Древность сербских глаголов с основой на *-jo /-je-* не подлежит сомнению, хотя в XIII—XIV вв. их было меньше, чем теперь. Некоторые факты позволяют предполагать, что основы на *-jo /-je-* рассматриваемого типа некогда бытовали и в древнерусском языке или в праславянских диалектах, легших в его основу; постепенно они были вытеснены образованиями на *-ajo /-aje-*⁴. В древнерусских памятниках для ряда глаголов наблюдаются колебания при оформлении основы по тому или иному типу (ср. *нарицаж-нарѣкак-* и *нариче-нарѣче-*⁵). Имеются и контаминированные формы с наслонением суффикса *-а-* на старую смягченную основу (типа *наричаю*, *наричактса*).

В этой связи особый интерес представляет вопрос о видовом значении глаголов с корнем *-тек-*. Характер действия, выражаемого формами (3-го лица ед. числа наст. времени) *втечеть* и *потечеть*, засвидетельствованными русскими летописями, получил различную трактовку в лингвистической литературе. Г. К. Ульянов находил в рассматриваемых гла-

¹ А. В а й а н, Руководство по старославянскому языку, М., 1952, стр. 365. Единичного мнения о происхождении Супрасльской рукописи нет. В. Вондрк полагал, что этот памятник создавался на территории, близкой к русским говорам (W. V o n d r á k, Altkirchenslavische Grammatik, Berlin, 1912, стр. 34). Вайан видел в тексте «некоторые следы моравских и сербскохорватских черт» (А. В а й а н, указ. соч., стр. 21—22).

² Ср.: А. [А.] П о т е б н я, К истории звуков русского языка, Воронеж, 1876, стр. 220; Г. [К.] У л ь я н о в, Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. I, Варшава, 1891, стр. 130; К. М и р ч е в, Стари и нови iterativa в източномакедонските говори, сб. «Списание на Българската академия на науките», кн. L — Клон ист.-филол. и философско-обществен. 24, София, 1934, стр. 200; Н. В а н - В е й к, История старославянского языка, М., 1957, стр. 348—349; R. N a h t i g a l, Slovanski jeziki, Ljubljana, 1952, стр. 82.

³ А. М е й е, Общеславянский язык, М., 1951, стр. 223.

⁴ Ср. С. П. О б н о р с к и й, Очерки по морфологии русского глагола, М., 1953, стр. 13; W. V o n d r á k, Altslovenische Studien, Wien, 1890, стр. 47.

⁵ Ср. И. И. С р е з н е в с к и й, Материалы для словаря древнерусского языка, II, СПб., 1895, стр. 319—320.

годах «видовое имперфективное значение вместо обычного перфективного»⁶. Это же мнение разделяет Т. П. Ломтев⁷. П. С. Кузнецов видит в этих глаголах «действие длительное, не ограниченное во времени»⁸. Подобное же мнение высказывали Л. П. Якубинский и С. Д. Никифоров⁹. Иначе толковал эти глагольные формы Ф. Ф. Фортунатов, который утверждал, что «нет основания видеть здесь имперфективное значение»¹⁰. Это мнение разделяют А. Мазон и Р. Ружичка, усматривая в подобных случаях «перфективный презент»¹¹. Значение совершенного вида в рассматриваемых глаголах находит и Л. А. Булаховский¹².

В споре вокруг древнерусских форм *етецеть* и *потечеть*, непосредственно связанном с общей проблематикой славянского вида, ценные сведения может дать сербскохорватский язык, в древних текстах которого отмечено употребление глагольной формы 3-го лица ед. числа наст. времени *потече*, полностью совпадающее с употреблением соответствующей древнерусской формы. Ср. др.-серб. «Вода, која из Блатьца потече. Деч. хрис. 11. Како потече бара изь Дрима. 58»¹³. В современном сербскохорватском языке имеется целый ряд парных образований от глагола *тећи*:

соверш. вид — *дотећи*, *дотечем*; *истећи*, *истечем*; *натећи*, *натечем*; *потећи*, *потечем*; несоверш. вид с рефлексом *ѣ* (удлиненный вид корня) — *дотјецати*, *дотјечем*; *истјецати*, *истјечем*; *натјецати*, *натјечем*; *потјецати*, *потјечем* и т. п.¹⁴

Эти формы характерны для екавских говоров. В сербских екавских говорах и в литературном языке подобные глаголы несовершенного вида выступают также с *и* в основе, которое свойственно и некоторым другим производным глаголам (ср. ст.-слав., др.-руск. и др.-серб. *нарицати*/*нарешти*, ст.-слав. *съжизати*/*съжешти*, серб. *сажизати*, русск. *сжигать*): *потећи*, *потечем* — *потиицати*, *потичем*; *истећи*, *истечем* — *истицати*, *истичем*; *протећи*, *протечем* — *протиицати*, *протичем*; *оптећи*, *оптечем* — *оптиицати*, *оптичем*¹⁵ и т. п.

Возможно, что в распространении форм с *и* сыграл роль тот факт, что в говорах с *е* на месте *ѣ* должны были сблизиться формы настоящего времени глаголов совершенного и несовершенного вида типа *потече* (от *потећи*) и *потѣче* (от *потѣцати*). Единственным средством различения ос-

⁶ Г. К. У л ь я н о в, указ. соч., ч. II, 1895, стр. 145.

⁷ Т. П. Л о м т е в, Несколько замечаний к составу видовой дифференциации основ настоящего времени в древнерусском языке, «Уч. зап. [МГУ]», 128. Труды кафедры русск. языка, 1, 1948, стр. 86; см. е г о ж е, О возникновении и развитии парной корреляции внутри одного глагола по категории совершенного и несовершенного вида в русском языке, «Сб. статей по языкознанию. Проф. Московского ун-та акад. В. В. Виноградову», [М.], 1958, стр. 233.

⁸ П. С. К у з н е ц о в, Очерки исторической морфологии русского языка, М., 1959, стр. 185; см. е г о ж е, К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка, «Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», II, 1953, стр. 246—247 и 248—249, п е г о ж е, Историческая грамматика русского языка. Морфология, М., 1953, стр. 224—226.

⁹ Л. П. Я к у б и н с к и й, История древнерусского языка, М., 1953, стр. 238; С. Д. Н и к и ф о р о в, Глагол. Его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в., М., 1952, стр. 41.

¹⁰ Ф. Ф. Ф о р т у н а т о в, Критический разбор сочинения Г. К. Ульянова..., СПб., 1897, стр. 112.

¹¹ А. М а з о н, Вид в славянских языках (Принципы и проблемы), М., 1958, стр. 44; см. также: А. М а з о н, *Emplois des aspects du verbe russe*, Paris, 1914, стр. 150—151; R. R u z i c k a, *Der Verbalaspekt in der altrussischen Nestorchronik*, Berlin, 1957, стр. 83.

¹² Л. А. Б у л а х о в с к и й, Курс русского литературного языка, II, 4-е изд., Киев, 1953, стр. 304, примеч. 1.

¹³ См. «Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika», XI, Zagreb, 1935, стр. 115.

¹⁴ См. Ф. І в е к о в и ć і І. В г о з, *Rječnik hrvatskoga jezika*, I—II, Zagreb, 1901.

¹⁵ См. Л. Б а к о т и ћ, *Речник српскохрватског књижевног језика*, Београд, 1936.

тавалось ударение, которое во всегда надежно служит для этой цели (так, в современном сербскохорватском языке глагол *razgledati* «осматривать», отличающийся от парного глагола совершенного вида только ударением, все чаще заменяется глаголом *razgledavati*). В таких условиях глаголы с *и* в корне, возникшие, видимо, давно, имели большое преимущество перед глаголами с *е* (*ѣ*) и получили широкое распространение. Однако и формы с *е* не исчезли совсем на экавской территории. В «Словаре косовско-метохийского диалекта» Г. Элезовича¹⁶ указан глагол *otěcat*, *отецам*.

Обратимся к фактам древнесербского языка¹⁷. Глагол *тећи* и его производные часто употребляются в грамотах при описании границ земельных владений. Приставочные образования могут иметь в корне и *е* и *ѣ*: а) «а мега имь: оу *кквьць*, грѣко оу рожьде, оу братьк-вьщидоу, како рѣка бѣльча потече оу пеньскыи стоуденьдъ» (Хил., 1276—1281, 389); «а вода, кою изъ Блатьца потече, да имь кѣсть на полии» (М., 1330, 93); «а Рогатьдоу мегю сь Прѣкимь Лоугомь подь Саковьць, и како Трететникъ потѣче изъ Прѣкога Лоуга, и пристаю оу Стльпъчанидоу...» (М., 1330, 93); «а вода кою изъ блат'ца потѣче да имь кѣсть на поли» (Деч. хрис., 78); б) «по дѣлоу како рыбникъ истече ис' планине» (Деч. хрис., 48); «и како нерѣда истѣче подь брьдомь» (Деч. хрис., 121); «а мегю моу ѿ югледнице, како истѣче югледница» (Гласник, 274); «и мега, гдѣ истече блато изъ Мораве и упада у Мораву» (М., 1381, 198); в) «И да кралевство ми цркви кпискоупии липлянскои рыбнике все ѿдъ извода родимьского дори, како оутече оу Ситнидоу» (М., 1322, 563); «како исходи потокъ ѿт хтѣтовщице и гдѣ оутѣче оу великоу» (Хил., 1337—1346, 465). Примеры с *и* в корне: «мегю моу како оутиче Рыбник у Дрин... и како утиче Любижна оу Дринь...» (М., 1293—1302, 61); «юко оутиче оу великоу» (Хил., 1337—1346, 465); г) «и що затече рыб'ница до алтиньскихъ мегьь како пристаю кбланица оу рыбнидоу» (Деч. хрис., 54); «що затѣче рыбница како пристаю врѣло оу рыбнидоу» (Деч. хрис., 126).

Рассмотренные примеры показывают, что в восточносербских говорах некогда были широко распространены парные образования несовершенного вида с *ѣ* в корне к перфективным глаголам *потечи*, *истечи* и под. В словаре Д. Даничића¹⁸ приводятся глаголы *истеити* — *истѣцати*; *потешти*, *потечи* — *потѣцати*; *обътеити* — *обътѣцати* и т. п. То обстоятельство, что у имперфективных глаголов с *ѣ* в корне зачастую выступает *е*, объясняется ранним смещением звучания *ѣ* и *е* в восточносербских говорах. Случай неразличения *ѣ* и *е* отмечены уже в Мировславовом и Вукановом евангелиях (XII — начало XIII в.). Формы типа *потече* при таких условиях следует рассматривать как относящиеся не к инфинитиву *потечи*, а к инфинитиву *потецати* (*potjećati*).

Анализ употребления приставочных образований от глагола *тећи* в древнесербском языке наводит на мысль, что история приставочных глаголов с корнем *-тек-* в русском языке могла быть более сложной, чем это представляется при сопоставлении типа *потечеть* — *потечь*. Можно полагать, что в русском языке некогда существовали видовые пары *потечи*, *потечеть* — *потѣкати* (или *потѣцати*), *потѣчень*, *вътечи*,

¹⁶ См. Г. л. Е л е з о в и ч, Речник косовско-метохийског диалекта, II, Београд, 1935.

¹⁷ Материал приводится по следующим изданиям: F. M i k l o s i c h, Monumenta serbica, Vienna, 1858 (далее М.); М. С. М и л о ј е в и ч, Дечанске хрисовуље, Београд, 1880 (далее Деч. хрис.); «Actes de Chilandar», в кн.: «Византийский восточник. Приложение к XIX т.», Пг., 1915 (далее Хил.); «Хрисовуља цара Стефана Душана», в кн.: «Гласник друштва србске словесности», XV, Београд, 1862 (далее Гласник).

¹⁸ Г. Д а н и ч и ч, Речник из књижевних старина српских, Београд, I—1863, стр. 423 и 425, II—1863, стр. 194, 394, 399,

вѣтечеть — *вѣтѣкати* (или *вѣтѣцати*), *вѣтѣчеть*. В этом случае современному русскому глаголу *втекать*, *втекает* предшествует форма *вѣтѣчеть*, следы которой сохранились в летописном *втечь* (*потечеть*).

Такому объяснению противоречит, на первый взгляд, одно важное обстоятельство. Формы *потечеть* и *втечеть* последовательно писались с *е* в корне, где, по нашему предположению, должен был выступать *ѣ*. Однако здесь следует обратить внимание на тот факт, что старые глагольные чередования *ѣ:і*, *ѣ:у*, *о:а*, *е:ѣ* в русском языке под воздействием фонетических изменений и аналогических выравниваний рано подверглись разрушению. Тип образования глаголов несовершенного вида на *-а-* с удлинением корневого гласного был непродуктивным уже в ранний письменный период древнерусского языка. С утратой редуцированных в слабой позиции исчезла оппозиция *ѣ:у*, *ѣ:і*. Были нарушены и противопоставления *о:а*, *е:ѣ*¹⁹. Выравнивание по основам с *о* и *е* началось еще в то время, когда не было аканья и во многих говорах сохранялось особое произношение *ѣ*²⁰.

Известны многочисленные примеры из древнерусских памятников, начиная с Русской Правды (список 1282 г.²¹), показывающие безразличную мену гласных обеих ступеней чередования в инфинитивах типа *помогати/помагати*. Можно сослаться хотя бы на следующие словарные статьи в словаре Срезневского: *помагати* — *помогати*, *прашати* — *прошати*, *перемагатися* — *перемогатися*, *рождати* — *рождати*, *съматрѣти* — *съмотрѣти*, *сѣтворѣти* — *сѣтворѣти* и др. Можно назвать еще глаголы *узнѣтати* — *узнѣтати*, *погрѣбати* — *погрѣбати*, *нарѣкати* — *нарѣкати*, *сѣплѣтати* — *сѣплѣтати*. Глаголы с корнем *-тек-*, имеющие спряжение на *-аю/-ае-*, также встречаются в памятниках с *ѣ* и с *е* в корне. У Срезневского находим формы *притѣкающимъ* и *притекаю*, *притекающая*; *оутѣкаетъ*, *ростѣкаются*, *обитѣкати*.

Украинский язык хорошо сохраняет рефлекс *ѣ* в глаголах несовершенного вида: *зарікати*, *нарікати*, *заплітати*, *літати*, *налігати* (наряду с *налягати*), *загрібати* и т. п. В словаре Б. Д. Гринченко есть следующие глаголы: *затекти*, *течу* — *затікати*, *-каю*; *надтекти* — *надтікати*; *натекти* — *натікати*; *обтекти* — *обтікати*; *потекти* — *потікати* («течь»); *протекти* — *протікати*; *стекти* — *стікати*; *утекти* — *утікати* (1 «убегать», 2 «втекать»).

Таким образом, история русских глагольных чередований позволяет предположить, что корневое *е* форм *втечеть* и *потечеть* представляет собой замену прежнего *ѣ*. Если принять это предположение, то: 1) спорные формы древнерусских памятников *потечеть* и *втечеть* можно считать настоящим временем глаголов *потѣкати* и *вѣтѣкати*. Генетически они непосредственно предшествуют современным формам: русск. диал. *потекает* укр. *потікає*, русск. *втекает*. Такое объяснение снимает необходимость особого толкования известных мест русских летописей; 2) производные приставочные глаголы несовершенного вида с суффиксом *-а-* имели в древних славянских диалектах и языках основы настоящего времени на *-аю/-ае-* и *-ю/-је-*. Второй вариант характерен для сербскохорватского языка. Основы на *-ю/-је-* были свойственны и древнерусскому языку на раннем этапе его истории. Это еще раз показывает, что инославянские языки дают важный дополнительный материал для изучения истории русского языка.

¹⁹ Ср. С. П. Обнорский, Очерки по морфологии русского глагола, стр. 52.

²⁰ Ср. П. С. Кузнецов, О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке, ИАН ОЛЯ, 1952, 1, стр. 74.

²¹ См. Е. Ф. Карский, Русская Правда по древнейшему списку, Л., 1930, стр. 28.

В. МОТШ

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ МЕЖДУ УСТНЫМ И ПИСЬМЕННЫМ ЯЗЫКОМ

0. Предварительные замечания

При попытке определить естественный язык мы неизбежно сталкиваемся с проблемой соотношения между устным и письменным языком. В литературе указывались различные возможности решения этого вопроса. Большинство лингвистов исходит из положения о генетической первичности (примарности) устного языка и в связи с этим считает, что письменный язык является вторичным (*sekundär*) и неполным по сравнению с устным. Ф. де Соссюр, исходя из указанного тезиса, следующим образом формулирует задачу лингвистики: «Когда дело касается живого языка, единственно рациональным методом является, во-первых, установление системы звуков, как она выявляется непосредственным наблюдением; во-вторых, сопоставление ее с системой знаков, служащих для изображения (хотя и неточного) звуков»¹. Из того факта, что мы познаем родной язык сначала в устной, а лишь затем в письменной форме, вовсе не следует, что письменный язык является вторичным и «неполным». Но независимо от этого при функциональном рассмотрении различных систем выражения мы приходим к выводам, которые никак не подтверждают указанную концепцию.

В настоящей статье делается попытка внести некоторую ясность в проблему соотношения устного и письменного языка, а также сопоставить различные возможности решения этой проблемы. Для того чтобы ясно сформулировать существо вопроса, мы исходим из грамматической модели, в которой выявлено место фонемной (соответственно — графемной) системы. Ввиду того, что здесь речь будет идти только о принципиальных положениях, достаточно ограничиться фонемной и графемной системами.

I. Грамматика как определение естественного языка

1.1. О п р е д е л е н и е (1): под языком мы будем понимать множество предложений (количественное ограничение этого множества не является обязательным), обнаруживающих определенные структурные свойства. Согласно этому определению, при описании языка мы имеем дело с ограниченным или неограниченным списком всех структур, которые можно признать предложениями данного языка. Список является ограниченным в том случае, когда речь идет о мертвом языке, а неограниченным тогда, когда перед нами живой язык. Такое определение языка во многом соответствует интуитивному решению проблемы, которым мы пользуемся при недостаточном знании структурных свойств предложений. Остается указать на то, что «множество предложений» не следует смешивать с понятием «множество текста», ибо в связи с определением языка расположение (порядок) предложений в текстах не является релевантным. Определение (1) обнаруживает существенные недостатки: а) оно содержит неопределяемые элементы (*Indefinable*) — «предложение» и «структурные свойства», которые сами нуждаются в объяснении; кроме

¹ См. Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 55.

того, б) оно практически неприменимо к живым языкам, так как оно применимо лишь к ограниченному множеству предложений. Дело в том, что в каждом конкретном случае можно перечислить ограниченное множество предложений, в то время как список их потенциально неограничен.

Более строгим определением естественного языка, преодолевающим указанные недостатки определения (1), можно считать грамматику естественных языков.

О п р е д е л е н и е (2): под г р а м м а т и к о й мы понимаем ограниченное множество правил, которые обеспечивают построение всех возможных предложений (т. е. неограниченного множества предложений).

Таким образом, на основе грамматики можно определить «неопределяемые элементы» определения (1). Поэтому грамматика обладает большей экспликативной (объяснительной) силой по сравнению с определением (1). Определение (2) в то же время можно считать более точным определением естественного языка. С точки зрения семиотики грамматика соответствует «синтаксису»². Она является высшей ступенью абстракции от наблюдаемых фактов. Хотя полное описание языка достигается лишь при учете семантического и прагматического уровней, тот факт, что семантика и прагматика предполагают синтаксис, дает нам право считать грамматику определением естественного языка в том смысле, что именно грамматика ограничивает один естественный язык от других естественных языков.

1.2. Подсистемы грамматики

Граматику можно изобразить в виде модели, которая дает связное объяснение нашим интуитивным, полученным на основе опыта, представлениям об определенных процессах, происходящих при образовании предложений. Подобная модель, по своей внутренней структуре основанная на логико-математических законах, должна строиться таким образом, чтобы она могла дать объяснение всем подлежащим наблюдению фактам, т. е. предложения, которые могут быть построены при помощи этой модели, должны соответствовать подлежащим наблюдению предложениям соответствующего естественного языка (в той мере, в какой последние являются грамматически правильными). Из указанного ограничения следует, что любая грамматика имеет и нормативный аспект.

Попытки построить модель, отвечающую указанным требованиям, показывают, что эта модель должна по меньшей мере содержать три компонента³: 1) множество правил над алфавитом, символы которого могут быть частично интерпретированы семантически. В связи с тем, что отмеченное подмножество символов этого алфавита состоит из «морфем», вводится обозначение «морфемный компонент грамматики»; 2) множество правил над алфавитом, символы которого могут быть интерпретированы акустически, графически или при помощи любой другой субстанции. Множество таких правил мы называем «системой выражения»; причем в зависимости от субстанции, относительно которой интерпретируются его символы, данное множество правил будет называться «фонемный компонент» или «гра-

² Ср. в связи с этим: R. S a r n a p, Introduction to semantics, Cambridge (Mass.), 1959, стр. 5—21. Соотношение лингвистики и семиотики было исследовано в работе: С. К. Ш а у м я н, Лингвистические проблемы кибернетики и структурная лингвистика, «Вопросы философии», 1960, 9.

³ Следует указать в этой связи на известные работы Н. Хомского. Грамматической моделью, основанной на подобных же теоретических предпосылках, занимается специальная научная группа под руководством С. К. Шаумяна (Москва), а также группа под руководством А. В. Исаченко (Берлин). Теоретические выводы и программа последней из указанных групп, в которой сотрудничает и автор настоящей статьи, публикуются в «Studia grammatica», I (Berlin, 1962).

фонемный компонент грамматики»; 3) множество правил, которые предусматривают репрезентацию выражений морфемного компонента выражениями фонемного (соответственно — графемного) компонента (или соответствующих видов системы выражения).

Принимается, что морфемный компонент языка является константным. С другой стороны, из эмпирических фактов вытекает, что система выражения является переменной величиной, постоянными величинами которой являются, например, фонемный или графемный компоненты.

Если рассматривать грамматику как определение естественного языка, то открываются следующие две возможности: 1) либо система выражения вводится как переменная, 2) либо система выражения вводится как константа. В первом случае устный и соответствующий письменный язык можно определить как один и тот же язык; во втором случае необходимо признать существование двух языков, если одна система не может быть выведена из другой как вторичная. Ниже мы попытаемся показать, что зависимость одной системы от другой не может быть доказана в чисто функциональной плоскости, т. е. на основе сравнения этих систем. В связи с этим мы остановимся на генетической (соответственно — психологической) аргументации в пользу тезиса о зависимости данных систем.

II. Сравнение фонемной и графемной систем

2.1. Концепция Л. Ельмслева

Вопрос о том, является ли устный и письменный язык двумя отдельными языками, Л. Ельмслев в некоторых своих работах считает возможным решить путем исключения «субстанции»: «французское *r* определяется, таким образом, как оппозитивная, релятивная и негативная сущность; данное определение не сообщает ему абсолютно никакого позитивного качества. Из определения следует лишь, что *r* реализуемо, но отнюдь не реализовано. При этом допускается любая его манифестация: независимо от того, реализуется ли *r* в звуковой или графической оболочке, в определении этого элемента не вносятся никаких изменений... Как и другие элементы, определенные аналогичным образом, французское *r* входит в состав французского языка, рассматриваемого как схема, и, с этой точки зрения, остается идентичным самому себе...»⁴. В другом месте читаем: «устный и письменный датский язык... во всех указанных случаях в принципе является одним и тем же языком... Единицы, из которых он состоит, в первом и во втором случаях различны, но основной костяк отношений между этими единицами остается одним и тем же»⁵.

Если судить по приведенным цитатам, Л. Ельмслев исходит из одной системы выражения. Это, однако, противоречит эмпирическим фактам. В «Omkring sprogteoriens grundlæggelse»⁶ Л. Ельмслев допускает возможность существования нескольких систем выражения, что никак не согласуется с его указанными выше высказываниями. Путем исключения «субстанции», в которой манифестируются символы системы, нельзя уклониться от постановки указанных выше проблем, ибо этот вопрос не является релевантным в охарактеризованном нами контексте. В приведенной выше грамматической модели учитывается только формальная сторона.

Тот факт, что фонемная система того или иного языка в большинстве

⁴ См. L. Hjelmslev, *Langue et parole*, «Cahiers F. de Saussure», 2, Genève, 1942, стр. 34.

⁵ См. L. Hjelmslev, *Structural analysis of language*, «Studia linguistica», I, 2, Lund — Copenhagen, 1947, стр. 70.

⁶ L. Hjelmslev, *Omkring sprogteoriens grundlæggelse*, København, 1943, стр. 92.

случаев более или менее отклоняется от графемной системы и поэтому не может рассматриваться как синтаксически эквивалентная, подтверждается как раз исследованиями приверженцев глоссематики⁷. Х. Спанг-Хансен (как и его предшественник в этом отношении Х. Й. Ульдалль) предполагает существование различных систем выражения и рассуждает следующим образом: «Поскольку принципы анализа и описание схемы не зависят от субстанции..., письменные тексты можно и следует анализировать тем же путем, что и устные»⁸. В этой цитате соотношение между фонемными и графемными компонентами грамматики языка затрагивается лишь косвенно. Требование описывать письменные тексты на основе тех же принципов, что и устные, однако, предполагает, что между указанными формами системы выражения не принимается отношение подчинения.

2.2. Различия между фонемной и графемной системами

По имеющимся до сих пор данным, нет ни одного языка, в котором бы наблюдалось точное соответствие фонемного и графемного компонентов. Тот случай, когда мы имеем дело с «фонетической транскрипцией», не имеет никакого отношения к рассматриваемым вопросам, ибо такая транскрипция является однозначным изображением символов фонемного компонента при помощи графических символов, что, однако, не ведет к изменению правил. Таким образом, в указанном случае мы имеем дело только с различиями субстанции, но не с различиями в синтаксическом уровне. Графемный компонент языка, о котором здесь идет речь, является, напротив, абстракцией письменных текстов в той форме, в какой эти тексты встречаются в письменном общении. Особенностью графемного компонента является то, что он образует самостоятельную систему наряду с фонемным компонентом. Даже в финском, который обычно приводится как пример языка, где обе системы выражения в большой мере идентичны, необходимо признать существование двух различных друг от друга систем⁹. Различия в основном заключаются в том, что количество инвариантов обеих систем выражения не совпадает. Чтобы доказать неполноту графемной системы, необходимо было бы показать, что следующие положения являются истинными: 1) каждой фонеме могут соответствовать одна или несколько графем; однако имеются графемы, которым соответствуют несколько фонем (т. е. число графем оказывается недостаточным). Например, в немецком языке графеме (i) соответствуют фонемы /i/ и /i:/¹⁰; 2) для передачи фонемы необходима последовательность графем; ср., например, /i:/ и (ie) в нем. *Liebe*; 3) имеются фонемы, которые нельзя изобразить графически: определенные супrasegmentные фонемы невозможно передать графическими единицами традиционной орфографии (stfd в датском).

Можно привести примеры, показывающие, что эти условия выполняются во многих языках. Однако можно показать также, что для многих языков истинными являются обратные положения: 1) каждой графеме может соответствовать одна фонема; но имеются фонемы, которым соответствуют несколько графем. Приведем пример, иллюстрирующий вторую часть этого положения: фонема /i:/ может соответствовать графемам (i) в нем. *Widerspruch* и (ie) в нем. *Wiederkehr*. Отсюда следует, что приве-

⁷ Следует указать работы: P. D i d e r i c h s e n, Bidrag til en analyse af det danske skriftsprogs struktur, København, 1953; H. S p a n g - H a n s s e n, Probability and structural classification in language description, Copenhagen, 1959.

⁸ H. S p a n g - H a n s s e n, Glossematics, сб. «Trends of European and American linguistics», 1961, стр. 147.

⁹ T. h. A. S e b e o k, Phonemics and orthography in Finnish, «Acta linguistica», IV, 3, Copenhagen, 1944.

¹⁰ Графемы обозначаются в настоящей статье знаком (), а фонемы / /.

денное выше положение (4) не относится к немецким фонемной и графемной системам; дело в том, что в равной мере имеются графемы, которые могут соответствовать нескольким фонемам, и фонемы, которые могут соответствовать нескольким графемам; 2) для передачи графемы необходима последовательность фонем: так, (х) в немецком языке изображает последовательность /k + s/; 3) имеются графемы, которым не соответствуют никакие фонемы; ср., например, заглавные буквы в немецком языке.

Если исходить из приведенных выше примеров «неполноты», то можно с полным правом утверждать, что фонемная система также является неполной передачей графемной системы. Принципиальное значение имеют различия в отношениях между графемами (и соответственно между фонемами). Например, в немецком языке графемы (b), (d), (g), в противоположность фонемам /b/, /d/, /g/, могут стоять в конечной позиции в слове.

III. Несинтаксическая аргументация

3.1. Одной из наиболее распространенных концепций является следующая: устный язык генетически предшествует письменному, т. е. ребенок усваивает сначала устный язык и лишь затем письменный. Отсюда делается вывод, что графемный компонент может быть лишь неполной передачей фонемного компонента и что он, следовательно, должен описываться на основе фонемного компонента. Эту точку зрения высказывает, например, Г. А. Глисон, который, говоря о двух различных системах, тем не менее выдвигает требование о том, чтобы графемный компонент описывался в зависимости от фонемного: «Письменный язык, как правило, представляет собой ограниченное в своих возможностях отражение звукового языка. Он дает лишь неполное и несовершенное представление о реальной речи. Чтобы понять структуру письменного языка, надо постоянно обращаться к сравнению его со звуковым языком или строить догадки»¹¹.

О несостоятельности этой концепции Глисона говорит тот факт, что графемный компонент грамматики того или иного языка может в значительной мере отклоняться от соответствующего фонемного компонента. Это относится как к алфавиту, так и к правилам, что становится вполне очевидным при сравнении фонемного компонента грамматики с графемным, описываемым на основе тех же принципов¹². Если исходить из чисто дескриптивной точки зрения, то нельзя признать правомерным тезис, согласно которому графемный компонент сам по себе является незаключенным и неполным, ибо он не является точным отражением фонемного компонента. Указанный тезис должен опираться на факты генетического характера («устный язык предшествует письменному»). Вряд ли можно возражать против этого положения, взятого в отдельности; из него, однако, не следует, что графемный компонент должен описываться только в терминах фонемного, но не наоборот.

3.2. Подобно тому как сравнение обеих форм системы выражения не может подтвердить тезиса, согласно которому графемная система является вторичной и в функциональном плане, трудно привести психологические доводы «естественности» устного языка. Для этого надо было бы убедительно показать, что существует психо-физиологическая необходимость рассматривать звуковую систему как примарную. О том, что такой необходимости не существует, свидетельствует способность слепых глухонемых читать, основанная целиком на чувстве осязания и не имеющая никакого отношения к деятельности звуко-слуховой области мозга. Кроме того,

¹¹ См. Г. Глисон, Введение в дескриптивную лингвистику, М., 1959, стр. 42; 411 и сл., 418 и сл.

¹² Ср. в этой связи работу Т. М. Николаевой «Письменная речь и специфика ее изучения» (ВЯ, 1961, 3).

необходимо было бы доказать, что у нормальных людей «внутреннее озвучение» является предпосылкой для понимания письменного языка. Однако в связи с тем, что имеются знаки не языкового, а чисто визуального (зрительного) характера (например, знаки уличного движения), можно утверждать, что и языковые знаки в графическом изображении не обязательно должны быть зависимыми от соответствующих звуко-слуховых знаков языка. Д. Л. Болинджер, исходя из указанного положения, различает три типа «визуальных знаков»: 1) знаки, которые обычно не зависят от звуко-слуховых знаков (красный цвет в пожарном деле, изображение черепа на бутылках с ядом); 2) знаки, которые дополняют «звуко-слуховые морфемы» (жестикаляция); 3) знаки, которые при определенных условиях (чтение про себя) вытесняют «звуко-слуховые морфемы»¹³. В качестве этого последнего случая можно указать на то, что иностранный язык можно изучить только на основе письменных текстов. Таким образом, нет никаких оснований для того, чтобы непременно считать письменный язык зависимым от устного в психофизическом плане. В связи с этим целесообразно признание двух взаимно инконгруэнтных (хотя и самостоятельно описываемых в каждом случае) форм системы выражения.

IV. Выводы

Ни генетические, ни психологические доводы не могут подтвердить тезиса о том, что графемный компонент грамматики языка должен описываться как зависимый от фонемного компонента этого языка. Доводы генетического характера в принципе доказывают лишь известное положение о том, что при усвоении родного языка устный язык предшествует письменному. Из этого факта, однако, нельзя заключать, что графемный компонент по сравнению с фонемным является вторичным и неполным. Со структурной точки зрения, как фонемный, так и графемный компоненты грамматики естественного языка следует описывать в отдельности. Исходя из этого, можно провести типологическое сравнение. Возможны следующие результаты: 1) обе формы системы выражения являются взаимноинконгруэнтными; 2) одна система может оказаться более емкой, чем другая, и, как крайний случай, 3) обе системы в синтаксическом плане оказываются эквивалентными. Поскольку данная проблема затрагивает определение естественного языка, возможны следующие два решения:

1. Систему выражения в рамках грамматики языка можно рассматривать как переменную, причем устная и письменная формы являются вариантами этого языка. Такое решение вопроса предлагает Х. Й. Ульдалль, который говорит о сосуществующих, равноправных, взаимноинконгруэнтных системах выражения. Тот факт, что мы можем все же говорить об одном языке, объясняется тем, что морфемный компонент грамматики признается константным: «Когда мы утверждаем, что орфография и произношение являются выражениями одного и того же языка, мы имеем в виду просто то, что орфографические единицы и единицы произношения соответствуют или, лучше, являются функциями одних и тех же единиц содержания... Если единицы содержания останутся константными, то мы будем иметь дело с одним и тем же языком, независимо от того, какая система используется для образования соответствующих единиц выражения» (H. J. Uldall; *Speech and writing*, «Acta linguistica», IV, 1, стр. 15).

2. Можно включить в грамматику либо фонемный, либо графемный компонент, исключая, таким образом, одну из переменных систем выражения. Такое решение вопроса означало бы, что письменный и устный язык следует рассматривать как два языка.

Перевел с немецкого М. М. Маковский

¹³ См. D. L. Bolinger, *Visual morphemes*, «Language», XXII, 4, 1946.

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО НАСЛЕДСТВА Е. Д. ПОЛИВАНОВА

Выдающийся советский лингвист Евгений Дмитриевич Поливанов (1890—1938) является одной из самых значительных фигур не только в истории советского (и мирового) востоковедения, но и в истории разработки основных проблем общей лингвистики. Будучи учеником И. А. Бодуэна де Куртене, Е. Д. Поливанов не только усвоил многое из того, что было перспективного в его общелингвистических взглядах, но и успешно развивал эти взгляды, создав, в частности, оригинальную, прощикнутую историко-материалистическим пониманием концепцию языковой эволюции¹.

К сожалению, личная судьба и научная биография Е. Д. Поливанова сложились так, что значительная часть написанного им не была по разным причинам опубликована при его жизни, а позднее разошлась по рукам или была утеряна. Многие из опубликованных работ представляют чрезвычайную библиографическую редкость, ибо существуют, по-видимому, в нескольких десятках экземпляров. Полного собрания работ Поливанова нет ни в одном книгохранилище Советского Союза. Поэтому Институт языкознания АН СССР предпринимает в настоящее время издание избранных трудов Е. Д. Поливанова по общему языкознанию, в которое будут включены как редкие работы, так и вновь найденные рукописи. К 1 ноября 1962 г. редколлегии этого издания были известны следующие неизданные рукописи Е. Д. Поливанова:

В архиве Института языкознания АН СССР (Москва)

1. «Словарь лингвистических терминов» (293 стр.). См. статью В. П. Григорьевой и его публикация фрагментов из этого «Словаря» — ВЯ, 1960, 4.
2. «О случаяя деграмматикализации» (2 стр.).

В архиве АН СССР (Ленинград)

1. «Мутационные изменения в звуковой системе языка» (1931, 36 стр.).
2. «Еще о критериях единого слова» (27 стр.). Обнаружена только вторая часть статьи — две тетради из восьми; местонахождение остальных шести неизвестно. По-видимому, это та самая статья «Еще о критериях самостоятельного слова», о которой упоминается в тексте «Словаря лингвистических терминов» (см. ВЯ, 1960, 4, стр. 112).
3. «И.-е. **sā-s* || др.-китайское **ɕu* 'свинья'» (1936, 9 стр.). Эта статья представляет собой развернутый вариант заметки «*A propos d'un mot indo-européen de provenance chinoise *(tsā-s < ancien chinois *ɕu 'cochon' (Archiv orientální, IX, 3, 1937, стр. 405—406).*
4. «К вопросу о происхождении среднеазиатско-еврейского языка» (1936, 57 стр.).

В архиве Института народов Азии АН СССР (Ленинград)

1. «Краткая характеристика ходженского говора таджикского языка» (1930, 10 стр.; стр. 11—17 — фольклорные тексты с переводом) (написана совместно с Б. В. Иогановым).

В архиве АН Кирг. ССР (Фрунзе)

1. «Главнейшие особенности дунганского языка» (252 стр.).
2. «Грамматика дунганского языка», ч. II (26 стр.). В этой рукописи рассматриваются только вопросы морфологии.
3. «Из работ дунганской диалектологической экспедиции НИИКЯП 1936 г.» (22 стр.).
4. «Очерк дунганской диалектологии» (64 стр.).
5. «Отражение имени *уйгур* в китайском и дунганском словаре» (3 стр.).
6. «Закон перехода количества в качество в процессах историко-фонетической эволюции» (28 стр.).
7. «Лингвистические мелочи» (18 стр.): а) «Дунганский суффикс множ. числа

¹ О лингвистических взглядах Е. Д. Поливанова см.: Вяч. Вс. Иванов, Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова, ВЯ, 1957, 3; А. А. Леонтьев, И. А. Бодуэн де Куртене и петербургская школа русской лингвистики, ВЯ, 1961, 4.

тис», б) «О приеме аллитерации в киргизской поэзии в связи с поэтической техникой и языковыми фактами других „алтайских“ народностей».

8. «Общелингвистический курс». Первая лекция (8 стр.), а также ряд фрагментарных записей по киргизскому и дунганскому языкам.

Чехословацкая Академия наук прислала в наше распоряжение микрофильмы хранящихся в ее архиве рукописей Е. Д. Поливанова. Наиболее интересные следующие из этих рукописей:

1. «Русский литературный язык в революционную эпоху» (58 стр., не считая отдельных записей, связанных по теме с данной работой).

2. «По поводу эмбриональных явлений сингармонистического характера в айском языке» (10 стр.).

3. «Историческая мотивировка своеобразной акцентуации эрзя-мордовского языка» (5 стр.).

4. «Две главы из систематической описательной грамматики эрзя-мордовского языка» (написана совместно с А. П. Рябовым).

5. «Краткая фонетика японского языка» (имеется ряд вариантов, а также много комментированных текстов на различных диалектах с переводом).

6. «Перечень согласных фонем ганджинского говора азербайджанского языка» (14 стр.).

7. Рецензия на книгу: Р. Якобсон, К характеристике евразийского языкового союза.

8. «Субъективный характер восприятий звуков языка» (28 стр.).

9. Часть корректуры какой-то неопубликованной работы, где Е. Д. Поливанов высказывает свое отношение к яфетической теории (7 стр.).

Кроме того, имеется ряд работ и отдельных записей по узбекским диалектам с привлечением обширного материала других тюркских языков.

А. А. Холодович передал тетрадь с частью неизвестной работы Е. Д. Поливанова по исторической фонетике узбекского языка (на обложке написано: 3-я тетрадь); А. А. Коклянова познакомила нас с хранящимися у нее заметками Поливанова по вопросам латинизации письменностей народов СССР.

Удалось выявить целый ряд напечатанных работ Е. Д. Поливанова, не учтенных в списке, приложенном к статье Вяч. Вс. Иванова. Благодаря любезности Н. П. Архангельского (Ташкент) список трудов Е. Д. Поливанова пополнился следующими работами:

1. «Катюша Маслова в Японии», «Искусство и жизнь», Ташкент, 1922, 1, стр. 8—12.

2. «Очерки по истории Ташкента», «Бюлл. Ташкентского Новгородского ин-та», 1925, 1, 2—3.

3. «О происхождении названия Ташкента», сб. «В. В. Бартольд туркестанские друзья, ученики и почитатели», Ташкент, 1927, стр. 395—400.

4. «Образчик самаркандско-таджикской речи», сб. «Научная мысль», 1, Самарканд — Ташкент, 1930, стр. 25—28.

5. «Говор кишлака Кыят-Конграт Шаватского района (в Хорезме)», «Сборник научных трудов [Узб. НИИ культурного строительства]», I, 2 («Труды лингвистич. сектора»), Ташкент, 1934, стр. 3—17.

6. «К этимологии турецкого *yı, ej* „дом, юрта“», там же, стр. 85—88.

7. «Манас», газ. «Литературная Киргизия», 16 II 1936.

Н. П. Архангельский сообщил также ценные сведения о литературной деятельности Е. Д. Поливанова, указав, в частности, на два его опубликованных перевода: Я. Шивазя, Судьба Мэй яп цзы. Перевели с дунганского Б. и Е. Поливановы, Ташкент, 1935; «Песня об убитых коммунистах», газ. «Литературная Киргизия», 16 II 1936.

В. Б. Шкловский сообщил о статье Е. Д. Поливанова «Гомер персидской литературы (Фирдауси как автор „Шах-намэ“», опубликованной в сб. «Революция и культура в Средней Азии», 1, Ташкент, 1934, стр. 96—105. Ф. Д. Ашнину удалось выявить три неизвестные печатные работы Е. Д. Поливанова:

1. «Понятие эволюции в языке», Ташкент, 1923, 58 + 59 + 62 стр. [на узб. языке].

2. «Экономические факторы в развитии языка», журн. «*Ələngə*», 1930, № 3, стр. 9—10, № 5—6, стр. 35—37 (написано совместно с К. Рамазановым) [на узб. языке].

3. Рецензия на книгу: G. J a g g i n g, Studien zu einer osttürkischen Lautlehre, «Соц. наука и техника», 1934, № 1—2, стр. 147—154.

Вяч. Вс. Иванов дополнил список трудов Поливанова следующими работами:

1. «Абхазская литература», «Лит. энциклопедия», I, [М.], 1929, стб. 16—18.

2. «Какое место займет востоковедение в социалистическом строительстве Союза ССР», «Восточная студия», Владивосток, № 13—16, 1925.

3. Рецензия на книгу: R. J a k o b s o n, Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves, «Slavia», XI, 1, 1932, стр. 141—146.

Таким образом, в настоящее время благодаря содействию научной общественно-

сти выявлен ряд неизвестных или забытых работ Е. Д. Поливанова². Множество вопросов, связанных с печатным и рукописным его наследием, остается, однако, все еще открытым. Важнейшими из них являются следующие:

1. По некоторым сведениям, в 1924—1925 гг. было опубликовано первое издание книги «За марксистское языкознание». Это издание еще не разыскано.

2. В статье «Общий фонетический принцип всякой поэтической техники» имеется ссылка на второй том «Введения в языкознание для востоковедных вузов» с указанием страницы. Ничего определенного об этом томе неизвестно.

3. Предполагается, что в 1931—1937 гг. у Поливанова был ряд публикаций в заграничных изданиях (Австрия, Англия и др.). До сих пор известны лишь публикации в чехословацких журналах.

Редколлегия «Избранных работ по общему языкознанию» и редакция «Вопросов языкознания» обращаются ко всем, кто может сообщить что-либо о неизвестных до настоящего времени рукописных или печатных работах Е. Д. Поливанова, с просьбой написать об этом в редакцию журнала «Вопросы языкознания».

Редколлегия «Избранных работ по общему языкознанию»

Работа Е. Д. Поливанова «Общий фонетический принцип всякой поэтической техники», относящаяся к январю 1930 г. и совершенно подготовленная им для печати публикуется нами впервые. Своевременному ее опубликованию помешала проводившаяся группой марристов во главе с В. Б. Аптекарем в 1929—1931 гг. шумная клеветническая кампания под лозунгом борьбы против «буржуазного индоевропеизма». Эта кампания коснулась, в частности, и Е. Д. Поливанова, который отважился публично выступить с объективным анализом научной ценности «нового учения о языке» Н. Я. Марра. В результате этой неравной борьбы в 1930 г. из ряда издательств и журналов были изъяты печатавшиеся работы Поливанова, набор — рассыпан, а сам Поливанов после еще одной попытки противостоять напору марризма (книга «За марксистское языкознание», М., 1931) подвергся «чистке» и вынужден был уехать в Среднюю Азию, где вскоре и погиб. По всей вероятности, настоящая рукопись принадлежит к числу работ, изъятых в 1930 г. После отъезда Е. Д. Поливанова в Ташкент она находилась у С. И. Бернштейна, который и передал ее нам для опубликования.

Интерес Е. Д. Поливанова к проблемам поэтики и теории поэтической речи был, по-видимому, усвоен им — как и Л. П. Якубинским — от их общего учителя И. А. Бодуна де Куртене. Поливанов наряду с Якубинским был одним из основателей и активных членов Общества по изучению поэтического языка (Опоэза): в 1916 г. в изданном этим обществом (тогда еще — просто кружком энтузиастов) первом выпуске «Сборников по теории поэтического языка» была напечатана его работа «По поводу „звуковых жестов“ японского языка», позднее переизданная в сборнике «Поэтика», [вып. 3] (Пг., 1919, стр. 27—36). Кстати, Е. Д. Поливанов готовил статью и для шестого выпуска «Сборников» («Революция и язык»), который готовился к печати в 1922 г.³, но так и не вышел в свет. Вероятно, эта статья легла в основу более поздней работы на аналогичную тему, хранящейся в архиве Чехословацкой Академии наук.

Из других работ Е. Д. Поливанова по вопросам поэтики и теории поэтической речи ср.: «Формальные типы японских загадок», «Сборник Музея антропологии и этнографии», V, 1, Пг., 1918; «О метрическом характере китайского стихосложения», «Докл. Росс. АН», [Серия] В, октябрь — декабрь, 1924; «Аллитерация», «Лит. энциклопедия», I. Осталась в рукописи заметка «О приеме аллитерации в киргизской поэзии в связи с поэтической техникой и языковыми фактами других „алтайских“ народностей»⁴.

Стихи, приводимые в тексте статьи без указания автора, но с обозначением года, принадлежат, по-видимому, самому Е. Д. Поливанову. Известны и другие его стихи⁵.

Статья печатается точно по рукописи без каких-либо изменений (в отдельных необходимых случаях они доуказались только в отношении пунктуации и орфографии — кроме стихотворного текста) или куню; комментарии к отдельным местам статьи даны в виде подстрочных примечаний, которые заключаются в угловые скобки.

А. А. Леонтьев (Москва)

² Приносим в этой связи искреннюю благодарность всем указанным лицам, а также М. Н. Кардашеву, Н. И. Коираду, В. В. Решетову, А. Е. Супруну, Ю. Яншианпу и всем, кто содействовал разысканию перечисленных работ.

³ См. Б. Эйхенбаум, Мелодика русского лирического стиха, Пб., 1922, стр. 4 обложки.

⁴ Отдельные мысли и замечания разбросаны и по другим работам Е. Д. Поливанова. См. об этом: Вяч. Вс. Иванов, Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова, стр. 64—65. По приведенному Ивановым сообщению В. Б. Шкловского, Поливанов предполагал создать «Свод поэтик», где «собирается сопоставить особенности строя отдельных языков мира с особенностями поэтики соответствующих литератур» (там же, стр. 65).

⁵ Приносим благодарность Н. П. Архангельскому, сообщившему нам некоторые из стихов Е. Д. Поливанова.

Е. Д. ПОЛИВАНОВ

ОБЩИЙ ФОНЕТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ВСЯКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

I

Начать необходимо с терминологических пояснений, в частности с определения того, что мы будем называть поэзией — в отличие от прозы. Критерий у нас здесь будет чисто формальный: к поэзии мы относим всякую пьесу, словесный материал которой обнаруживает организованность по тому или иному фонетическому (т. е. звуковому) моменту (помимо и независимо от своей смысловой организованности); прозой, — наоборот, все то, где эта фонетическая (звуковая) организованность отсутствует¹. Характер смыслового содержания пьесы при этом для нас безразличен.

Таким образом, к поэзии у нас отойдет и такая, например, пьеса:

Раз два три
Нос утри,

несмотря на всю ее смысловую бедность, — отойдет потому, что здесь мы видим р и ф м у — один из привычайших для нас приемов звуковой организации стиха.

К поэзии мы согласимся отнести и Гоголевское: «Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно...» и т. д., но — только потому, что здесь мы находим явные признаки звуковой организации: в частности (независимо от ритмического момента, о котором можно было бы говорить в свою очередь), «смежные» повторы согласных: напр.

д'н дн' (Чу)ден Дне(пр)
пр пр' (Дне)пр при
гд' (к)гд (по)годе (ко)гда
вл'н(п)лвн вольно и (п)лавно² и т. д.

Примечание. Значком ' отмечается «мягкость» (палатализация) согласного: д' = дь, н' = нь и т. д.

¹ <Ср. у В. Томашевского: «Основным признаком стихотворной речи является то, что звукоречь организуется по звуковому заданию. Выражаясь точнее: звуковое задание в стихах доминирует над смысловым» (см. его кн. «Русское стихосложение. Метрика», Пб., 1923, стр. 8). — А. Л.»

² В двух последних примерах («погоде когда, вольно и плавно») мы находим, правда, уже не тот элементарный вид «смежного двухслогового повтора», который мы констатируем в «Чуден Днепр» и «Днепр при» (или, хотя бы, например, у Маяковского: *кофта фата*), а несколько более сложные явления: корреспондирующие (т. е. участвующие в повторе) согласные разделены наличием одного постороннего согласного (к в первом из данных случаев, л во втором); наконец, в последнем примере группа из 3-х согласных повторяется уже в ином порядке («вольно и плавно»). Но все это второстепенные детали, несколько не меняющие значимости каждого из только что приведенных (4-х) примеров в качестве обнаружения фонетической организованности пьесы. Поскольку нам пришлось коснуться фонетического разбора «Чуден Днепр...», кстати обратим внимание еще на одно — нижеследующее обстоятельство: при произ-

Равным образом, поэзией с нашей точки зрения будут и речи Иоанна Златоуста — ибо в них мы находим фонетическую организованность по принципу т. н. «рифмы стоп», и древне-греческие стихи «Илиады» и «Одиссеи», лишённые рифмы, но зато сплошь от начала до конца построенные по метрическому принципу (принципу чередования долгих и кратких слогов), и, наконец, японские «*tanka*» и «*hokku*», в которых отсутствует и рифма и метрическая организованность, но зато налицо другой прием фонетической организации словесного материала — чисто силлабический принцип определения числа слогов в стихе (т. е. между цезурами).

Мы видим, таким образом, что, считая отличительным признаком поэзии наличие т о й и л и н о й фонетической организованности, мы никак не можем подменить это определение каким-либо одним определенным принципом этой организованности, т. е. не можем сказать, например, что поэзия — это всё то, где есть рифма, или что поэзия — это все те пьесы, которые обнаруживают правильное чередование ударенного и неударенного слогов (— тождественный принцип стихосложения и т. д.). Приемов фонетической организации поэзии, оказывается, существует много, и мы увидим, что в известной национальной поэзии известного периода излюбленным и канонизованным является один из этих приемов поэтической техники, а в поэзии другого народа или в другой историко-литературный период — наблюдаются уже иные приемы, т. е. своя специфическая поэтическая техника. К этому можно еще прибавить, что наряду с канонизованными (в данной национальной среде и в данный историко-литературный период) приемами поэтики, т. е. наряду с такими приемами, которые для данной поэтической техники неотъемлемы и обязательны для каждой поэтической пьесы данной среды и эпохи, могут быть обнаруживаемы еще совершенно иные по своей фонетической природе приемы, участвующие в организации словесного материала данных пьес лишь окказионально и необязательно: примером может служить, хотя бы, спорадическая рифма у Овидия (в метрических стихах, которые в виде общего правила обходятся без рифмы) или — другой пример — повтор звуко сочетаний *ин — ин'* у П. Орешина в стихах: «Я кинул отчий кров, И пусть засыплет *иней* Следы моих шагов».

Мы условимся называть подобные окказиональные (для данной поэтики) приемы факультативными приемами поэтики — в отличие от приемов канонизованных (к которым у Овидия принадлежит метрическое стихосложение).

II

Как уже было упомянуто, в нашем определении поэзии (— в отличие от прозы) совершенно не принимается в расчет характер смыслового содержания пьесы (т. е. в качестве критерия нам служат исключительно лишь формальные признаки). Но можно было бы сказать и более: для нашего определения поэзии (а следовательно, и для отнесения данной пьесы в разряд пьес *п о э т и ч е с к и х*) не важен не только характер, но не важно и

несении *с к о р о г о в о р к о й* *Д* и *р* слова *Днепр* пропускаются: выходит: «Чуд(е)непритих(а)й» и т. д., а следовательно, исчезают и имеющие поэтехническую установку «смежные повторы»: *д.н — дн, пр — пр(и)*. Но это только дает лишний раз подтверждение тому, что поэтическая организация речи рассчитывает не на скороговорку и что скороговорка, в свою очередь, не предназначается для чтения, имеющего в виду поэтические эмоции. Что же касается самого процесса ассимилятивного исчезновения *Д* в *дн*, *Дне* и *р* в *пр*, то он, с лингвистической точки зрения, оказывается вполне естественным и легко объяснимым явлением.

налице смыслового содержания в данной пьесе. Иначе говоря, могут быть отдельные поэтические пьесы и может быть поэзия без смыслового содержания. Мы не сомневаясь отнесем к поэзии, напр., следующие строки:

Мёдля дліт и гліт песок
 Замирающие звоны
 И растрёчатые тоны
 Глим-плим-бля́ бежит песок.
 Омелá у мелкой мели
 Что под мболом молоко
 Это море на свирели
 Разом дліт
 Пойт
 Бўлькая.

[1912 г.]

Или следующий припев из мордовской (эрзя-мордовской) народной поэзии³ — припев, в котором нет ни одного значащего слова:

	В фонетической транскрипции
я еѣх ваѣх ваеяень	ja jejox vajox vajajen'
ва еѣх ваѣх ваеяень	va jejox vajox vajajen'.

Правда, вполне чистая или идеальная «заумь» (какой является только что приведенный мордовский refrain) — явление весьма редкое и встречающееся почти исключительно лишь в виде припевов. Обычно же в «заумных» пьесах нашей искусственной русской поэзии мы находим все-таки хотя бы некоторый намек на смысловое содержание [пускай оно сводится не к переводимому на язык логики суждению, а просто лишь к ряду разрозненных (но все же смысловых, а не звуковых) представлений и ощущений]. Возьмем в качестве примера следующее четверостишие:

На прѣ-то про тѣ-то леглѣ-то
 То дѣвно леглѣ на леглѣви
 И страннѣо завѣтно мне ктѣ-то
 Про тѣ напевал из Галеви.

[1913 г.]

По численному соотношению между значащими и незначащими частями (отрезками) эта «заумь» могла бы быть названа уже «полу-заумью».

Тем не менее «заумь», как принцип, или как особый (самостоятельный) подвид поэтических пьес, существует и имеет все права на существование именно как наиболее чистый или наиболее поэтический (если исходить из вышесказанного нашего определения) вид поэзии: в «зауми» (по кр<айней> мере в «зауми» идеального типа — без значащих слов) вся творческая энергия автора и все внимание воспринимающего (чтеца или слушателя) направлены на формальную (— звуковую) сторону речи, т. е., как мы увидим ниже, — на игру тем или другим видом повторов, не отвлекаясь в сторону смысловых представлений. С этим вполне увязывается и то обстоятельство, что именно в «зауми», а также в том виде поэтических пьес (или фрагментов), в которых «заумь» наиболее свободно и наиболее часто фигурирует, — именно в refrain'ах — наблюдается наибольшая насыщенность повторами [т. е. элементами формальной (звуковой) организации стиха]. Для примера сошлемся, во-первых, на цитированный нами выше мордовский refrain (единственная тема которого,

³ <В дополнение к приводимому Е. Д. Поливановым мордовскому примеру можно указать на множество случаев «зауми» в русской народной загадке и русском детском фольклоре. Попытку теоретического анализа этих случаев см., например: М. А. Рыбникова, Загадочная поэзия, в ее кн.: «Загадки», М.—Л., [1932], стр. 65—66.—А. Л.>

как мы видим, сводится к сгущенному «переключению» звуков *j, v, x*), а, во-вторых, на refrain из французской искусственной поэзии: беру припев из песенки в «Notre-Dame de Paris» Виктора Гюго:

Grève, aboie, Grève, grouille,
File, o file, ma quenouille,
File sa corde au bourreau
Qui siffle dans le préau.

Разберем это последнее четверостишие (в фонетическом отношении). Для того, чтобы проанализировать «звуковую инструментовку» этого припева, необходимо изобразить это в фонетической (пофонемной) транскрипции⁴.

gré:v abwá gré:vœgrú:j(œ)
fíl ofíl makœnú:j(œ)
fíl(œ) sakʔrd oburó
kisíflœ dālœpreó.

Наличие двух пар смежных рифм [grú:j(œ) — kœnú:j(œ), oburo — greo] здесь, разумеется, оказывается каноническим (т. е. обязательным для каждого четверостишия данного жанра) и для нас ничего особо интересного не представляет: это общеобязательный *minimum* приема звуковых повторов, и ничего характерного именно для refrain'ного четверостишия мы в нем не находим. Зато невольно обращает на себя внимание богатство друг и х — неканонизованных приемов звукового повтора. Именно, сосредоточив наше внимание на согласных звуках, мы констатируем:

1) В первой строке мы имеем тройной (аллитерационного типа) повтор группы **gr**: gré:v abwa gré:vœ grú:j(œ). При этом в каждом из этих 3-х случаев группа **gr** находится в начале слова и перед ударенным гласным этого слова: обе эти особенности и являются именно типичными для того приема поэтической техники, который мы привыкли называть аллитерацией⁵. Наконец, если мы обратим внимание на то, что осталось в 1-ой строке за вычетом комплексов gr и конечного комплекса u:j(œ), как участвующего в рифмическом повторе, т. е. на комплексы é:v abwa — é:v, то здесь мы опять-таки найдем известный отбор согласных, именно одни лишь губные (и притом звонкие) согласные: v, b, а также w (в aboie), если только позволительно считать этот звук (именно во французском языке) согласным. Впрочем, на этом последнем моменте (— на отборе губных в é:v abwa — é:v) позволительно было бы и не останавливаться, во всяком случае ему нельзя придавать крупного значения.

2) Во второй строке [fíl ofíl(œ) makœnú:j(œ)] мы в свою очередь встречаем смежный повтор согласных fl (хотя и достигается он элементарным путем — повтором одного и того же слова⁶).

⁴ Чтобы избавиться от привходящего «случайного» элемента (не имеющего отношения к звуковому составу пьесы), каковым является французская орфография.

⁵ То обстоятельство, что в аллитерации участвуют начальные звуки слов (— в канонизованных типах аллитерации обычно — один начальный звук), является, конечно, общеизвестным; ср. пример из эстонской поэзии, где аллитерация — следуя традиции народной поэзии — в значительной мере играет роль канонизованного приема:

Keha küll kibruneb karedaks kooreks
Aga süda, süda jääb nooreks [Peeter Grünfeldt].

А о том, что в явлениях аллитерации играет роль место ударения (именно аллитерация фигурирует в качестве канонизованного приема в тех языках, где ударение бывает или может быть на первом слове), речь у нас будет идти ниже (см. гл. II).

⁶ Ниже мы увидим, что повтор тождественных по смыслу слов (и даже морфем) является дурным средством для достижения звукоповтора.

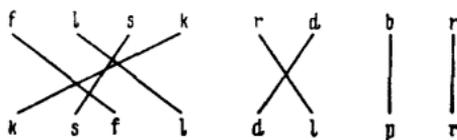
3) Но особенное внимание обращают на себя последние две строки рассматриваемого *reftain'a*, в которых мы, строго говоря, не найдем ни одного «лишнего», не участвующего в консонантическом повторе согласного звука. Если мы выпишем из строк

fíl(æ) sakórd uburó
kisíflæ dálæpreo

одни лишь согласные (опустив, следовательно, все гласные), мы получим следующий консонантический остов двустипия:

f l s k r d b r
k s f l d l p r

Во-первых, совпадает уже само число согласных (8 в каждом стихе). Попробуем же соединить прямыми линиями корреспондирующие (т. е. тождественные или — в крайнем случае — весьма близкие друг к другу) согласные в обеих строках. Получится:

Здесь «перекликаются» (или корреспондируют), как мы видим, все 8 пар согласных:

1) f — f	5) r — l
2) l — l	6) d — d
3) s — s	7) b — p
4) k — k	8) r — r

Из них пары 1, 2, 3, 4, 6 и 8 повторяют, следовательно, тождественные согласные [хотя, разумеется, и не в одинаковом их порядке — это, следовательно, — сложный повтор со смещением места (по порядку) у большинства звуков ⁷]. А две пары (5 и 7) будут содержать корреспонденции не тождественных, а близких друг к другу согласных: в 7-й паре корреспондируют *b* и *p*, т. е. два губных смычных, различающихся друг от друга только по звонкости (*b*) или глухости (*p*), т. е. два парных (по гортанной работе) смычных губных, — корреспонденция, весьма близкая к корреспонденции тождественных звуков. В 5-й же паре (*r—l*) мы видим обычную пару т. н. плавных (или сонантов), взаимное родство (или междуфонемическая близость) которых ⁸ засвидетельствовано целым рядом явлений,

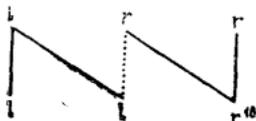
⁷ И по Бриковской системе (в сб-ке «Поэтика» — статья О. М. Брика) весь этот восьмизвучный повтор следует обозначить формулой D C A B F V G E (или — учитывая чередование *l* и *r* — D C A B F H G E).

⁸ Правда, по поводу допущения физиологической близости *r* и *l* может быть, пожалуй, высказано возражение именно с точки зрения фонетики французского языка: дело в том, что именно во французском — парижском произношении *r* является не переднеязычным (каковым, бесспорно, оказывается *l*), а, наоборот, увулярным (язычковым) (и притом не-дрожащим — в отличие от русского *p*) согласным, т. е. место образования (или активный орган) у парижского *r* оказывается иным, чем у *l*. Но большого значения этому придавать нельзя: во-первых, это далеко не обще-французское (а гл<авным> образом столичное — парижское) явление. Весьма вероятно, что и у Виктора Гюго *r* было переднеязычным звуком. Во-вторых, и это, пожалуй, самое важное — для междуфонемических ассоциаций (которые именно и нужно учитывать в вопросе о поэтехнических корреспонденциях не тождественных звуков) может оказаться существенной одна лишь акустическая сторона сравниваемых звуков — без совпадения в основных физиологических моментах (— в месте активного органа данного звукопроизводства): так, например, в моей индивидуальной системе звукового мышления *p* и *l* (твердое) составляют, без сомнения, некую пару *p o d c t в е н н ы х*

как чисто языковых [напр., диссимилиация *r* и *l*, обычная во многих языках, в том числе и в русском (колидор вм. коридор, дилехтор вм. директор и т. п.)], так и поэтических. К последним относятся, м(ежду) пр(очим), весьма интересные и наблюдаемые у разных поэтов (разных языков) случаи «игры плавными» (т. е. *r* и *l*). Нечто подобное мы находим и в рассматриваемом двустишии: напомним соотношение согласных обеих строк —

f l s k r d b r
k s f l d l p r

В первой строке фигурирует одно *l* и 2 *r*, во второй — наоборот — два *l* и одно *r*, то есть:

Указанием на этот «звуковой узор» (т. е. на случай «игры двумя плавными — *l* и *r*») мы позволим себе закончить анализ данного refrain'a. Добавим только, что как не случайна насыщенность этого refrain'a и других refrain'ов звуковыми повторами, так не случайна и их (refrain'ов) относительная близость к понятию «зауми». Некоторый намек на «заумь» (хотя и весьма отдаленный) мы находим и в данном refrain'e («Grève, aboie, Grève, grouille, File, on file, ma quenouille, File sa corde au bourreau...») и именно в наиболее насыщенной повторами его части («—Qui siffle dans le préau»): ведь при полной смысловой оправданности первых 3-х строк последняя строка («Qui siffle dans le préau»), в сущности, ни к черту не нужна с точки зрения смысла (палач, свистящий на лугу, — это, согласитесь, деталь совершенно излишняя).

И можно подвести некоторые обоснования под обе вышеуказанные особенности refrain'ов (— тенденция к насыщенности повторами и, одновременно, к элементам «зауми»). А кроме того, возможна и следующая общая аналогия.

Если позволительно будет сравнить принцип звуковых повторов в

звуков (что доказывается м(ежду) пр(очим) случаями диссимилиации *l* и *r* в моей личной речевой практике), а между тем *r* (твердое) у меня оказывается не переднеязычным (как нормально), а увулярным (и притом дрожащим) звуком.

Из этой сноски видно, что, говоря о «междуфонемических ассоциациях» и вообще о звуковой инструментовке, Е. Д. Поливанов имел в виду под фонемой звуковой тип, т. е. обобщенное представление (или просто обобщение) реальных акустических и артикуляционных характеристик, свойственных данному звуку, независимо от их реляционной ценности. Ср. понимание фонемы ранним Р. О. Якобсоном (в его кн. «Новейшая русская поэзия», Набросок первый, Прага, 1921) и трактовку «фонетического элемента» С. И. Бернштейном (см. его статью «Стих и декламация», сб. «Русская речь», под ред. Л. В. Щербы, Новая серия, I, Л., 1927). Ныне, когда фонема стала пониматься большинством лингвистов как единица структурная (реляционная), Р. О. Якобсон и некоторые другие авторы продолжают, однако, считать, что в основе звуковой инструментовки лежит организация фонем и вообще структурных единиц. Из последних работ этого направления см. особенно: Р. О. Якобсон, К лингвистическому анализу русской рифмы («Michigan Slavic materials», 1, б. г.). Такое понимание у Якобсона обусловило, между прочим, критику со стороны Вяч. В. Иванова совершенно правильного вывода А. де Гроота о том, что в языках, где слог является элементом звуковой организации стиха, он не фонологичен, — см. А. W. de Groot, Phonetics in its relation to aesthetics, сб. «Manual of phonetics», Amsterdam, 1957, стр. 389; ср.: Вяч. В. Иванов, Лингвистические вопросы стихотворного перевода, сб. «Машинный перевод» («Труды Ин-та точной механики и вычислительной техники АН СССР», 2), М., 1961, стр. 378—379. — А. Л.)

⁹ <В рукописи описка: гласными. — А. Л.>

¹⁰ <В рукописи описка: l. — А. Л.>

поэзии, а с другой стороны — и в музыке с принципом симметрии в изобразительных искусствах (архитектуре, скульптуре и в живописи), то область *refrain*'ов найдет себе аналогию в орнаментальной скульптуре и живописи: именно в последних принцип симметрии и является основного значения принципом организации материала. И далее: роль орнаментальной техники, в общем, — очень скромная роль (в скульптуре и живописи, как в целом). Но таково же, в общем, и отношение *refrain*'а к прочим фрагментам поэтических пьес: *refrain* — это своего рода бордюры или орнамент для семантически насыщенных фрагментов; последние зато менее (чем их *refrain*'ный бордюры) насыщены звуко-повторами. В сфере изобразительного творчества симметрический орнамент, в свою очередь, имеет типичную функцию бордюра. Можно было бы иллюстрировать это несколькими примерами, из которых мы возьмем грубейший: пейзажная картина в рамке из симметрического бордюра; — последний имеет *minimum* смыслового содержания (*minimum* изобразительности), но зато насыщен симметрическими повторами (линий, фигур и т. д.). Итак, «заумь» — это поэзия (если только в ней, действительно, налицо фонетическая организация материала¹¹), и даже наиболее чистый, идеальный (с точки зрения нашего определения поэзии и прозы) вид поэзии. Только в силу своего специфического характера «заумь» (более или менее типичная) непригодна для сколько-нибудь крупных форм, и силою логической необходимости предназначается, поэтому, для ограниченных функций в роли бордюров фрагментов внутри определенных форм¹².

В чем же состоит фонетическая организация языкового материала (слов и фраз) в поэзии? Иначе говоря, к чему сводится поэтическая техника? В чем основные и общие черты ее приемов? Несомненно, что общей с и с т е м ы поэтической техники для всех языков и всех литератур нет и быть не может, ибо, как мы увидим в дальнейшем, входящие в понятие поэтической техники приемы ближайшим образом зависят от фонетической системы данного языка (а взаимное различие фонетических систем разных

¹¹ Но в противном случае «заумь» вовсе бы не имела уже *raison d'être*.

¹² И эта роль «зауми» искони была уделяема ей в народном поэтворчестве, так что нельзя говорить о «зауми», как об открытии, впервые сделанном футуристам в десятых годах XX в. Но зато это выступление «заумников» (из которых Крученых характерен более всего) имело ту новизну, что, сделав упор на элементы «зауми», оно временно (— на время данного выступления) расширило потенциальные функции этого элемента: вместо бордюрной функции для «зауми» сделалась возможной и даже типичной (временно) самостоятельная форма (в виде целой пьесы). Это явление позволительно до известной степени сравнить с изобретением нового полуфабриката: в период непосредственно вслед за его изобретением полуфабрикат этот может появиться даже на роскошно-убранной витрине, освещенной электрическим светом «на позор и умиление». Но обычный путь полуфабриката — не на витрину, а в новое производство, куда он и будет исправно поступать, когда окончится для него «эпоха витрины». (Понимание Е. Д. Поливановым «зауми» сближает его с теоретиками ЛЕФа и, в частности, с С. Третьяковым и Б. Арватовым; см.: С. Третьяков, Трибуна ЛЕФа, «ЛЕФ», 3, 1923, стр. 160—164; Б. Арватов, Социологическая поэтика, М., 1928, стр. 27, 127—143. В этот период истории русского футуризма «заумь» трактовалась футуристами как «лаборатория речезвука», как эксперимент, необходимый для активного преобразования языка в будущем. Конечную цель этого преобразования левовцы видели в том, чтобы «массы стали полными хозяевами своего языка». См.: Л. Якубинский, О снижении высокого стиля у Ленина, «ЛЕФ», 1 (5), 1924, стр. 71—72; С. Третьяков, указ. соч.; е го ж е, Откуда и куда? (Перспективы футуризма), «ЛЕФ», 1, 1923, стр. 198—203; Г. И. Винокур, Футуристы — строители языка, там же. Ср. также: А. А. Леонтьев, Заумная поэзия, «Краткая литературная энциклопедия», 2, М. [в печати]. В связи с сопоставлением «зауми» и орнамента ср. классификацию видов искусства в статье: В. Жирмунский, К вопросу о «формальном методе», в кн.: О. Вальцель, Проблема формы в поэзии, Пб., 1923, стр. 16—18.— А. Л.)

языков без преувеличения может быть сравнимо с разнообразием антропологических вариантов человечества)¹³.

Однако в виде обобщения всех различных систем поэтической техники (или стихосложения) можно указать на один главный принцип, по которому организуется языковой материал в поэтическом произведении. Это — принцип повтора фонетических представлений. При этом — в различных случаях — материалом повтора могут быть фонетические представления самого различного порядка и состава.

В одной части приемов поэтической техники единицей повтора оказывается общее фонетическое представление величина крупного порядка — напр. представление слога или известного состава слогосочетания. А в другой части приемов — мы увидим повторы отдельных элементарных фонетических представлений (напр., звукопредставлений согласных или гласных — вроде *p, a u o* и т. д.)¹⁴. Приведу нижеследующие примеры:

1. Так называемое метрическое стихосложение, характерное для языков древне-греческого, древне-индийского (ведаического санскрита), арабского, персидского, основывается на повторе общего представления слогосочетаний (стоп) определенного количественного состава. Возьмем гекзаметр Одиссеи (в латинской транскрипции); напр. стихи:

$\bar{h}\bar{o}s$ $\bar{h}o$ $\bar{m}e\bar{n}$ | $\bar{e}n\bar{t}^h$ \bar{a} $\bar{k}a$ | $\bar{t}^h\bar{e}v\bar{d}e$ $\bar{p}o$ | $\bar{l}y\bar{t}\bar{l}\bar{a}s$ | $\bar{d}\bar{i}(v)\bar{o}s$ \bar{o} | $\bar{d}y\bar{s}s\bar{c}u\bar{s}$

$\bar{h}y\bar{p}\bar{n}\bar{o}$ | $\bar{k}a\bar{i}$ $\bar{k}a\bar{m}a$ | $\bar{t}\bar{o}$ $\bar{p}a$ | $\bar{r}\bar{e}\bar{m}e\bar{n}o\bar{s}$ | $\bar{a}u\bar{t}a\bar{r}$ \bar{a} | $\bar{t}^h\bar{h}\bar{e}\bar{n}\bar{e}$.

Элементом повтора здесь служит абстрагированное из конкретных рядов элементарных фон(етических) представлений (— из согласных, гласных звуков) представление слогосочетания (так называемой стопы), имеющего следующий количественный состав: или $1^\circ : 1$ долгий слог + 1 краткий слог + 1 краткий слог (дактиль); схема: — —; или же факультативно заменяющий его равновеликий состав: $2^\circ : 1$ долгий слог + 1 долгий слог (спондей); схема: — —.

Именно: в вышеприведенных 2 стихах мы находим следующий порядок стоп:

$\bar{d}a\bar{k}\bar{t}\bar{i}\bar{l}\bar{y}\bar{l}$ $\bar{d}a\bar{k}\bar{t}\bar{i}\bar{l}\bar{y}\bar{l}$ $\bar{d}a\bar{k}\bar{t}\bar{i}\bar{l}\bar{y}\bar{l}$ $\bar{s}p\bar{o}n\bar{d}e\bar{i}$ $\bar{d}a\bar{k}\bar{t}\bar{i}\bar{l}\bar{y}\bar{l}$ $\bar{s}p\bar{o}n\bar{d}e\bar{i}$
 $\bar{s}p\bar{o}n\bar{d}e\bar{i}$ $\bar{d}a\bar{k}\bar{t}\bar{i}\bar{l}\bar{y}\bar{l}$ $\bar{s}p\bar{o}n\bar{d}e\bar{i}$ $\bar{d}a\bar{k}\bar{t}\bar{i}\bar{l}\bar{y}\bar{l}$ $\bar{d}a\bar{k}\bar{t}\bar{i}\bar{l}\bar{y}\bar{l}$ $\bar{s}p\bar{o}n\bar{d}e\bar{i}$

2. Чистый случай силлабического стихосложения, т. е. такого, которое основывается исключительно лишь на моменте числа слогов в корреспондирующих отрезках речи (— стихах), — без примеси акцентуационного момента, — мы найдем в весьма немногих языках: в частности, в японском и рюкюском, а также, с другой стороны, и в народной поэзии эрзя-мордовского диалекта — поскольку ему чужды и ударение на определенных слогах (почему невозможно тоническое стихосложение), и долгота гласных (почему нельзя, следовательно, ожидать метрического характера стихосложения).

Для японского чисто силлабический характер поэзии обусловлен, естественно, тем, что в японском языке (во всяком случае, в том его состоя-

¹³ Хотя вовсе не является производным от этих антропологических (соматических) различий.

¹⁴ «Классификацию видов звуковой организации стиха см., например: J. M u k a ģ o v s k ŷ, La phonologie et la poétique, TCLP, IV, 1931; Ю. Тынянов, Проблема стихотворного языка, Л., 1924, стр. 100—108; Г. Шенгели, Техника стиха, М., 1960, стр. 263—268; L. F l y d a l, Les instruments de l'artiste en langage, «Langue et littérature. Actes du VIIIe Congrès de la Fédération internationale des langues et littératures modernes», Paris, 1961, вкладка на стр. 372—373.— А. Л.»

нии, которое характерно для западно-японских говоров и которое присуще было также и эпохе образования японского поэтического канона) отсутствует экспираторное ударение, вместо которого имеются (и имелись) сложные явления музыкального ударения в виде определенных типов мелодий для разных слов¹⁵. Но мы вообще и в других языках не находим примеров того, чтобы мелодическо-акцентуационный момент лег в основу стихосложения наподобие силового ударения (на котором строится, напр., русское — тоническое — стихосложение). По каким-то органическим, по-видимому, причинам повтор мелодического («музыкального») ударения не годится быть канонизованным средством поэтической техники¹⁶. А так как долгих гласных в древнем японском языке (— когда создавался поэтический канон) еще не было, то не было данных и для метрической системы. Оставалась возможность чисто силлабического строя мерной речи. Вот почему единственным канонизованным признаком японской поэзии является чередование стихов из равного числа слогов¹⁷ (то же и в рюкюском: разница по сравнению с японским стихом — в деталях: в числе слогов, содержащихся в стихе, и т. п.). Именно, наиболее известная японская форма — т. н. «танка» (буквально: «короткая песня») предполагает следующий количественный состав (допускаю, что мы имеем дело лишь с краткими слогами):

Число слогов	Схема корреспонденции стихов: АВАВВ	Пример «танка»
1-ый стих — 5	А	Сикисима-но
2 » — 7	В	Яматогоро-о
3 » — 5	А	Хито товаба
4 » — 7	В	Асахи-ни ниюу
5 » — 7	В	Ямадзакурабана

Итого 31

Пример кратчайшей японской формы — хайку (или хокку)

Число слогов	Схема	Пример
1-ый стих — 5	А	Фуру-икэ-я
2 » — 7	В	Кавадзу тобикому
3 » — 5	А	Мидау-но ото

Примечание: Это, следовательно, танка без двух последних стихов.

¹⁵ Например, слово *атуи* «толстый» (по говору Тоса) может быть произнесено со следующей мелодией

а слово *атуи* «жаркий» с мелодией

или

с теми же (приблизительно) интервалами на другой высоте (в другом регистре). Различие между этими словами выражается, значит, единственно лишь мелодическими средствами.

¹⁶ О повторе музыкальных ударений в качестве неканонизованного (— окказионального) средства поэтической техники — в том же японском языке (напр., у поэта Исса — «Чанка») приходится упомянуть лишь как о вполне окказиональном приеме. Имеются данные об использовании чередования музыкальных тонов как канонизованного поэтического средства в китайском стихосложении. См., например, K. L. Pike, *Tone languages*, Ann Arbor, 1945, стр. 35. Но здесь мы имеем дело не со словесным, как в японском, а со слоговым тоном. Об их различии см., например: Е. Д. Поливанов, Введение в языковедение для востоковедных вузов, Л., 1928, стр. 118.— А. Л.

¹⁷ Так было дело до появления долгих слогов; ныне же долгий слог участвует в стихе, заменяя собою два кратких.

В качестве другого примера аналогичного по принципу (т. е. чисто силлабического) стихосложения можно было бы привести эрзя-мордовскую народную песню.

Наконец, третья система, или, вернее, группа систем, может быть названа в целом системой то н и ч е с к о г о стихосложения (с разнообразием тонико-силлабического, как в русском, и силлабо-тонического, как во французском яз<ьке>). Моментом повтора служит (как и в «рифмике стоп» — у Иоанна Златоуста и т. п.; см. выше) силовое ударение. Относящиеся сюда факты достаточно общеизвестны, чтобы на них стоило здесь останавливаться.

Переходим к повторам элементарных фонетических единиц, т. е. звуков (согласных и гласных). Относящиеся сюда явления можно сгруппировать так:

1. Окказиональные повторы отдельных согласных и гласных в различных позициях стиха, не канонизованные в качестве обязательного признака данной формы (и зависящие, следовательно, от индивидуальных — и в большинстве неосознанных — фонетических ассоциаций в данном процессе творчества).

2. Явления аллитерации, канонизируемой на правах обязательного момента данной формы (— напр., в древне-германском, финском, эстонском, монгольском, якутском и т. д. народном творчестве).

3. Явления рифмы (также канонизованные). К явлениям первого рода относятся, напр., те согласные повторы, стечение которых мы констатировали в рефрэне Гюго:

Grève, aboie, Grève, grouille
File, o file, ma quenouille,
File sa corde au bourreau
Qui siffle dans le pérau.

Ни один из имеющихся здесь согласных повторов [кроме повтора j—j в u:j(œ)—u:/(œ), входящего в р и ф м у] не предписан теорией поэзии: их м о г л о б ы н е б ы т ь, а четверостишие все-таки осталось бы поэзией и притом удовлетворяло бы требованиям поэтического канона (поскольку соблюдены силлабо-тонический размер и рифма). Явления таких «сверх-обязательных» (неканонизованных) повторов чрезвычайно разнообразны: попытку классификации их сделал в свое время О. М. Брик (в своей знаменитой статье в Сб-ке Опояза № 1)¹⁸, но далеко не исчерпал всех наличных модификаций. Ограничимся здесь одним русским примером:

1) Четверостишие на тему¹⁹: л—н, ль—нь

Луна плыла на лоне туч
Был бледно-синь зеленый рис
И обливал унылый луч
Сине-зеленый кипарис.

Выписываем все согласные („мягкие варианты“ их обозначаем в виде нь ль и т. д.) и подчеркиваем (жирным шрифтом) согласные основной темы (л—н—ль—нь).

лнп л л н л нь т ч
б л б ль д н сь нь зь ль н рь с
б ль в л н л л ч
сь нь зь ль н кь п рь с

¹⁸ <О. М. Брик, Звуковые повторы (Анализ звуковой структуры стиха), сб «Поэтика», [3], Пг., 1919, стр. 58—98. — А. Л.>

¹⁹ <В тексте здесь сноски. В подстрочных примечаниях рукописи сноски отсутствуют. По-видимому, автор предполагал определить понятие «темы». — А. Л.>

Выписываем подчеркнутое:

л	н	л	л	н	л	н
л	л	н	н	н	л	н
л	л	н	н	н	л	л
н	н	л	л	н	н	н

Попробуем перечислить намечающиеся здесь (— по крайней мере наиболее явные —) корреспонденции:

1) 4 *л* и 3 *н* (считая здесь и 1 случай *н*) в первой строке, 3 *л* (из них 2 *л*) и 3 *н* (из них 1 *н*) во второй строке, 4 *л* (из них 1 *л*) и 1 *н* в третьей и 1 *л* (= *л*) и 2 *н* (из них 1 *н*) в четвертой.

2) Из этих элементов основной темы (*л—н*), сгущенных, как мы видим, на начале четверостишия, самоудовлеющий эффект дают повторы в первой строке — «Луна плыла на лоне (гуч)», — и он усиливается соучастием узора гласных (у а ы а́ а б́ е ў), где, во-первых, один и тот же гласный *а* фигурирует то с *н*, то с *л* и (в слове *на*) то в ударенной, то в неударенной позиции, а во-вторых, согласные основной темы (*л* или *н*) проходят в пятиобразных сочетаниях — с пятью гласными (у а ы о е).

3) Согласный *п* 1-ой строки вместе со следующим *л* (т. е. группа *пл*) корреспондирует с *б л* *бл* в начале 2-ой и *бл* *вл* в начале 3-ей строки.

4) Ряд *с*ь *н*ь *з*ь *л*ь *н*ь *р*ь *с* в конце 2-ой строки встречает полный повтор в 4-ой: *с*ь *н*ь *з*ь *л*ь *н*ь *к*ь *п*рь *с*, хотя поэтехническая ценность этого эффекта и несколько ослабляется здесь тем, что звуковой повтор основывается на повторении одних и тех же корней (*синь*, *зелен*); правда, это повторение корней, но не тождественных слов, — в противном случае эффект этот был бы совершенно обесценен (см. ниже гл. III).

Не надо думать, однако, что поэтические достоинства пьесы стоят в прямо-пропорциональной зависимости от количества случаев неканонизованных повторов и ни от чего больше. Наоборот, здесь есть определенные границы, диктуемые чувством меры, и переходить за них возможно разве лишь в целях комического эффекта. Приведем, напр<имер>, четверостишие, которое можно считать неудачным именно ввиду чрезмерной насыщенности повторами согласных (притом именно одних и тех же согласных):

На Неве синий снег
На Неве синева
И под снегом во сне
Цепенеет Нева.

И вот другой пример — четверостишие, где сгущенность согласных повторов рассчитана на комический эффект:

Жили с нами Дудели,
Жили с ними Бабели
Бабели обабились,
Дуделей обдули.

[поэма «Дуббель», 1921 г.]²⁰.

Глава III (на правах экскурса)

Итак, можно утверждать, что все приемы поэтехнические — как канонизованные, так и неканонизованные — сводимы к явлениям повтора (тех или иных фонетических представлений — из числа наличных, разу-

²⁰ <Заглавие поэмы и год вместе со стихами в рукописи ошибочно приведены на предыдущей странице и снабжены замечанием автора: «Пропустить: это не здесь, а на след. страницах будет». — А. Л.>

меется, в системе данного языка) ²¹. К принципу повтора удается свести и все многообразные приемы техники Маяковского — этого революционера поэтической формы. Укажем здесь, что главное из новшеств Маяковского — «каламбур вместо традиционной рифмы» — это, в сущности, того же порядка явление, что и рифма, и разница между ними, главным образом, количественная (и притом именно в пользу каламбура, а не традиционной рифмы): когда Маяковский рифмует, напр., строку «И носки подарены» со строкой «как наскипидаренный», то тут участвуют в звуковой корреспонденции не только концы строк (— от последнего ударенного гласного, — как в традиционной рифме), но почти весь звуковой состав данных строк целиком [если мы обратим внимание только на *с о г л а с н ы е* повторы, мы найдем, что в вышеприведенном каламбуре повторыются следующие гласные: *н с к ъ н* (или *нъ*) *д р ь н*; итого 7 согласных] ²².

IV

Однако повтор тех или иных (из наличных в данном языке) фонетических представлений — для того чтобы быть поэтехнически ценным, — должен быть чисто фонетическим явлением, не сопровождаясь повтором тождественных по значению слов (т. е. тавтологией).

Принципиальное объяснение для этой общей нормы (общей для всех имевших более или менее длительную культуру поэтических техник) ²³ не представляет особых затруднений: 1) повтор тождественных по значению лексических или грамматических (— тождественных суффиксов —) единиц останавливает на себе внимание (слушателя или читателя) именно со смысловой (или «семантической») стороны, т. е. воспринимается, прежде всего, как повтор семантически-тождественных величин, а этим, естественно, отвлекается внимание от явления звукового повтора, как такового; 2) к этому можно еще прибавить то обстоятельство, что достижение требуемого данной поэтехникой вида повтора — например рифмы — путем повторения тождественных слов (или же путем <повторения> тождественных частей слов — в частности тождественных суффиксов) являлся бы слишком легким — сверх-

²¹ <В несколько модифицированном виде та же мысль легла в основу тезиса Р. О. Якобсона о роли комбинации языковых средств в поэтической речи (см. R. Jakobson, Closing statement: linguistics and poetics, в кн. «Style in language», New York — London, 1960, стр. 358). — А. Л.>

²² Наряду с этим поощрением — увеличением корреспондирующих отрезков, или «тела рифмы» (— иногда до всего состава строки целиком), — в каламбурах Маяковского констатируется, разумеется, и противоположное по направлению новшество: пренебрежение некоторыми, относительно мало важными звуковыми элементами внутри корреспондирующих отрезков, в частности (— между прочим!) неударенными гласными (свободно могут рифмовать, например, *дест* и *десять*, и т. п.). Интересно отметить, что если бы будущие (напр., XXV века) историки русского языка стали бы определять современный нам язык на основании стихов Маяковского, то они пришли бы к заключению, что уже в начале двадцатого века неударенные гласные не произносились, а только — по традиции — писались (на самом деле они, конечно, и исчезнут в произношении в будущем русском языке). <Эта мысль очень интересна в лингвистическом отношении. О связи закономерностей языковой эволюции с различными стилевыми вариантами говорил П. С. Кузнецов на дискуссии о синхронии и диахронии (см. сб. «О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков», М., 1960, стр. 102—103). Аналогичные высказывания имеются еще у И. А. Бодуэна де Куртенэ. Взгляды Е. Д. Поливанова на перспективы развития фонетики русского (и японского) языка впоследствии были изложены также в до сих пор не найденной статье «Категория палатализованных согласных и ее относительная фонетическая неустойчивость». См. о ней в ст.: Е. Д. Поливанов, Фонетические конвергенции, ВЯ, 1957, 3, стр. 83. По сообщению М. С. Кардашева (Нукус), эта статья была в 20-х гг. напечатана (может быть, в одной из среднеазиатских газет?). Поливанов полагал в этой статье, что через несколько столетий категория «мягких» согласных в обоих языках совершенно исчезнет. — А. Л.>

²³ Надо указать, однако, на «редиф» в арабской и турецкой поэзии.

банальным средством соблюсти поэтехническую норму²⁴: ничего не стоило бы («не стоило бы» в обоих смыслах: не стоило бы никакого труда и в то же время не представляло бы никакой ценности) писать, например, следующего сорта рифмы:

Он десять лет носил оковы
И полюбил эти оковы...
Он выпул старое седло
и вычистил это седло.

По той же причине в русской стихотворной практике считаются официально забракованными так называемые «глагольные рифмы» — напр. лежать, кричать, кромсать, рыдать (с повторением тождественных суффиксов *-а-ть*) или лежал, кричал, рыдал (с повторением тождественных суффиксов *-а-л-*).

Впрочем, для полноты сделаем оговорку, что указанный запрет (— рифм из тождественных слов и морфем) не является абсолютным; во всяком случае нарушения этой нормы не только встречаются на практике, но и ощущаются в известных условиях терпимыми. Можно представить себе даже особый прием «игры на пороге недозволенных поэтических приемов», примером чего допустимо считать следующую, например, пьесу:

Над муравьиным Вавилоном Токио
Сурово вырос ввысь Суругадай
Куда мы, русские, заходим одинокие,
Чтоб слушать сплетни и пить русский чай.
Оттуда мы идем на Гиндзу к мексиканцам,
Чтоб пить до вечера банановый ликер,
Болтая с мексиканцем иль испанцем
Про женщин, про жару и про ликер.
Стемнело... и нас ждут уж в Ёсиваре
Две обезьянки в красных кимоно,
Чтобы губами красными от киноvari
Пить с нами красное бургундское вино.

Ликер и *про ликер*, конечно, забракованная рифма, но ее можно воспринять именно как игру в запрещенную рифму, причем учесть надо следующие два обстоятельства: 1) *ликер* и *про ликер* — все же не вполне тождественные слова; 2) повтор семантически-тождественных единиц составляет вообще главную формальную (— и в то же время, до известной степени, и смысловую) тему всей этой пьесы: ср.: пить... пить... пить..., к мексиканцам... с мексиканцем (... иль испанцем); в красных... красными... красное; и, наконец, — того же порядка явление — *ликер... про ликер*.

Примечание: все вышеуказанное относительно рифмы из тождественных слов несколько не относится, конечно, к словам-гомонимам (а также таким парам гомонимов-каламбуров, один член которых является словосочетанием: например: *стихия* и *стихи я*). Они, наоборот, способны образовать весьма богатую в звуковом отношении и вполне допустимую с семантической точки зрения рифму. Ср.:

...Тебе здесь посвятил стихи я
Стихи — твоя стихия.
(1924 г.)

V

Выбор системы стихосложения — т. е. выбор тех фонетических элементов, которые становятся материалом канонизованных повторов, — за-

²⁴ Ср. также соображения Р. О. Якобсона в кн. «Style in language», стр. 367—368. — А. Л.»

висит, как мы уже указывали выше, от состава фонетической системы данного языка.

Однако было бы совершенно ошибочно видеть причины эволюции поэтической техники исключительно в свойствах данной языковой системы и, следовательно, устанавливать зависимость этой эволюции от экономическо-культурной истории исключительно через посредство истории звуковой системы данного языка (как отражающей, в конечном счете, определенные моменты экономическо-культурной истории). Есть и более прямая связь. Дело в том, что фонетическая система данного языка может предоставлять средства для двух возможных систем стихосложения, и выбор одной из них или исторический переход от одной ко второй из них и объясняется, как это можно подтвердить конкретными примерами, факторами экономическо-культурно-историческими (условимся для краткости говорить «внешне-историческими») ²⁵. Примерами здесь могли бы быть, хотя бы, такие факты, как 1) замена архаического Римского «сатурнинского» стиха метрическим стихосложением — под влиянием греческой культуры или 2) наблюдающийся в последнее время у японских, и именно у токиоских поэтов переход к тоническому стихосложению под влиянием европейско-американской культуры и английской поэтехнической техники [причем именно особенности восточно-японского, т. е. токиоского диалекта открывают возможность для этого перехода: в западно-японских диалектах, где ударение носит исключительно музыкальный (а не музыкально-силовой) характер, для этого нет почвы].

Однако анализ каждого из этих и им подобных исторических явлений выходит уже за пределы статьи (да, кроме того, и по чисто техническим причинам потребовал бы помещения в издании чисто научного характера), а потому его и придется отложить до опубликования специальной работы на эту тему ²⁶.

²⁵ Но если фонетическая система данного языка не дает средств для второй системы стихосложения, то, несмотря на вмешательство «внешне-исторических» факторов, могут быть лишь попытки (или ряды бесплодных попыток) привить данному языку неподходящее к его фонетическому составу стихосложение, — как это было, напр., с опытами привития метрического стихосложения русской поэзии. (Имеется и иная точка зрения на этот вопрос; см., например: С. В. Ш е р в и н с к и й, Ритм и смысл, М., 1961. Как можно видеть, Е. Д. Поливанову осталась чуждой теория литературной эволюции Ю. Тынянова, опирающаяся на учение о «конструктивной функции» элементов литературного произведения. Ср.: Ю. Т ы н я н о в, Архаисты и новаторы, Л., 1929, особенно стр. 33—34 и 48—50; е г о ж е, Проблема стихотворного языка. Вообще фактор поэтической традиции Поливанов в этой работе недооценивает. — А. Л.)

²⁶ См., впрочем, «Введение в языковедение для востоковедных вузов», том II, стр. 172 и сл. (По-видимому, набор этой книги был рассыпан. Рукопись ее разыскивается. — А. Л.)

ПРИКЛАДНОЕ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

И. А. МЕЛЬЧУК

О СТАНДАРТНОЙ ФОРМЕ И КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ
НЕКОТОРЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ

I

Термин «описание» (и производные от него «описывать», «описательный») весьма широко используется в современной лингвистике (не говоря уже о том, что целое направление лингвистики приняло название «дескриптивной», т. е. описательной). Хотя и раньше этот термин употреблялся достаточно часто, однако после Ф. де Соссюра он стал играть особо важную роль, поскольку именно описание языка вообще и конкретных языков в частности многими провозглашается основной, а иногда и единственной задачей лингвистики.

Между тем термин «описание» до сих пор не имеет общепринятого строгого определения. Он употребляется более или менее в соответствии со своим обиходным, интуитивным смыслом («описывать» ≈ «характеризовать что-либо словесно») и применяется к самым различным по своему характеру и оформлению сочинениям, имеющим дело с разными аспектами речевой деятельности. Любая ли совокупность высказываний о каких-либо языковых фактах будет их «описанием»? Вряд ли. Но тогда что именно и в какой форме следует говорить о языке, чтобы наши высказывания образовали «описание»? Полностью и окончательно ответить на этот вопрос в пределах одной статьи вряд ли возможно. Задача настоящей работы гораздо скромнее: рассмотреть и определить лишь один специальный, хотя и довольно широкий класс лингвистических описаний¹, которые, за недостатком лучшего термина, можно назвать «конструктивными».

Конструктивные описания сравнительно легко могут быть интуитивно отличены (по крайней мере в большинстве случаев) от описаний другого рода. Конструктивное описание — это такое лингвистическое сочинение, где для определенной совокупности языковых объектов указываются, во-первых, элементы, из которых состоят описываемые объекты, а во-вторых, правила образования описываемых объектов из этих элементов или разложения объектов на элементы². Соответственно, конструктивное описание может быть либо синтетическим (правила образования объектов), либо аналитическим (правила разложения объектов)³. Конструктивное описание может быть реализовано инженерно (в виде электронного устройства) или программно (на одной из существующих универсальных вычислительных машин); с его помощью можно либо порождать описываемые объекты из указанных элементов, либо разлагать их на эти элементы.

Вот примеры конструктивных описаний: 1) описываемую совокупность объектов составляют словоформы определенного языка, а описание содержит перечень морф (корневых и аффиксальных) данного языка и правила, которые позволяют либо образовывать словоформы, соединяя морфы определенным образом, либо «разрезать» слово-

¹ Под «лингвистическим описанием» в пределах настоящей статьи понимается не процесс, не «описание», а исключительно результат, завершенное теоретическое построение, т. е. *ἔργον*, а не *ἐνέργεια*. Соответственно глагол «описывать» употребляется в смысле «быть описанием» (например, *Его книга описывает именные формы семитских языков*), но не в смысле «строить описание» (например, *А. Шлейхер описывает индоевропейское спряжение*).

² Термины «объект», «элемент», «правило» принимаются в качестве исходных и неопределяемых.

³ Представляется возможным создание таких лингвистических конструктивных описаний, которые были бы и синтетическими и аналитическими одновременно [ср., например, G. Matthews, *Analysis by synthesis of sentences of natural languages* («National physical laboratory», paper 10), Teddington, 1961]; однако это не затрагивает сущности последующего изложения.

формы на морфы; 2) описываемыми объектами являются предложения некоторого языка; в качестве элементов дается перечень простейших синтаксических конструкций (например, синтагм), сопровождаемый правилами, в соответствии с которыми предложения или образуются из простейших конструкций, или, наоборот, разбиваются на эти конструкции.

Все конструктивные описания имеют одинаковое, с логической точки зрения, строение, и поэтому им всегда может быть придана определенная стандартная форма. Остановимся подробнее на одном из возможных вариантов такой стандартной формы. Придание описанию стандартной формы означает соблюдение нескольких требований, касающихся, с одной стороны, объектов описания, с другой — самого описания элементов и правил. Начнем с объектов.

1. При каждом стандартном конструктивном описании следует в явной форме и совершенно отчетливо указывать, что именно описывается; всякая возможность неоднозначного понимания совокупности описываемых объектов должна быть исключена. Во многих лингвистических работах (быть может, даже в большинстве их) описываются не индивидуальные объекты, а совокупности многих объектов. В таких работах естественно ожидать употребления термина «описание» с существительным в род. падеже мн. числа, называющим описываемые объекты, а глагола «описывать» — с прямым дополнением также во множественном числе; например, *описание согласных фонем тайского языка* или *описание безличных предложений испанского языка*. Однако нередко даже в тех случаях, когда речь идет явно о многих объектах, допускается такое словоупотребление, которое создает двусмысленность; например, «описание спряжения» может быть понято и как «описание глагольных форм», и как «описание глагольных категорий» (т. е. совокупности значений, выражаемых глагольными формами), и как описание того и другого вместе.

Из сказанного не следует делать вывод, будто предлагается, чтобы в лингвистических работах слова «описание» и «описывать» в с е г д а употреблялись с существительными только во множественном числе. В большинстве случаев такое предложение, очевидно, действительно разумно. Но в ряде случаев, где это представляется целесообразным (например, в заглавиях — по стилистическим соображениям), может сохраняться иное словоупотребление. Требуется лишь, чтобы в описании уделялось особое внимание вопросу о составе описываемой совокупности объектов, т. е. чтобы посредством четких и однозначных формулировок указывалось, что именно является совокупностью объектов описания.

2. Совокупность описываемых объектов должна быть задана независимо от описания. Лингвистическое описание строится для таких объектов, как, например, фонемы, группы фонем, слоги; или морфы, морфемы, словоформы; или элементарные синтаксические конструкции и предложения; или, наконец, значения — как грамматические, так и неграмматические. Однако вопрос о том, как выделяются все эти и другие языковые объекты, к самому описанию не относится. Более того, логическое определение описываемых объектов и/или формальная процедура их выделения в тексте могут вообще отсутствовать, и это не мешает строить для них конструктивное описание. Требуется лишь, чтобы в достаточном числе случаев объекты интуитивно выделялись исследователями без особых затруднений. В лингвистике подобная ситуация обычна: описывались и описываются такие объекты, как слова, или предложения, или значения, для которых нет ни строгого определения, ни формальной процедуры выделения. Для предлагаемого стандартного описания необходимо лишь, чтобы рассматриваемые объекты были заданы вполне определенным образом, но не важно, как именно: списком⁴ или посредством неформальных пояснений, или при помощи примеров и аналогий, с полным перечислением особо спорных случаев. Если угодно, уже построенное описание можно рассматривать как логическое конструктивное определение описываемых объектов («Объектом *A* называется такой и только такой объект, который может быть получен из элементов $e_1, e_2 \dots e_i$ по правилам $r_1, r_2 \dots r_j$ »).

Описание совокупности объектов и выделение этой совокупности очень тесно связаны и взаимно обусловлены. Разграничить их в процессе исследования и я трудно, а иногда и невозможно: описание по многом определяется тем, какие именно объекты были собраны в описываемой совокупности; построение описания позволяет уточнить процедуру отбора объектов; это изменяет состав описываемой совокупности, что, в свою очередь, опять несколько изменяет описание и т. д. Однако при изложении результатов исследования выделение описываемой совокупности и ее описание должны быть максимально разграничены. Желательно сопровождать лингвистическое описание указаниями относительно способов получения описываемой совокупности; но эти указания, как, впрочем, и сама описываемая совокупность, не принадлежат к описанию как таковому.

⁴ Этот список может быть полным (исчерпывающим) или представлять собой статистически показательную выборку из чрезвычайно большого, т. е. практически неперечислимого списка.

Сформулируем теперь требования к самому описанию.

1. В описании должно быть совершенно точно указано, что именно является единицами описания, т. е. элементами. Элементы следует задавать списком. Отметим, что элементы одного лингвистического описания могут становиться объектами другого описания, и, наоборот, объекты могут быть взяты в качестве элементов для описания других объектов. Так, например, синтаксические конструкции, описываемые как объекты в терминах морфем, сами становятся элементами для описания предложения. Таким образом, «объекты» и «элементы» — понятия чисто относительные.

2. Поскольку правила, используемые в описании, обычно формулируются применительно не к отдельным элементам, а к группам элементов, в описании должна быть обеспечена возможность необходимой классификации элементов. Для этого в описании стандартной формы предлагается приписывать элементам свособразные «анкетные» характеристики. Такие характеристики представляют собой наборы признаков, отражающих существенные для описания свойства элементов; каждый признак может иметь одно из нескольких определенных значений (признак — это как бы вопрос в бланке анкеты, а возможные значения этого признака подобны ответам, которые могут быть даны на этот вопрос).

Особенность «анкетных» характеристик состоит в том, что их применение не ставит своей целью единственное разбиение совокупности элементов на непересекающиеся классы постоянного объема, к чему иногда стремятся классификации другого типа. «Анкетные» характеристики позволяют в каждом конкретном случае получать новое разбиение совокупности, рассматривая значения только некоторых (не всех) признаков и игнорируя остальные признаки. Подобную классификацию можно называть «скользящей».

3. Что касается правил описания, то необходимо прежде всего остановиться на их логическом строении. Говоря о правилах образования (или разложения) объектов, нередко имеют в виду формулировки следующего вида: «Чтобы получить объекты A_1, A_2, \dots, A_n , надо взять любой элемент из класса K_1 или из класса K_2 и присоединить к нему любой элемент из класса K_3 или из класса K_4 ». При применении «скользящей» классификации подобная формулировка может выглядеть, например, так: «Чтобы получить объекты A_1, A_2, \dots, A_n , надо взять любой элемент, в характеристике которого признаки X_1, X_3 и X_6 имеют значения α_1, α_2 и α_4 , или элемент, в характеристике которого признаки X_1 и X_4 имеют значения α_2 и α_5 , и присоединить к нему элемент, в характеристике которого признаки X_2 и X_5 имеют значения α_1 и α_5 , или элемент, в характеристике которого признаки X_1, X_3 и X_4 имеют значения α_3, α_1 и α_4 ».

Однако в таких формулировках не разделены два логически различных момента: с одной стороны, о п е р а ц и я (выбор элемента, выбор заданного признака, проверка значения заданного признака, присоединение одного элемента к другому), с другой стороны, в е л и ч и н ы (названия, или номера нужных признаков и значения этих признаков). Представляется целесообразным, чтобы операции и величины последовательно разграничивались. Поэтому в конструктивных лингвистических описаниях предлагаемой стандартной формы раздел «правила построения (или разложения) объектов» должен отчетливо делиться на две части: а) «управляющие правила» — последовательность операций, образующих инструкцию по обращению с величинами; б) «словарные правила»⁵ (иначе «схемы объектов») — последовательность величин, обозначающих признаки элементов и значения этих признаков; последовательность величин, являющаяся «словарным правилом», задает последовательность классов элементов, из которых состоят описываемые объекты.

4. «Управляющие правила» должны быть представлены в терминах небольшого числа заранее фиксированных стандартных операций. Наборы стандартных операций для «управляющих правил» разрабатывались применительно к нуждам автоматического перевода⁶; однако эти операции слишком специфичны, слишком ориентированы на технические особенности современных вычислительных машин, чтобы их стоило непосредственно использовать в лингвистических описаниях. На очереди стоит задача — разработать набор стандартных операций специально для «управляющих правил» в конструктивных лингвистических описаниях.

Запись «управляющих правил» при помощи стандартных операций делает более отчетливым логическое строение этих правил и вместе с тем позволяет сравнивать в количественном отношении разные «управляющие правила».

⁵ Данный термин кажется нам неудачным.

⁶ Ср.: О. С. Кулагина, Об операторном описании алгоритмов перевода и автоматизации процесса их программирования, сб. «Проблемы кибернетики», 2, М., 1959; И. А. Мельчук, О стандартных операторах для алгоритма автоматического анализа русского научного текста, сб. «Машинный перевод» («Труды Ин-та точной механики и вычислительной техники АН СССР», 2), М., 1961.

5. «Словарные правила» также должны иметь определенную логическую организацию. Предлагаются следующие условия: внутри правила используется только логическая связка *и*; логической связкой *или* связываются лишь разные правила; другие логические связки в «словарных правилах» не применяются. Такое соглашение позволяет различать правила и части правил. «Словарное правило» представляет собой конъюнкцию величин, задающих классы элементов; каждая такая величина в свою очередь представляет собой конъюнкцию признаков и их значений. В отношении дизъюнкции могут находиться только разные «словарные правила». Поэтому, например, формулировка: «элемент, в характеристике которого признак X_1 имеет значение α_2 , признак X_3 — значения α_1 или α_3 и признак X_4 — значение α_2 , + элемент, в характеристике которого признаки X_3 и X_4 имеют значения α_1 и α_3 или признаки X_1, X_2 и X_4 имеют значения α_2, α_3 и α_5 » — представляет четыре разных «словарных правила»: а) элемент, в характеристике которого признаки X_1, X_3, X_4 имеют значения $\alpha_2, \alpha_1, \alpha_2$, + элемент, в характеристике которого признаки X_3, X_4 имеют значения α_1, α_3 ; или б) элемент, в характеристике которого признаки X_1, X_3, X_4 имеют значения $\alpha_2, \alpha_3, \alpha_2$, + элемент, в характеристике которого признаки X_3, X_4 имеют значения α_1, α_3 ; или в) элемент, в характеристике которого признаки X_1, X_3, X_4 имеют значения $\alpha_2, \alpha_1, \alpha_2$, + элемент, в характеристике которого признаки X_1, X_2, X_4 имеют значения $\alpha_2, \alpha_1, \alpha_5$; или г) элемент, в характеристике которого признаки X_1, X_3, X_4 имеют значения $\alpha_2, \alpha_3, \alpha_2$, + элемент, в характеристике которого признаки X_1, X_2, X_4 имеют значения $\alpha_2, \alpha_1, \alpha_5$.

Эта громоздкая запись приводится исключительно для иллюстрации; на практике «словарные правила» можно записывать каким-либо иным, более удобным образом (быть может, не считаясь с предложенным соглашением, о котором, однако, нельзя забывать при сравнении правил из различных описаний и/или при количественной оценке объема совокупности «словарных правил»).

В ряде случаев целесообразна табличная запись следующего вида (в таблице записаны четыре приведенных выше правила):

I		II	
X_1, X_3, X_4	$\alpha_2, \alpha_1, \alpha_2$	X_3, X_4	α_1, α_3
X_1, X_3, X_4	$\alpha_2, \alpha_3, \alpha_2$	X_3, X_4	α_1, α_3
X_1, X_3, X_4	$\alpha_2, \alpha_1, \alpha_2$	X_1, X_2, X_4	$\alpha_2, \alpha_1, \alpha_5$
X_1, X_3, X_4	$\alpha_2, \alpha_3, \alpha_2$	X_1, X_2, X_4	$\alpha_2, \alpha_1, \alpha_5$

6. Обоснование того или иного выбора компонентов описания не входит в само описание. Возьмем, например, элементы. Ясно, что одни и те же языковые объекты могут быть описаны при помощи разных элементов; так, для описания предложений можно, вообще говоря, выбрать в качестве элементов и синтаксические конструкции, и морфы, и даже слоги или фонемы. От удачного выбора элементов зависит «качество» описания; и хотя строго формальных критериев, которые позволяли бы механически находить наиболее подходящие элементы, нет, исследователь обычно тщательно выбирает элементы описания, руководствуясь интуицией и опытом. [Когда описание построено, исследователь имеет принципиальную возможность показать, что выбранные им элементы обеспечивают лучшие значения тех или иных количественных характеристик описания (см. раздел II), чем другие определенные элементы.]

Факторы, которые привели исследователя к тому или иному выбору элементов, представляют значительный интерес, и изложение этих факторов может сопутствовать описанию. Однако такое изложение лежит вне рамок описания стандартной формы и должно последовательно ограничиваться от самого описания.

Все сказанное по поводу элементов полностью относится и к выбору характеристик элементов, правил-величин и правил-операций. Объяснения автора описания (почему выбраны именно эти, а не другие характеристики элементов или правила), все его доводы в пользу того или иного выбора и т. д. составляют весьма ценный (а в некоторых случаях, быть может, и необходимый) комментарий к описанию, но не входят в состав собственно описания.

Подводя итог изложенному выше, мы можем сказать, что конструктивными лингвистическими описаниями предлагаемой стандартной формы являются все те и только те теоретические построения лингвистики, которые удовлетворяют всем перечисленным требованиям, а именно: для них в явной форме и совершенно определенным образом, хотя бы и неформально, задана совокупность описываемых объектов; в них заданы и четко дифференцированы основные компоненты — элементы, их «анкетные» характеристики и правила образования или разложения описываемых объектов;

в правилах отчетливо различаются «управляющие правила» («операции») и «словарные правила» («введишь»), причем последние имеют определенную логическую форму; наконец, все соображения, на основании которых была образована описываемая совокупность и выбраны компоненты описания, четко отграничены от самого описания. Вопрос о месте подобных описаний в лингвистике будет специально рассмотрен ниже.

II

В лингвистике нередко возникает вопрос о сравнении различных описаний между собой. Появляется задача — найти способ осуществлять такое сравнение по каким-то объективным показателям. Такой способ позволил бы, в частности, выбрать одно из нескольких описаний одного и того же ряда фактов как наиболее соответствующее определенной цели.

Чтобы сравнивать между собой лингвистические описания, предлагается ввести для них пять следующих характеристик, или параметров, по которым описания могут оцениваться количественно, т. е. измеряться: полнота, адекватность, экономичность, простота и компактность. Предполагается, что эти характеристики позволяют количественно оценивать существенные (для обычных целей исследования) свойства описаний. Следует, однако, иметь в виду, что указанные характеристики предназначены не для любых лингвистических описаний, а лишь для определенных в разделе I конструктивных описаний стандартной формы.

Идея оценивать лингвистические описания посредством определенных характеристик сама по себе не нова. Методологические требования к описаниям, которые неоднократно выдвигались различными представителями структурной лингвистики⁷, фактически представляют собой такие характеристики: простота, полнота, непротиворечивость и гомогенность (однородность) описаний⁸. Однако эти характеристики не были сформулированы так, чтобы в соответствии с ними описания могли оцениваться количественно, т. е. измеряться.

Важный шаг вперед сделал Ф. Харвуд⁹, предложивший настоящие количественные характеристики для измерения лингвистических описаний. Первая из этих характеристик — «positive fit of a system» — совпадает с параметром «простая полнота», а вторая — «negative fit of a system» — близка к понятию адекватности. Обе характеристики предназначены для оценки соответствия между совокупностью объектов, которые должны быть описаны, и совокупностью объектов, которые в действительности могут быть описаны данным описанием. Ф. Харвуд подчеркнул возможность вероятностной оценки этого соответствия и обратил внимание на связь между указанными характеристиками и компактностью описания.

Далее Дж. Перри, А. Кент и М. Берри¹⁰ ввели ряд количественных характеристик для оценки систем автоматического поиска документов («machine literature searching»). Две из этих характеристик — «recall factor» и «pertinency factor» — удобны для оценки лингвистических описаний; по их образцу построены параметры «простая полнота» и «адекватность». Принятые в книге Перри, Кента и Берри понятия и обозначения использованы с соответствующим переосмыслением в настоящей статье.

Наконец, сравнительно недавно мысль о количественной оценке лингвистических описаний высказали Г. С. Цейтун и М. Халле¹¹, предложившие оценивать простоту правил в лингвистических описаниях числом исходных элементов, упоминаемых в правиле (чем меньше элементов перечисляется в правиле, тем оно проще).

Аналогичная концепция лежит в основе настоящей статьи. В ней предлагается

⁷ В частности, сторонниками глоссематики и прежде всего Л. Е л ь м с л е в о м (см. его «Прологомены к теории языка», сб. «Новое в лингвистике», I, М., 1960, стр. 272, 278) и Х. У л ь д а л л е м («Основы глоссематики», там же, стр. 416—423). Ср. также тонкие замечания Х. Спанг-Ханссена о понятии простоты лингвистических описаний (относительность «простоты»: описание, более простое в одном отношении, может быть менее простым в другом; зависимость «простоты» описания от «простоты» процесса исследования, приведшего к этому описанию): Н. S p a n g - H a n s s e n, On the simplicity of descriptions, TCLC, V, 1949.

⁸ См. Ю. Д. А п р е с я н, Что такое структурная лингвистика, «Ин. яз. в шк.», 1961, 3.

⁹ F. W. H a r w o o d, Axiomatic syntax. The construction and evaluation of a syntactic calculus, «Language», XXXI, 3 (pt. 1), 1955.

¹⁰ J. P e r r y, A. K e n t, M. B e r r y, Machine literature searching, New York — London, 1956, стр. 42—45.

¹¹ Г. С. Ц е й т у н, К вопросу о построении математических моделей языка, «Доклады на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста», 3, М., 1961 [потапунт. изд.]; М. H a l l e, On the role of simplicity in linguistic descriptions, сб. «Structure of language and its mathematical aspects» [«Proceedings of symposia in applied mathematics», XII], Providence, 1961.

набор количественных характеристик (параметров) для оценки одной разновидности лингвистических описаний — конструктивных описаний стандартной формы.

Итак, мы рассматриваем конструктивное описание D . В качестве описываемой совокупности для D задана совокупность X . А priori можно высказать следующие соображения о соотношении между тем, что D должно описывать, и тем, что D действительно способно описывать: 1) D должно, вообще говоря, описывать все объекты из X , но на самом деле (из-за ошибок автора описания или из-за объективных трудностей) оно может оказаться способным описывать не все объекты из X (предельные случаи: D либо описывает все объекты из X , либо не описывает ни одного объекта из X); 2) D должно, вообще говоря, описывать только объекты, принадлежащие к X , но на самом деле (по тем же причинам) оно может оказаться способным описывать некоторые объекты, и не принадлежащие к X (предельные случаи: D либо не описывает ни одного «лишнего», не принадлежащего к X , объекта, либо описывает только «лишние» объекты).

Обозначим через M совокупность объектов, действительно описываемых описанием D , а через W — пересечение совокупностей X и M (см. рис.). Учитывая вышесказанные соображения, для конструктивных лингвистических описаний можно предложить следующие абсолютные характеристики:

x — число объектов в совокупности X , т. е. число объектов, подлежащих описанию;

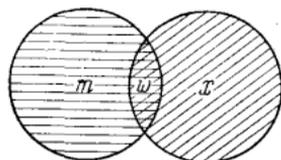
m — число объектов в совокупности M , т. е. число объектов, которые описание D действительно способно описать (в том числе и «лишних», если D описывает таковые);

w — число объектов в совокупности W , или «правильных» объектов, действительно описываемых описанием D (см. рис.);

b — число элементов в описании — «абсолютная экономичность описания»;

c — число правил-величин, т. е. «словарных правил» — «абсолютная простота описания»;

r — число «управляющих правил» (в пересчете на элементарные стандартные операции).

При описывании очень больших совокупностей (например, совокупности предложений какого-нибудь языка) прямой подсчет величин x , m и w крайне затруднителен; приходится прибегать к приблизительным оценкам. Однако это не препятствует достаточно точному определению производных характеристик «полнота» и «адекватность» на основе показательных выборок из совокупностей X , M и W .

Заметим далее следующее. Может возникнуть необходимость оценить сложность характеристик элементов или сравнить характеристики в разных описаниях. Это легко сделать, если характеристики сведены к однородным, например, двоичным признакам, т. е. к признакам, принимающим одно из двух значений («да» или «нет»). Тогда описания можно сравнивать по числу двоичных признаков, используемых в характеристиках элементов. В качестве примера можно сослаться на сведения к двоичным признакам «анкетные» характеристики, разработанные для фонем Р. Якобсоном, М. Халле, Э. Черри, К. Фантом, а для значений русских падежей и для значений английских глагольных форм — Р. Якобсоном¹². Аналогичным образом сложность правил в целом можно грубо оценивать числом двоичных символов (разрядов памяти двоичной логической машины, необходимых для записи всех правил (n правил-величин, и правил-операций) при оптимальном кодировании).

Вообще преобразование произвольной записи описаний в двоичную запись делает различные описания соизмеримыми. Запись описаний в двоичном коде можно назвать «приведенной»; тогда количественные характеристики описания, полученные на основе приведенной записи, также будут называться приведенными. Можно предложить четыре «приведенных» характеристики:

k — число двоичных признаков, используемых в «анкетных» характеристиках элементов описания;

B — число двоичных символов, необходимых для записи всех исходных элементов вместе с их характеристиками, — «приведенная абсолютная экономичность описания»;

¹² См.: E. C. Cherry, M. Halle, R. Jakobson, *Toward the logical description of languages in their phonemic aspect*, «Language», XXIX, 1, 1953; R. Jakobson, *Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre*, TCLP, 4, 1936; e r o ж e, Boas' view of grammatical meaning, в кн.: «The anthropology of Franz Boas», Menasha, 1959, стр. 145.

R — число двоичных символов, необходимых для записи всех правил («управляющих» и «словарных» вместе), — «приведенная абсолютная простота описания»;
 V — число двоичных символов, необходимых для записи всего описания, — «приведенный абсолютный объем описания» ($V = B + R$).

Уже эти параметры говорят кое-что о свойствах описания. В частности, они позволяют сравнивать между собой различные описания одной и той же совокупности объектов. Однако более полное представление об описании дают, как уже говорилось выше, такие производные относительные характеристики, как полнота (простая и взвешенная), адекватность, экономичность, простота и компактность.

Полнота и адекватность характеризуют описание с точки зрения соотношения между совокупностью, которая должна быть описана, и совокупностью, которая действительно описывается данным описанием. Эти характеристики показывают, насколько «хорошо» описание выполняет свою задачу (независимо от средств, которыми оно пользуется). Экономичность, простота и компактность позволяют оценить описание с точки зрения соотношения между сложностью его внутреннего строения и действительно описываемой совокупностью; т. е. эти характеристики говорят, насколько «хорошо» в описании используются применяемые средства (независимо от поставленной задачи). Таким образом, две первые и три последние характеристики логически независимы: описание может «хорошо» описывать нужную совокупность, но при этом очень «плохо» использовать наличные средства, или, наоборот: «хорошо», «полностью» использовать свои средства, но, так сказать, «не в ту сторону», и поэтому «плохо» описывать рассматриваемые объекты. Более подробно соотношения между относительными характеристиками описаний будут нами рассмотрены ниже.

П о л н о т а о п и с а н и я (P). Полнота измеряется отношением числа тех объектов, которые принадлежат описываемой совокупности (и действительно описываются данным описанием), к общему числу объектов, которые должны быть описаны:

$$P = \frac{w}{x}. \quad (1)$$

Полнота показывает, какая часть рассматриваемых объектов действительно описывается данным описанием. Величина полноты изменяется от единицы до нуля. Она равна единице (100%), если описание D описывает все x объектов, подлежащих описанию, и нулю, если D не описывает ни одного объекта из X . Описание тем полнее, чем больше объектов интересующей нас совокупности оно описывает.

Может оказаться, что объекты рассматриваемой совокупности в каком-нибудь отношении неравноценны; в частности, они могут характеризоваться разной относительной частотой в речи (в тексте): и более частотные считаются для данной задачи более важными. Желательно знать, насколько описание D охватывает более важные объекты. Ведь если рассматривать два разных описания с одинаковой полнотой, например $P = 0,95$, т. е. 95%, то в число пяти процентов, не охваченных описанием, в одном описании могут входить самые важные (= частотные) объекты, а во втором — наименее важные (= редкие). В таком случае, хотя оба описания описывают одинаковую долю заданной совокупности, второе описание целесообразно считать в определенном отношении более полным, чем первое. Чтобы учесть указанное различие, вводится понятие *взвешенной полноты*, при вычислении которой каждый объект берется умноженным на свой «вес» (в нашем примере — на относительную частоту). Взвешенная полнота измеряется отношением суммы относительных частот всех «правильных» (принадлежащих к X) объектов, описываемых описанием D , к сумме относительных частот всех объектов, которые должны быть описаны. Если обозначить объекты из X и из W соответственно через O_i^x и O_j^w , а их относительные частоты через $fr(O_i^x)$ и $fr(O_j^w)$, то

$$P_{\text{взвеш.}} = \frac{\sum_{j=1}^w fr(O_j^w)}{\sum_{i=1}^x fr(O_i^x)}. \quad (2)$$

Разумеется, «важность» и — соответственно — «вес» объекта может определяться не только его относительной частотой, но и, например, его функциональной нагрузкой или какими-либо другими свойствами, выбор которых обуславливается поставленной задачей.

А д е к в а т н о с т ь о п и с а н и я (A). Адекватность измеряется отношением числа тех объектов, которые принадлежат совокупности X и одновременно описываются описанием D , к общему числу объектов, описываемых им:

$$A = \frac{w}{m}. \quad (3)$$

Адекватность показывает, какая часть объектов, действительно описываемых D , является «правильными» объектами. Величина адекватности также изменяется от единицы до нуля. Она равна единице (100%), если D описывает только те объекты, которые должны быть описаны, и нулю, если оно описывает только «лишние», «неправильные» объекты. Описание тем адекватнее, чем меньше «лишних» объектов оно описывает.

Экономичность описания (E). Экономичность находится в обратной зависимости от числа исходных элементов; это отражает обычное интуитивное представление, что из нескольких описаний «лучше» то, которое обходится меньшим числом элементов. Естественно считать, что экономичность максимальна, т. е. равна единице (100%), когда число исходных элементов (b) минимально, т. е. также равно единице (другими словами, когда все рассматриваемые объекты удается описать посредством только одного элемента¹³). От единицы экономичность может понижаться, стремясь к нулю. В соответствии с этими допущениями и подобрана формула:

$$E = \frac{m+1}{m+b}, \quad (4)$$

Описание тем экономичнее, чем меньше исходных элементов используется в нем. (Выражение для величины экономичности — это первое и довольно грубое приближение. Чтобы численное значение экономичности лучше соответствовало интуитивным представлениям о более или менее экономичных описаниях, необходима какая-то другая, возможно, более сложная функция, например $\frac{m+1}{m+b^2}$ и т. д. То же самое относится к простоте; см. ниже.)

Простота описания (S). Простота находится в обратной зависимости от числа «словарных правил» (правил-величин); это связано с тем, что более простым обычно считают описание, использующее меньшее число правил. Будем считать, что описание максимально просто ($S = 1$, т. е. 100%), когда число правил минимально, т. е. также равно единице (все рассматриваемые объекты описываются при помощи одного правила)¹⁴. По мере увеличения числа правил величина простоты уменьшается, стремясь к нулю. Такому предположению может соответствовать формула:

$$S = \frac{m+1}{m+c}. \quad (5)$$

Описание тем проще, чем меньше правил оно использует.

Две последние характеристики — экономичность и простота описания — имеют дело только с числом исходных элементов и с числом «правил-величин»; они не учитывают соответственно ни сложности и размеров характеристик элементов, ни внутренней сложности у «правил-величин», ни вообще «управляющих правил». Чтобы привлечь внимание особенности и этих компонентов описания, предлагаются две следующие приведенные характеристики (которые в известном смысле можно считать разновидностью характеристик «экономичность» и «простота»).

Приведенная удельная экономичность — $E_{\text{прив. уд.}}$ — измеряется отношением числа объектов, действительно описываемых описанием D , к числу двоичных символов (битов), необходимых для кодирования всех элементов и их характеристик:

$$E_{\text{прив. уд.}} = \frac{m}{B}. \quad (6)$$

Эта величина показывает, сколь велика информация об элементах и их классификации, приходящаяся на каждый описываемый объект. Приведенная удельная экономичность учитывает не только число элементов, но и «размеры» их характеристик.

Приведенная удельная простота — $S_{\text{прив. уд.}}$ — измеряется отношением числа объектов, действительно описываемых описанием D , к числу двоичных символов, необходимых для кодирования всех правил («правил-величин» и «управляющих правил»):

$$S_{\text{прив. уд.}} = \frac{m}{R}. \quad (7)$$

По этой величине можно судить, как велика информация о правилах, приходящаяся на каждый описываемый объект. $E_{\text{прив. уд.}}$ и $S_{\text{прив. уд.}}$ не являются просто

¹³ Совокупности таких объектов, которые можно описать при помощи одного элемента, в естественных языках, по-видимому, не встречаются. Вероятно, следовало бы считать, что экономичность равна единице, если b (число элементов) = 2 или 3, или 4 и т. д., т. е. при минимальном практически возможном числе элементов; это число должно быть определено эмпирически. Однако пока можно полагать $b = 1$.

¹⁴ То, что сказано в сноске 13 об экономичности, относится и к простоте.

«приведенными» аналогами экономичности и простоты: они в определенном смысле учитывают некоторые стороны описания, не учтенные этими последними. Зато в приведенных характеристиках стираются содержательно важные различия между элементами и их характеристиками и между «управляющими правилами» и «правилами величинами». Более того, преобразование записи описания в «приведенную» (двоичную) запись связано с внесением в его количественные характеристики значительной добавочной неопределенности: одно и то же описание может быть закодировано по-разному, и из-за этого его приведенные характеристики будут разными. Поэтому, если приведенные характеристики у одного описания выше, чем у другого, то это может объясняться как свойствами самого описания, так и выбранным способом кодирования.

Компактность описания (K). Компактность обратно пропорциональна приведенному удельному объему описания, который равен общему объему (в битах) записи всего описания, деленному на число описываемых объектов:

$$\dot{V}_{\text{прив. уд.}} = \frac{B + R}{m}, \quad \text{следовательно: } K = \frac{m}{B + R}. \quad (8)$$

Описание тем компактнее, чем меньше различных средств (как элементов, так и правил) оно использует. Компактность является «приведенной» характеристикой.

Полнота, адекватность, экономичность и простота измеряются в процентах; иначе говоря, эти величины принимают значения от единицы до нуля. Приведенная удельная экономичность, приведенная удельная простота, а также компактность измеряются числом описываемых объектов на один бит в записи описания; следовательно, эти величины принимают, вообще говоря, любые положительные значения¹⁵.

Перейдем к рассмотрению соотношений между введенными характеристиками. Начнем с полноты и адекватности. Описание может иметь высокую степень полноты при очень низкой адекватности: оно описывает все или почти все объекты рассматриваемой совокупности, но, кроме того, еще очень много «лишнего». Возможно и обратное, когда адекватность описания велика, а полнота мала: описываются только или почти только «правильные» объекты, но зато далеко не все. Однако если адекватность описания равна нулю, то и полнота равна нулю (и наоборот).

«Хорошие» описания, вообще говоря, характеризуются высокой степенью полноты и адекватности. Но при решении разных задач к полноте и адекватности описаний могут предъявляться различные требования. При автоматическом переводе описание текста, предназначенное для анализа, должно быть максимально полным, т. е. описывать большинство объектов, встречающихся в тексте. Адекватность описания особой роли здесь не играет: даже если данное описание описывает (т. е. способно анализировать) очень много «лишних» объектов, то это не имеет значения, так как в анализируемом тексте эти «лишние» объекты все равно не встретятся и поэтому работать с ними соответствующий алгоритм не будет. Более того: при анализе не слишком высокая адекватность даже полезна — она позволяет предусмотреть потенциально возможные неологизмы (см. ниже). Для автоматического синтеза текстов, наоборот, важнее высокая адекватность; иначе алгоритм будет вводить в синтезируемый текст недопустимые (с точки зрения нормы, зауса) образования. Полнота здесь не столь существенна, так как можно примириться с тем, например, что из нескольких синонимичных выражений будет использоваться только одно — наиболее распространенное и нейтральное. Однако чем выше требования к стилистическим качествам выходного текста, тем полнее должно быть соответствующее описание: оно должно предусматривать синонимичные варианты и выбор варианта, наиболее подходящего для данного контекста.

Достаточно полные описания с низкой адекватностью полезны в плане изучения потенциальных возможностей языков. Такие описания, кроме объектов заданной совокупности, описывают еще много объектов, не принадлежащих к ней, но образованных из тех же самых исходных элементов приблизительно по тем же правилам, но без учета некоторых частных ограничений. Другими словами, такие описания позволяют рассматривать объекты, которые могли бы быть в изучаемой совокупности в соответствии с ее основными закономерностями, но отсутствуют из-за особых частных причин.

Рассмотрим теперь экономичность, простоту и компактность. Описание может быть очень экономичным, но совсем не простым: все объекты описываются при помощи небольшого числа исходных элементов, однако используется много правил. Описание может быть максимально простым и неэкономичным: для анализа или синтеза всех объектов достаточно нескольких простых правил, но очень много исходных элементов.

Для «хороших» описаний обычно желательны максимальная экономичность и простота. Однако требования к этим характеристикам также во многом зависят от конкретной практической задачи. При автоматическом переводе, для машины с небольшой оперативной «памятью», но зато с богатым набором логических операций и высоким быстродействием может быть удобен алгоритм, основанный на весьма экономичном,

¹⁵ Возможно, было бы целесообразно особо рассмотреть вопрос о классификации количественных характеристик, т. е. о признаках признаков лингвистических описаний. Это, однако, лежит за пределами настоящей статьи.

но далеко не простом описании: используется сравнительно небольшое число элементов и допускаются многочисленные операции над ними. Если же машина имеет очень большую «память» при бедном наборе логических операций и невысоком быстродействии, целесообразнее применить менее экономичное, но зато более простое описание. Пример: либо словарь, содержащий только морфы, плюс морфологический анализ (или синтез) всех словоформ; либо словарь, содержащий все готовые словоформы (тогда никакого специального морфологического анализа или синтеза не требуется).

Компактность позволяет сравнивать такие описания, которые имеют одинаковую полноту и адекватность, но различаются при этом экономичностью и простотой. Действительно, описывая заданную совокупность, можно стремиться либо сократить число исходных элементов и/или размеры их характеристик за счет увеличения числа правил и/или их усложнения (повышение экономичности и уменьшение простоты), либо, наоборот, — уменьшить число правил за счет увеличения числа элементов (повышение простоты и понижение экономичности). Если полнота и адекватность описания фиксированы, то экономичность и простота находятся в обратной зависимости друг от друга; однако эта зависимость не является обратной пропорциональностью (ее точный характер нам неизвестен). Тем не менее между экономичностью и простотой существует, очевидно, некоторое оптимальное соотношение: при определенном количестве элементов и правил общий объем всего описания в целом минимален, и, следовательно, его компактность максимальна. Среди описаний, имеющих одинаковую полноту и адекватность, предпочтительнее, вообще говоря, то, которое более компактно.

Ни одна из предложенных характеристик, взятая отдельно, не дает должного представления об описании. Если знать, что такое-то описание является очень полным, то это еще не значит, что оно «хорошее» во всех отношениях: полнота могла быть достигнута, например, за счет непомерного усложнения правил, так что данное описание имеет низкую величину простоты. Высокая экономичность описания не гарантирует его ни от низкой полноты, ни от низкой адекватности и т. д.

Однако даже взятые вместе предлагаемые характеристики все равно не дают исчерпывающего представления о всех важных свойствах описания. Так, например, в них не учтен тот факт, что элементы описания могут быть более или менее удобны с точки зрения определенной задачи. Поэтому может считаться «лучшим» описание менее экономичное, но использующее элементы, более пригодные для поставленной цели (или даже психологически более приемлемые для тех, кто пользуется описанием). Следовательно, количественная оценка при помощи введенных характеристик отнюдь не исключает (а наоборот, предполагает) внимательное рассмотрение прочих аспектов описания, пока не подпадающих из измерению.

В заключение следует подчеркнуть, что рассматриваемые характеристики сами по себе не дают основания решать, является ли данное описание «хорошим» или «плохим», т. е. «оденивать» его в буквальном, а лирическом смысле слова. Эти характеристики позволяют лишь измерить описание в определенных отношениях. Если мы условимся принять подходящие (с точки зрения стоящей перед нами задачи) «пороговые» значения тех или иных характеристик, мы сможем считать «плохим» («хорошим») то описание, у которого значения этих характеристик лежат ниже (выше) принятого «порога».

III

Применение предложенных количественных характеристик к реальным лингвистическим описаниям возможно лишь в строго определенных границах.

Во-первых, эти характеристики применимы только к конструктивным описаниям, а далеко не все лингвистические описания являются конструктивными. Правда, в последнее время конструктивные описания начинают играть в лингвистике все большую роль. Это связано и с общими тенденциями современной науки, и с развитием дисциплин, занимающихся автоматической обработкой языковой информации; для этих дисциплин требуются преимущественно конструктивные описания. Алгоритмы автоматического перевода (в частности, автоматического анализа и синтеза) представляют собой именно конструктивные описания текстов. Однако большое число лингвистических описаний остаются (и, очевидно, останутся) неконструктивными — даже в прикладных областях, не говоря о теоретической лингвистике. Вопрос о применении перечисленных характеристик к неконструктивным описаниям должен быть предметом особого исследования. Предварительно можно заметить, что, по-видимому, целесообразно обобщить понятия «объект описания» и «элемент описания», причислив к объектам описания осуществление определенных событий, а к элементам описания — определенные условия. Тогда можно будет рассматривать как конструктивные описания такие весьма многочисленные лингвистические работы, где некоторое повторяющееся событие, т. е. появление (употребление) определенной единицы, описывается в терминах необходимых комбинаций условий, т. е. наличия (или отсутствия) в контексте других определенных единиц.

Во-вторых, не всякому конструктивному описанию можно легко придать стандартную форму в соответствии с требованиями, сформулированными в разделе I. Некоторые

конструктивные описания, например алгоритмы автоматического перевода, имеют очень сложное строение; фактически они представляют собой определенным образом организованную совокупность нескольких описаний разного уровня. «Расслонуть» такое сложное описание по «уровням», выделить на каждом «уровне» объекты, элементы и правила, отделить «управляющие правила» от «словаря правил» — весьма трудная задача. И только после того, как она решена для данного описания, к нему можно применить указанные количественные характеристики в полном объеме.

С одной стороны, целесообразно поставить вопрос о применении количественных характеристик «по частям». Так, например, для описаний, где не проведена четкая граница между элементами и правилами и где поэтому неприменимы экономичность и простота, можно пользоваться компактностью. В других случаях может оказаться удобным измерять только полноту (или адекватность) описания и т. д. Думается, что применение даже отдельных характеристик описаний может оказаться полезным.

С другой стороны, несмотря на трудности стандартного оформления описаний, представляется разумным настаивать на стандартной форме и везде осуществлять ее, насколько это возможно. Стандартная форма важна не только и даже не главным образом ради количественных характеристик; она имеет большую самостоятельную ценность, так как обеспечивает отчетливую и обзорную логическую структуру описаний.

В-третьих, даже для конструктивных описаний в стандартной форме выполнение прямых подсчетов для определения точных значений введенных характеристик — дело трудоемкое, вряд ли практически осуществимое в повседневной работе лингвистов, особенно в случае описаний, имеющих сложное внутреннее строение и/или описывающих совокупность очень большого числа объектов. Применять указанные характеристики непосредственно можно только к простым описаниям. Для более сложных описаний придется разрабатывать удобную технику подсчетов (основанную, по-видимому, на вероятностных методах), которая позволяла бы сравнительно просто, хотя бы в достаточно грубом приближении, измерять полноту, адекватность, экономичность, простоту и компактность описаний.

Пока такая методика отсутствует, стандартную форму описаний и упомянутые количественные характеристики следует рассматривать как идеализированную, абстрактную схему, которая лишь в отдельных случаях непосредственно применима к реальным лингвистическим описаниям. Основное назначение всей этой схемы — помочь более четко и конкретно представлять себе логическое строение и свойства лингвистических описаний. И если количественная сторона оценки описаний еще мало доступна, введенные характеристики позволяют говорить в строгих терминах о качественной стороне (различение отдельных, логически самостоятельных аспектов описаний).

Следует иметь в виду, что разработка единой теории описаний и универсально полезных количественных характеристик описаний — это задача, которая должна решаться объединенными усилиями представителей разных конкретных наук совместно со специалистами по методологии науки и математической логике. В настоящее время существует большое количество работ, в которых рассматриваются особенности описаний в различных дисциплинах: в физике, химии, биологии, психологии и т. д., не говоря уже о математической логике. Многие достигнутые результаты, в том числе — предварительные, представляются чрезвычайно интересными и для лингвистики, хотя их пока невозможно непосредственно применить к существующим лингвистическим описаниям. Таково, например, понятие «простота логической системы» и мера этой простоты, определяемая в ряде работ¹⁶, как некая функция от числа элементарных предикатов, используемых во внелогическом базисе системы.

Чтобы обобщать имеющиеся результаты и построить теорию лингвистических описаний, учитывающую все типы лингвистических описаний и согласованную с теориями описаний в других науках, необходим ряд серьезных исследований значительного объема. Настоящая работа — весьма скромная попытка разведать некоторые участки далекого и трудного пути к строгой теории лингвистических описаний*.

¹⁶ См.: J. K e m e n y, Two measures of complexity, «The Journ. of Philosophy», LI, 24, 1955; N. G o o d m a n, Axiomatic measurement of simplicity, там же.

* За время работы над данной статьей в ее обсуждении приняло участие большое число людей, которые своей дружеской критикой и содержательными советами оказали автору неоценимую помощь. Это Ю. Д. Апресян, К. И. Бабицкий, Е. А. Гиндзбург, А. А. Зализняк, Вяч. Вс. Иванов, Л. Н. Иорданская, О. С. Кулагина, Э. А. Макаев, В. З. Санников, В. К. Финн, Р. М. Фрумкина и ряд других. Всем им автор выражает свою искреннюю благодарность.

В. З. САННИКОВ

МЕСТО РАСПРОСТРАНЕННОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПО ОТНОШЕНИЮ
К ОПРЕДЕЛЯЕМОМУ СЛОВУ В РУССКОЙ ФРАЗЕ

Под распространенным определением мы понимаем определение, которое состоит из причастия, прилагательного или порядкового числительного с относящимися к ним словами, например: *распадающийся на две отдельные части, произвольно выбранный, выбранный нами, взаимно однозначный, равный единице, пятый по счету*. Говорящий или пишущий каждый раз без особых затруднений делает выбор между препозицией и постпозицией распространенного определения, руководствуясь при этом интуицией, языковым чутьем, т. е. какими-то им самим несознанными языковыми правилами.

Мы ставили своей задачей составить правила, функционально в какой-то мере соответствующие этим языковым правилам. В первой части работы выделяются основные факторы, влияющие на выбор места распространенного определения; во второй — делается попытка установить возможно более точно соотношение между этими факторами и дать правила расположения распространенного определения в русской фразе.

Исследование проводилось на математических текстах¹. Производилась сплошная выборка материала на первых 20—60 страницах текста, причем текст введенный и предисловий как менее показательный не использовался. Всего нами собрано 1300 распространенных определений. Так как предлагаемые правила устанавливаются на основе изучения только математических текстов, они нуждаются в экспериментальной проверке на материале других видов научной литературы. Предварительная проверка (проведенная на весьма ограниченном материале) позволяет предполагать, что все правила, за исключением некоторых специальных математических штампов, применимы к научным текстам иного содержания (химическим, физическим, лингвистическим и т. д.).

В работе введены символические обозначения некоторых наиболее употребительных грамматических терминов: A — определение, состоящее из одного слова; \bar{A} — распространенное определение; i_z — зависимое (управляемое) слово; i_y — управляющее слово; P — личное или возвратное местоимение; $P_1, P_2, P_3, P_4, P_5, P_6$ — личные или возвратные местоимения в форме им., род., дат. и т. д. падежей; S — существительное или количественное числительное; $S_1, S_2, S_3, S_4, S_5, S_6$ — существительные или количественные числительные в форме им., род. и т. д. падежей.

Прежде чем перейти к рассмотрению места распространенного определения, необходимо сделать существенные оговорки. Во-первых, нашими правилами не учитывается возможность того, что место распространенного определения может иметь смысло-различительное значение. Подобное явление (вообще сравнительно редкое) представлено в наших материалах лишь одним примером: «Приводим еще один вывод правила умножения, не использующий теоремы Лапласа» (О., 54). В случае постпозиции фраза допускает двойное толкование: *Приводим еще один вывод...*, *не использующий, так же, как остальные выводы, теоремы Лапласа*, или: *Приводим еще один вывод...*, *не использующий, в отличие от остальных выводов, теоремы Лапласа*. В случае же препозиции распространенного определения *Приводим еще один не использующий теоремы Лапласа вывод...* остается только первое из указанных выше значений. Во-вторых, нами не рассматривались распространенные определения, заключенные в скобки. Например: «Геометрическим местом точек... называется фигура (состоящая из

¹ См.: Б. В. Гнеденко, А. Я. Хинчин, Элементарное введение в теорию вероятностей, М., 1957 (сокращенное обозначение — Г.); Я. С. Дубнов, Введение в аналитическую геометрию, М., 1959 (Д.); А. Г. Курош, Курс высшей алгебры, М., 1953 (К.); Е. С. Ляпин, Курс высшей алгебры, М., 1955 (Л.); И. П. Макаров, Теория функций действительного переменного, М., 1958 (М.); И. П. Натансон, Суммирование бесконечно малых величин, М., 1960 (Н.); И. Г. Петровский, Лекции по теории обыкновенных дифференциальных уравнений, М.—Л., 1949 (П.); Н. С. Пискунов, Дифференциальное и интегральное исчисления, М., 1957 (НП.); Л. Я. Окунев, Высшая алгебра, М., 1958 (О.); Г. М. Фихтенгольц, Основы математического анализа, I, М., 1955 (Ф.). Даются ссылки на страницы.

одной или нескольких линий), все точки которой этим свойством обладают» (Д., 56). Распространенное определение носит характер вводного замечания и должно рассматриваться именно как вводное словосочетание.

*

В анализируемых текстах распространенное определение ставится перед определяемым словом (345 примеров) или после определяемого слова (955 примеров). *П р е п о з и т и в н о е* \bar{A} ставится непосредственно перед определяемым словом, кроме тех случаев, когда перед определяемым словом стоит определение, образующее с определяемым словом несвободные сочетания (сложные термины). Например: *переменные величины, натуральные числа, общий множитель*. В этих случаях \bar{A} ставится перед определением. Например: «Все рассматриваемые нами переменные величины так или иначе „упорядочены“» (НП., 23). *П о с т п о з и т и в н о е* \bar{A} ставится непосредственно за определяемым словом. Исключение² составляют примеры, где за определяемым словом следуют зависимые (управляемые) слова — *из*. В этих случаях \bar{A} следует поставить за последним словом в цепи зависимых слов. Например: «Это — условная вероятность выпуска лампочки вторым заводом, вычисленная в предположении, что данная лампочка стандартна» (Г., 25).

1. Факторы, влияющие на выбор места распространенного определения

Изучение математических текстов позволяет указать три основных фактора, которые влияют на выбор места распространенного определения: количество слов в составе распространенного определения; особенности распространенного определения и определяемого слова, благодаря которым в случае препозиции между определением и определяемым словом возникает нежелательный стык; наличие в предложении относящихся к определяемому слову управляемых слов, или управляющих слов, или слов, раскрывающих содержание определяемого слова. Кроме того, некоторые (строго определенные) словосочетания всегда, независимо от условий, занимают постоянное место по отношению к определяемому слову, одни из них всегда постпозитивны, другие — препозитивны.

При выделении факторов, оказывающих влияние на выбор места \bar{A} , мы пользовались методом подбора минимальных (отличающихся лишь одним фактором) пар предложений, в одном из которых \bar{A} препозитивно, а в другом — постпозитивно. Необходимо отметить, что применение этого метода, требующее иногда длительных поисков и не всегда возможное в фонологии при выделении фонем², связано с еще большими трудностями в синтаксисе. Однако для большинства указываемых ниже факторов удалось выделить минимальные пары.

1. Выбор места \bar{A} во многом зависит от величины \bar{A} , т. е. от количества слов, которые входят в его состав³. Распространенное определение, состоящее из двух слов, тяготеет к препозиции; распространенное определение, включающее в свой состав три слова и более, — к постпозитиву. Наглядное представление о влиянии величины \bar{A} на выбор места \bar{A} дают два следующих предложения: «Рассмотренная нами задача очень проста» (Г., 13); «В задаче, рассмотренной нами в начале настоящего параграфа, найти вероятность» (там же, 43).

Приводим данные, касающиеся величины препозитивных и постпозитивных \bar{A} в изучаемых текстах⁴.

Препозитивные \bar{A} (314 примеров)	Постпозитивные \bar{A} (875 примеров)
Из 2 слов — 253	— 153
» 3 » — 46	— 232
» 4 » — 9	— 173
» 5 » — 2	— 106
» 6 » — 2	— 64
» 7 » — 2	— 35
» 8 » — 0	— 27
» 9 » — 0	— 24
» 10 » — 0	— 19
свыше 10 — 0	— 42

² См., например, Г. Г л и с о в, Введение в дескриптивную лингвистику, М., 1959, стр. 45—77.

³ Под словами понимаем отрезки текста между двумя пробелами или между пробелом и знаком препинания, кроме предлогов и отрицания *не*. Так, например, в распространенном определении *не рассмотренный нами в начале § 15* — пять слов.

⁴ Случаи, когда к определяемому слову относятся несколько \bar{A} , не учитывались.

Средняя величина постпозитивных \bar{A} в наших материалах — 4,67 слова, в то время как средняя величина препозитивных \bar{A} — всего лишь 2,25 слова.

2. Иногда мы находим такое сочетание особенностей распространенного определения и определяемого слова, которое в случае препозиции распространенного определения приводит к возникновению нежелательного стыка. Например: «В полученных только что неравенствах, *соединенных с равенствами*, на деле ни в одном случае равенства быть не может» (Ф., 27).

При постановке \bar{A} в приведенных примерах перед определяемым словом мы получаем нежелательный стык — в первом случае «неблагозвучный» (*соединенных с равенствами неравенствах*), во втором — «осмысленный» (*одни из участвующих в этом явлении величин*). В силу того, что препозитивные \bar{A} пунктуационно не отделяются от определяемого слова, граница между ними ощущается недостаточно отчетливо и это затрудняет понимание. Под стыками мы понимаем не только сочетания двух слов, стоящих рядом, но также и сочетания слов, разделенных другими словами. Стыки первого типа в данной работе называются непосредственными, стыки второго типа — о п о с р е д с т в о в а н н ы м и. Наши материалы позволяют отметить следующие нежелательные стыки ⁵:

а) Непосредственный или опосредствованный стык слов с общим корнем. Например: «Переходим к примерам числовых колец, *не лежащих целиком в кольце R*» (К., 11).

б) Непосредственный или опосредствованный стык определяемого слова и некоторых видов формул. Имеются в виду математические выражения (буквенные или цифровые), содержащие хотя бы один из следующих знаков: $+$, $-$, $>$, $<$, $=$, \neq , \times , \forall и т. д. Например: «Обозначим через α произвольный угол, *удовлетворяющий условию* $0 < \alpha < \frac{\pi}{2}$ » (Н., 42).

в) Непосредственный стык двух существительных. Например: «Геометрическое изображение подсказывает... как исходные понятия, так и вопросы, *подлежащие последующему рассмотрению*» (Л., 15). При перестановке \bar{A} (в принципе вполне возможной: в \bar{A} всего три слова) получаем несколько тяжеловесную конструкцию, где рядом стоят два существительных (*подлежащие последующему рассмотрению вопросы*). Материал показывает, что при прочих равных условиях распространенное определение, где последнее слово является существительным, гораздо реже ставится в препозиции, чем распространенное определение, где последнее слово относится к другой части речи. В этом отношении показательны два следующих примера: «Не все требования I—V, *сходящие в определение кольца*, являются... необходимыми» (К., 25); «Переменная величина... по самой своей природе связана с временем, как, например, *рассмотренная нами выше величина*» (НП., 22—23).

Особенно нежелателен стык существительного (в любой форме) с существительным в форме род. падежа. Например: «В партии из 1000 изделий, *еще не подвергнутых браковке*, будет примерно 16 непригодных» (Г., 8), или (в еще большей степени) стык отглагольного существительного с существительным в форме твор. падежа: «При этом неизвестным элементом, *требующим уточнения*, может служить не только положение цели» (Г., 42). При постановке \bar{A} в приведенных примерах в препозиции понимание затрудняется в силу того, что между словами можно увидеть связь управления [браковке изделий (1-й пример), уточнения элементом (2-й пример)], тогда как в действительности эти слова между собой непосредственно не связаны.

Это в полной мере относится также и к тем случаям, когда второе существительное имеет форму, омонимичную форме род. падежа (или твор. падежа). Например: «Проведя через точки деления плоскости, *параллельные основанию*, мы разрежем пирамиду» (Д., 26). Если последнее слово в \bar{A} не является существительным, то препозиция \bar{A} не приводит к двусмысленности: «Изменение... условий влечет за собой изменение *интересующей нас вероятности*» (Г., 9).

г) Последний из нежелательных стыков, который мы можем указать, — это стык личных местоимений 3-го лица *его, ее, их*, омонимичных притяжательным местоимениям, с существительными. Например: «Окружность... является, с одной стороны, объединением точек, *ее составляющих*» (Л., 7). В случае препозиции \bar{A} («составляющих ее точек») выбор одной из омонимичных форм несколько усложняется.

3. Наличие в предложении слов, связанных с определяемым словом (управляемых, управляющих или раскрывающих его содержание), способствует препозиции распространенного определения.

а) Довольно часто определяемое слово является звеном в цепи зависимых слов. Например: «Это уравнение задает в каждой точке области значение *углового коэффициента касательной к проходящему через эту точку графику решения уравнения*»

⁵ Примеры везде даны в том виде, какой они имеют в тексте. Нежелательный стык получаем при перестановке \bar{A} .

(П., 9). В этих случаях \bar{A} может, как уже отмечалось раньше, стоять или непосредственно перед определяемым словом, или за последним словом в цепи зависимых слов. Предпочтительнее препозиция \bar{A} : в данном случае яснее ощущаются синтаксические связи; уже само расположение \bar{A} указывает, к какому слову оно относится. Влияние, которое оказывает наличие или отсутствие цепи зависимых слов на выбор места \bar{A} , ярко проявляется при сравнении двух следующих примеров: «Будем вести индуктивные рассуждения, основываясь на *условиях*, сформулированных в пункте 1.5» (Л., 10); «Мы можем считать, что формулированная в начале § 4 *задача о расширении области вещественных чисел* получила положительное решение» (там же, 38).

б) Иногда при определяемом слове имеется i_y или i_z , предполагающее ту же форму \bar{A} , что и определяемое слово. Например: «Алгебраические операции... обладают многими привычными нам *свойствами* операций над *числами*» (К., 19). При постановке \bar{A} в постпозиции возникает двусмысленность: «Алгебраические операции обладают многими *свойствами* операций над *числами*, привычными нам».

Особенно затрудняется понимание в тех случаях, когда в цепи зависимых слов есть три слова (и больше), к которым формально может относиться \bar{A} : «Упорядочение кардинальных чисел не зависит от выбора *представителей классов множеств*, имеющих данную мощность» (М., 15). Понять приведенную фразу трудно даже специалисту. Мы предлагаем в примерах, аналогичных данному, заменять \bar{A} придаточным предложением и ставить перед определяемым словом указательное местоимение (*тот, такой*): «Упорядочение... не зависит от выбора *представителей классов (тех) множеств, которые имеют данную мощность*».

в) Препозиция \bar{A} способствует также наличию при определяемом слове слов, раскрывающих его содержание. Например: «...мы относим те операции, которые выражаются символами известных из школьного курса основных элементарных функций: степени, показательной функции, логарифма и тригонометрических (прямых и обратных) функций» (НП., 31).

4. В текстах встретилась большая группа распространенных определений, занимающих постоянное место по отношению к определяемому слову. Одни из них всегда (независимо от указанных факторов) постпозитивны, другие всегда препозитивны.

Приводим список словосочетаний, которые всегда находятся в постпозиции:

1) <i>большой</i> + $S_2 (P_2)^6$	13) <i>превосходящий</i> + $S_4 (P_4)$
2) <i>взвешенные</i> + v + $S_8 (P_8)$	14) <i>превышающий</i> $S_4 (P_4)$
3) <i>взятые в отдельности</i>	15) <i>равный</i> + $S_3 (P_3)$
4) <i>вместе взятые</i>	16) <i>разнящийся</i> + na + $S_4 (P_4)$
5) <i>изображающий</i> + $S_4 (P_4)$	17) <i>содержащий</i> + $S_4 (P_4)$
6) <i>кратный</i> + $S_3 (P_3)$	18) <i>(не) соизмеримый</i> + c + $S_5 (P_5)$
7) <i>(не) меньший</i> + $S_2 (P_2)$	19) <i>сопряженный</i> + c + $S_5 (P_5)$
8) <i>называемый</i> + $S_5 (P_5)$	20) <i>умноженный</i> + na + $S_4 (P_4)$
9) <i>наибольший</i> + no + $S_3 (P_3)$	21) <i>эквивалентные между собой</i>
10) <i>не содержащее</i> + $S_2 (P_2)$	22) <i>эквивалентный</i> + $S_3 (P_3)$
11) <i>обратный</i> + $S_3 (P_3)$	23) <i>(не) являющийся</i> + $S_5 (P_5)$
12) <i>отличный</i> + ot + $S_2 (P_2)$	

Примеры: «Всякое натуральное число, *большее единицы*, может быть представлено в виде произведения...» (Л., 12); «Всякое число, *умноженное на ноль*, должно дать ноль» (О., 5).

В наших материалах отмечены также фразеологизмы, которые в отличие от словосочетаний, рассмотренных выше, всегда препозитивны. Сюда могут быть отнесены следующие фразеологизмы: *более или менее* + A ; *как угодно* + A ; *сколь угодно* + A ; *только что* + A ; A + словосочетание *друг друга* в разных формах (*друг другу, друг от друга* и т. д.). Сюда же следует отнести A , имеющие в своем составе словосочетание *нужный* + S_3 и относящиеся к существительному в род. падеже, которое является именной частью составного сказуемого. Приведем некоторые примеры: «Однако ни Лейбниц, ни Крамер не дали *более или менее законченной* теории определителей» (О., 61); «Первый подошедший к *остановке* трамвая будет *нужного пассажиру маршрута*» (Г., 16).

II. Соотношение между факторами. Способы определения места распространенного определения

1. Мы рассмотрели основные факторы, оказывающие влияние на выбор места \bar{A} . Как правило, в каждом конкретном случае расположение \bar{A} объясняется воздействием не одного, а нескольких факторов. Возникает необходимость установить возможно

⁶ О значении символов см. выше, стр. 124.

более точно соотношение между факторами. Ниже указывается один из возможных способов учета этих факторов, разнородных по силе и по направленности, — подчеркиваем: один из возможных и, бесспорно, не лучший.

Предлагаемая система проста. Вместе с тем она довольно точна, и это делает возможным переделение ее в какую-нибудь другую систему (в частности, наши правила можно использовать при построении алгоритма независимого синтеза русского языка).

2. Как уже отмечалось, одни из факторов способствуют препозиции \bar{A} (условно обозначаем их знаком $-$), другие способствуют постпозиции \bar{A} (обозначаем их знаком $+$). Как первые, так и вторые далеко не равноценны между собой по силе воздействия на выбор места \bar{A} . Поэтому мы обозначаем их не просто знаками $-$ или $+$, а отрицательными или положительными числами, отличающимися по абсолютной величине. Числа $-1, -2, -3$ и т. д. обозначают факторы, способствующие препозиции \bar{A} ; числа $+1, +2, +3$ и т. д. обозначают факторы, способствующие постпозиции \bar{A} . Произведя действие сложения над этими числами, являющимися частными характеристиками \bar{A} , получаем общую характеристику \bar{A} — отрицательную или положительную. В первом случае \bar{A} следует поставить перед определяемым словом, во втором — после определяемого слова. Впрочем, как будет показано дальше, в этой операции не всегда есть необходимость.

Количественные характеристики, закрепленные за каждым фактором, отражают их сравнительную силу и связаны со степенью их воздействия на выбор места \bar{A} . Устанавливались они эмпирически, путем подбора, рассмотрения множества разных вариантов. Был выбран тот из вариантов, благодаря которому мы получили максимальное число случаев совпадения расположения \bar{A} , требуемого нашими правилами, с тем расположением, которое есть в рассматриваемых текстах.

3. Все факторы, в зависимости от силы воздействия на выбор места \bar{A} , можно разделить на две группы: сильные факторы и слабые факторы. Сильные факторы оказывают решающее воздействие на выбор места \bar{A} . Достаточно одного сильного отрицательного фактора, чтобы \bar{A} ставилось (всегда, независимо от прочих условий) перед определяемым членом предложения. При наличии же сильного положительного фактора \bar{A} во всех без исключения случаях расположено после определяемого члена. Так, например, всегда постпозитивны в изучаемых текстах \bar{A} , имеющие в своем составе формулы (103 примера). Слабые факторы характеризуются тем, что ни один из них не оказывает решающего воздействия на выбор места \bar{A} : чтобы решить вопрос о месте \bar{A} , необходимо учесть все эти факторы в их совокупности.

Ниже приводим две таблицы, в первой из которых даются сильные факторы, во второй — слабые факторы. В правом столбце второй таблицы даются эмпирически устанавливаемые числовые характеристики, выражающие степень воздействия соответствующих факторов на выбор места \bar{A} .

Сочетание сильного положительного и сильного отрицательного фактора делало бы равно нежелательной как препозицию, так и постпозицию \bar{A} . Естественно, в наших материалах примеров с такими сочетаниями нет. В качестве примера можно привести искусственно сконструированное предложение: «Произведем упорядочение представителей классов множеств, подробно рассмотренных нами в пятом разделе первой главы работы».

Постпозиция \bar{A} нежелательна, так как она приводит к двусмысленности (5-й сильный фактор); препозиция также нежелательна, поскольку в состав \bar{A} входит восемь слов (1-й сильный фактор). Конструкцию с \bar{A} необходимо заменить синонимичной конструкцией с придаточным определительным; перед определяемым словом следует поставить указательное местоимение: «Произведем упорядочение представителей классов тех множеств, которые подробно рассмотрены нами в пятом разделе первой главы работы».

4. Приведем примеры, иллюстрирующие применение указанных правил определения места \bar{A} . «Функция, получаемая из постоянных и из независимого переменного путем действия сложения и умножения, является полиномом» (Л., 46). Проверим по первой таблице наличие сильных факторов: а) отмечаем, что есть сильный фактор, способствующий постпозиции, — в \bar{A} больше семи слов; б) убеждаемся, что сильных факторов, препятствующих постпозиции (сильных отрицательных факторов) нет. \bar{A} следует поставить после определяемого слова. Проверять наличие слабых факторов нет необходимости.

5. Особого рассмотрения заслуживают случаи, когда к одному слову относятся несколько распространенных определений — однородных или неоднородных. Одно-

Таблица 1

Сильные факторы

№ п/п	Факторы	Место \bar{A}
1 2	Наличие в \bar{A} более 7 слов Нежелательный стык: [а) стык слов с общим корнем; б) стык формулы и определяемого слова; в) стык личных местоимений 3-го лица <i>его, ее, их</i> и существительных; г) стык отглагольного существительного и существительного в форме твор. падежа]	Постпозиция
3	В состав \bar{A} входит одно из определенных словосочетаний	
4 5	В состав \bar{A} входит один из определенных фразеологизмов Определяемое слово входит в цепь зависимых слов, из которых два (или больше) предполагают ту же форму \bar{A} , что и определяемое слово	Препозиция

Таблица 2

Слабые факторы

№ п/п	Факторы	Характеристика
1	В состав \bar{A} входят 2 слова	-4
2	В состав \bar{A} входят три слова и больше	$2n - 5^7$
3	Стык двух существительных	+2
4	Стык существительного или количественного числительного с существительным в форме род. падежа (или с существительным, имеющим форму, омонимичную форме род. падежа)	+3
5	Определяемое слово входит в цепь зависимых слов	первое $i_2(i_3) = -1$, каждое из последующих = -2. 3
6	Определяемое слово входит в цепь зависимых слов, одно из которых предполагает ту же форму \bar{A} , что и определяемое слово	
7	Имеются слова, раскрывающие содержание определяемого слова	-6

родные \bar{A} занимают одинаковое место в предложении (оба препозитивны или оба постпозитивны); между ними стоит или может быть поставлен один из следующих союзов: *и, но, или, то есть*. Например: «Математический анализ, зародившийся в XVII в. и бурно развивавшийся в течение всего XVIII в., долго довольствовался этим определением» (Ф., 16). Неоднородные \bar{A} занимают различное место в предложении (одно из них перед определяемым словом, другое после него). Например: «Свойство натурального ряда лежит в основе одного широко распространенного метода доказательств, называемого методом математической индукции» (Л., 9).

Предлагаются следующие несложные правила, определяющие размещение нескольких \bar{A} , относящихся к одному слову: а) описанным выше способом определяем общую характеристику каждого из \bar{A} , относящихся к одному слову; б) если это однородные \bar{A} , складываем характеристики и получаем при этом характеристику, которая является общей для всех однородных \bar{A} . Так, в первом из приведенных примеров общие характеристики +3 и +11. Сложив их, получаем характеристику, общую для обоих однородных \bar{A} , она равна +14. В случае, когда однородные \bar{A} имеют характери-

⁷ Частная характеристика тем больше (по абсолютной величине), чем больше слов в \bar{A} : для \bar{A} , состоящего из трех слов, она = +1, из четырех слов = +3, из пяти слов = +5. Для \bar{A} , состоящего из n слов, характеристика считается равной $2n - 5$. Так, если в \bar{A} шесть слов, частная характеристика равна +7 ($2 \times 6 - 5 = +7$).

стихи, отличающиеся знаком (одна положительная, другая отрицательная), однородные \bar{A} также занимают одинаковое место. Например: «Всякое кольцо, обладающее единицей и содержащее обратный элемент для любого элемента, отличного от нуля, будет полем» (К., 22—23). Характеристика первого $\bar{A} = -2$, характеристика второго $\bar{A} = +13$. Сложив эти характеристики, получаем характеристику, общую для обоих $\bar{A}, = +11$. Распространенные определения следует поставить после определяемого слова; в) если \bar{A} , относящиеся к одному слову, неоднородны, то одно из них следует поставить перед определяемым словом, другое — после него. В препозиции располагается \bar{A} , больше тяготеющее к препозиции, чем другое \bar{A} («более отрицательное» из двух). Например: -2 в паре $(-2; +6)$, -5 в паре $(-5; -1)$, $+2$ в паре $(+2; +8)$. В предложении «Параллельный оси u -ов отрезок AB , соединяющий две какие-нибудь точки A и B этой области, целиком лежит внутри этой области» (П., 45) в препозиции ставится \bar{A} , имеющее характеристику $+3$, в постпозиции — \bar{A} с характеристикой $+5$ (т. е. сильнее, чем первое, тяготеющее к постпозиции).

6. В заключение необходимо указать, насколько соответствует расположение \bar{A} , предписываемое нашими правилами, тому расположению, которое встречается в тексте.

Руководствуясь предлагаемыми правилами, в 1238 примерах из 1300 имеющихся распространенное определение следует поставить именно там, где оно расположено в тексте. Случаи, когда наши правила требуют изменения места \bar{A} , сравнительно редки (62 примера, или 4,77%)⁸. Законно поставить вопрос, происходит ли в этих случаях улучшение или ухудшение текста? Если ухудшение, то не настолько ли резкое, что это ставит под сомнение возможность пользоваться нашими правилами?

При ответе на эти вопросы приходится руководствоваться только языковым чутьем, и эта субъективность в оценке примеров еще усилилась бы, если бы сравнительная оценка конструкций, имеющих в тексте, и конструкций, построенных по правилам, производилась создателем этих правил. Нам представлялось более правоммерным прибегнуть к опросу. Пятнадцати информантам предлагалось выбрать для каждого из рассматриваемых предложений то расположение распространенного определения, которое является «лучшим», или указать на «равноценность» обеих конструкций (понятия «лучший», «равноценный» намеренно не уточнялись).

Относительно большинства примеров мнения расходятся, что уже само по себе указывает на возможность использования обоих вариантов — как того, который имеется в тексте, так и того, который рекомендуется нашими правилами. Определив для каждого из 62 примеров мнение большинства, получаем следующие цифры: а) в 38 случаях изменение места \bar{A} , рекомендуемое нашими правилами, привело бы к ухудшению текста; б) в 9 случаях — к улучшению текста; в) в 15 случаях оба варианта равноценны. Приведем примеры по указанным рубрикам:

«Доказательство существования *проходящей через точку* (x_0, y_0) интегральной кривой дифференциального уравнения (1), которое мы здесь излагаем, основано на теореме Арцеля» (П., 35)⁹; «Давление на площадку, *находящуюся под водой*, равно площади этой площадки» (Н., 9—10); б) « $\varphi(t)$ и $\psi(t)$ удовлетворяют *указанным в примечании на стр. 10 условиям*» (П., 13).

Для каждого из случаев, когда предлагаемые правила ухудшают текст, можно, как будто, выделить добавочные факторы, оказавшие влияние на выбор места распространенного определения. Учет этих факторов привел бы к некоторому уточнению правил, однако это было бы связано со значительным их усложнением*.

* Автор выражает глубокую благодарность И. А. Мельчуку, предложившему тему исследования и давшему ряд ценных советов и указаний, Г. А. Барияновой, Л. Н. Иорданской, В. А. Ицковичу, Л. П. Крысину и И. П. Мучнику за сделанные ими важные замечания, а также всем нашим информантам.

⁸ С привлечением новых текстов их количество, бесспорно, возрастет. Впрочем это увеличение не будет значительным. При проведенной нами проверке процентное содержание случаев, когда правила требуют иного размещения распространенного определения, увеличилось менее чем на 2% (с 4,77% до 6,67%).

⁹ Примеры даются в том виде, какой они имеют в тексте. Наши правила требуют изменения места распространенного определения.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

A. Furdal. Rozpad języka prasłowiańskiego w świetle rozwoju głosowego. — Wrocław, 1961. 114 стр. (Prace Wrocławskiego towarzystwa naukowego. Seria A, Nr 70).

Литература о праславянском языке позднего периода чрезвычайно богата; однако построение истории праславянского языка хотя бы в отношении отдельных элементов его системы, отдельных этапов его развития остается одной из насущных задач современной славистики¹. Казалось бы, что после блестящих работ Н. Ван-Вейка² и длительной дискуссии о классификации славянских языков³, работ Ф. Мареша, Т. Лера-Славинского⁴ и других трудно было ожидать сколько-нибудь значительного исследования по истории фонологической системы праславянского языка эпохи распада; ведь уже давно прекратился приток новых фактов, уже давно исследователи праславянского языка оперируют одним и тем же материалом, совершенствуют лишь методику изучения.

Новая книга А. Фурдаля, как и следовало ожидать, представляет интерес главным образом с точки зрения методо-

логии науки о праславянском языке, хотя автор ставил перед собой, как увидим ниже, иную задачу. Следует сразу же заметить, что рецензируемая книга не обогатила наши знания о праславянском языке новыми фактами, новым материалом. Выводы, к которым пришел в конце исследования автор, также не являются новыми: чаще всего здесь подтверждаются гипотезы и положения, уже высказанные ранее. Можно сказать, что положение осталось *in statu quo ante*. Тем не менее это нисколько не уменьшает достоинства книги: она представляет собой своеобразный итог изучения фонетики праславянского языка теми методами, которые использовались до сих пор в данной отрасли знания. Значительное место уделено вопросам хронологии (абсолютной и относительной) и лингвистической географии; в какой-то мере работа характеризуется и системным подходом, и элементами диахронической фонологии.

В книге мы не найдем последовательного изложения развития праславянской фонологической системы; отдельные явления, как и прежде, рассматриваются более или менее изолированно; перспектива развития целой системы остается лишь фоном с едва заметными очертаниями. Однако каждый рассматриваемый факт автор пытается соотнести в хронологическом и географическом аспекте с другим явлением того же порядка. Цель такого приема сводится не столько к тому, чтобы установить, как распределены во времени имеющийся материал, сколько к тому, чтобы обнаружить диалектное членение праславянского языка, проследить genesis его изоглосс (точнее — изофон). И в этом, пожалуй, главное достоинство книги: данный прием столь последовательно применен впервые к достаточно обширному отрезку развития фонологической системы праславянского языка, хотя сам метод и не нов и в той или иной мере применялся к отдельным явлениям праславянского языка предше-

¹ Ср. В. Н. Топоров, Некоторые соображения относительно изучения истории праславянского языка, сб. «Славянское языкознание», М., 1959.

² N. Van Wijk, *Les langues slaves. De l'unité à la pluralité, 's-Gravenhage, 1956*; его же, *К истории фонологической системы в общеславянском языке позднего периода*, «Slavia», XIX, 3—4, 1950.

³ Ср., например, анкету первого съезда славистов в Праге («Sborník prací, I. Sjezdu slovanských filologů v Praze 1929», II. Přednášky, Praha, 1932), статью Лера-Славинского «Problem ugrupowania języków słowiańskich» (BPTJ, XIV, 1955).

⁴ F. Mareš, *Vznik slovanského fonologického systému a jeho vývoj do konce období slovanské jazykové jednoty*, «Slavia», XXV, 4, 1956; T. Lera-Slavinskí, *Szkic dziejów języka prasłowiańskiego*, «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej», III, Warszawa, 1958.

ствениками А. Фурдаля, начиная с Г. А. Ильинского и кончая Н. С. Трубцким.

Этот труд обладает еще одним неоспоримым достоинством: здесь тщательно учтены точки зрения предшественников автора по предмету исследования; список цитируемой литературы включает в себя свыше двухсот названий, хотя круг вопросов, освещаемых в работе, не так уж и велик (этот список можно было бы расширить еще некоторыми более или менее значительными трудами, ведь наука о праславянском языке богата литературой⁵, но автор имел право и ограничить выбор последней); библиографию, приведенную в книге (стр. 102—108), можно использовать в качестве отправного пункта при изучении праславянской фонетики.

Перейдем к более детальному анализу книги и ее положений. В коротком введении (раздел I, стр. 5—12) автор определяет задачу исследования: «проследить развитие славянской звуковой системы (systemu głosowego) до распада праславянского языка» (стр. 7); при этом для А. Фурдаля, видимо, не существует какой-либо особой принципиальной разницы между звуковой и фонологической системами (ср. *rozwoju systemu fonologicznego*, стр. 5), как, впрочем, и для многих авторов⁶. При определении предмета исследования автор исходит из тезиса о том, что «исследование праславянских диалектов есть прежде всего проблема фонетическая» (стр. 5). Этот тезис основан на гипотезе, по которой в развитии праславянского языка выделяются две эпохи: 1) раннепраславянская с инновациями области морфологии при архаической фонетике и 2) позднепраславянская с диалектным членением, когда при бурном развитии фонетики морфология претерпевала лишь незначительные изменения.

В следующем, II разделе (стр. 13—33) исследуются фонетические процессы, которые, по мнению автора, имели место на первом этапе развития праславянского языка позднего периода (хронологически — с VI—V вв. до н. э.). После беглой характеристики (стр. 13—14) системы консонантизма (система вокализма рассматривается лишь в следующем разделе — стр. 37 и сл.) автор исследует судьбу сочетаний согласных с йотом, вторую палатализацию задненёбных, судьбу со-

четаний *tl, dl*. Фонетические процессы праславянского языка автор объясняет, как это стало уже общепринятым, действием двух тенденций: так называемого закона открытых слогов и тенденции к палатализации (стр. 14). Сопоставляя их, автор приходит к заключению, что действие закона открытых слогов имело большее последствие, чем тенденция к палатализации. Последняя стала действовать в полной мере лишь с момента распада праславянского языка и не ослабела до сих пор в некоторых районах славянской языковой области, о действии же закона открытых слогов трудно говорить после процесса падения редуцированных (стр. 15).

Такая интерпретация может вызвать некоторые сомнения. Если считать, что первая палатализация связана с действием тенденции к палатализации и относится к весьма раннему периоду истории праславянского языка, еще до того как появились какие-либо результаты действия закона открытых слогов, и если учесть далее, что история отдельных славянских языков свидетельствует об увеличивающейся возможности сочетаний несмягченных согласных с гласными переднего ряда, то аранжировку этих тенденций можно будет изменить, причем нам более вероятным кажется приписывать большую древность именно тенденции к палатализации.

Если говорить об аранжировке двух праславянских тенденций, то, может быть, следовало бы свести их обе к одной, которую можно было бы «сформулировать как процесс возрастания монолитности слога и взаимосвязи составляющих его элементов»⁷. В более конкретном плане действие этой последней, покрывающей обе тенденции, можно представить как формирование и развитие (генерализацию) системы группофонем — основных единиц фонологической системы праславянского языка⁸. В таком случае периодизацию развития праславянской фонологической системы можно было бы свести к трем этапам:

I. Формирование группофонем путем передачи ДП (дифференциального признака) дизонтогласного согласному ($C + V \rightarrow C'V \rightarrow \widehat{C'V}$) и создания монолитной дизонтогласной группофонемы. Здесь, так сказать, зарождается и действует так называемая тенденция к палатализации;

II. Развитие (генерализация) системы группофонем путем вытеснения остатков системы фонем: $C + V + C + C + V + C \rightarrow$

⁵ Например, только по вопросу о монофонтизации дифтонгов пропущены некоторые статьи. Есть пропуски в литературе и по вопросу генезиса категории твердости — мягкости, изучаемой автором наиболее подробно.

⁶ Ср., например: А. М. Финкель, Н. М. Важенков, Курс современного русского литературного языка, Киев, 1960, стр. 165—168.

⁷ См. В. Н. Топоров, указ. соч., стр. 26. Может быть, в данной формулировке для большей точности вместо «слога» следовало бы поставить «сочетание согласных с гласным».

⁸ См. В. К. Журавлев, Формирование групповой сингармонизма в праславянском языке. ВЯ, 1961, 4.

$\rightarrow \widehat{CV} + \widehat{CCV} + \epsilon$ или $C + V + S +$
 $+ C + V \rightarrow \widehat{CV} + S + \widehat{CV} \rightarrow \widehat{CVS} + CV \rightarrow$

$\rightarrow \widehat{CS} + \widehat{CV}$, где S — любой сонорный. Здесь зарождается и действует так называемая тенденция к открытому слогу;

III. Распад системы группофонема и формирование системы фонем. В результате действия закономерностей предшествующих этапов образуются такие сочетания $C + V$, где согласные и гласные обретают фонологическую самостоятельность, дифференциальные признаки (ДП), которые раньше объединяли $C + V$ в

единую фонологическую единицу (\widehat{CV}), теперь характеризуют отдельную гласную или согласную: $C + e + u + C + V \rightarrow$

$\rightarrow \widehat{Ce} + u + \widehat{CV} \rightarrow \widehat{Ce}u + \widehat{CV} \rightarrow C'u + \widehat{CV}$, где в группе $C'u$ — после диезного согласного — бемольный гласный, или

$\widehat{Cai} + \widehat{CV} \rightarrow C + i + \widehat{CV}$, где в группе $C + i$ после недиезного согласного — диезный гласный. Здесь прекращается действие тенденции к открытому слогу и палатализации. Логическим следствием процесса распада группофонема и формирования гласных и согласных фонем является процесс падения редуцированных.

И, видимо, потому, что тенденция палатализации прекратила свое действие к началу третьего этапа в результате процесса падения редуцированных (группофонем) на начальном этапе развития славянских языков сложились разные типы корреляций твердости — мягкости. В связи с тем, что процесс распада отдельных группофонема часто приводил к равновесным возможностям, именно на третьем этапе зарождались праславянские диалектные изофоны, а к концу этого этапа сложились праславянские диалекты (группы славянские языки) с различным фонемным составом. Иными словами, первые диалектные черты праславянского языка появляются после монофтонгизации дифтонгов.

Исследуя процесс йотации, А. Фурдаль делает вывод, с которым следует согласиться, что изоглоссы (изофоны) некоторых рефлексов сочетаний согласных с j — относительно позднего происхождения, а первыми праславянскими диалектными чертами были, по А. Фурдалю, следующие (стр. 31):

1) $\chi + \epsilon_2, i_2 \geq \check{s} \| s' \leq i, \upsilon, \epsilon + \chi$,

где $\epsilon_2, i_2 < ai$,

2) $sk + \epsilon_2, i_2 \geq \check{s}c \| s'c'$,

3) $kv, gv + \epsilon_2, i_2 \geq kv, gv \| cv, \check{z}\upsilon$,

4) $tl, dl \geq l \| kl, gl$.

Период действия этих процессов А.

Фурдаль предлагает считать первым диалектным этапом в развитии праславянского языка (II—IV вв. н. э.). Эти диалектные черты разделили праславянскую языковую область на две части — западную и восточную (см. схему на стр. 32). Выводы эти совпадают с выводами Т. Лера-Сплавинского, развитыми им в уже упомянутых работах 1955 г. и 1958 г., а в общем плане эта гипотеза выдвигалась еще А. А. Шахматовым⁹.

Пожалуй, наиболее интересным разделом книги является раздел III (стр. 34—55), посвященный проблеме генезиса и развития категории твердости — мягкости. Здесь выдвигается, как нам кажется, наиболее вероятная из имеющихся гипотез генезиса этой категории¹⁰. Исходным (и отличительным) пунктом гипотезы А. Фурдаля о генезисе корреляции твердости — мягкости согласных является тезис о том, что до корреляции палатальности согласных в праславянском языке сложилась корреляция палатальности гласных (*samogłoskowa korelacja palatalności*, стр. 39). Здесь исследователь с необходимостью приходит к поискам единого термина для обозначений оппозиций гласных и согласных с тем, чтобы преодолеть ту «китайскую стену», которую воздвигла традиционная лингвистика между двумя независимыми «ячейками» — *vocalismus* и *consonantismus*. Думается, что здесь можно бы принять термин «диезность», употребленный нами в аналогичной ситуации для данного явления.

Исследуя генезис корреляции палатальности внутри праславянской фонологической системы, А. Фурдаль связывает с этим явлением двойное отражение индоевропейских слоговых сонантов ($r, l, m, n, \dots \rightarrow \check{r}/\check{r}, \dots, \epsilon/\varphi$ и т. д., стр. 40—41). И эта мысль представляется чрезвычайно продуктивной, хотя она в известной мере и противоречит предложенной А. Фурдалем аранжировке двух основных праславянских тенденций. Представляется, однако, более вероятным переход индоевропейских слоговых сонантов непосредственно в праславянские диезные — недиезные (r/\check{r}) слоговые, без балто-славянской стадии с ir/\check{ur} .

Дальнейшее развитие категории твердости — мягкости А. Фурдаль видит в

⁹ А. А. Шахматов, Очерки древнейшего периода истории русского языка, Пг., 1915.

¹⁰ Данной проблемой А. Фурдаль занимается, видимо, давно и успел опубликовать несколько специальных работ: A. Furdal, *Mazowieckie dyspalatalizacje spółgłosek wargowych miękkich*, Wrocław, 1955; его же, *Uwagi o rozwoju słowiańskiej kategorii palatalności*, сб. «Rozpraw Komisji językowej [Wrocławsk. t-wa naukowego]», II, 1959.

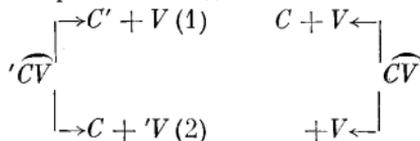
процессе совпадения трех рядов согласных — твердых (...*r*, *l*, *n*, ...), твердых смягченных (...*ř*, *ḷ*, *ṇ*...) и мягких, т. е. йотированных (...*ṛ*, *ḷ*, *ṇ*...) — в два ряда: твердые и мягкие (стр. 46). При этом образуется новая изоглосса, делищая праславянскую языковую территорию на две части: северную и южную. На севере мягкие варианты твердых сөвалли с мягкими, на юге — с твердыми.

Процесс совпадения трех рядов согласных в два ряда давно подмечен и, очевидно, имел место. Этот процесс имеет определенное отношение не только к категории твердости — мягкости, но и к явлениям так называемого мазуренья¹¹. Здесь хотелось бы выразить некоторые сомнения относительно традиционной трактовки вопроса. Во-первых, едва ли удачным является употребление термина «мягкие» как для согласных, входящих в сочетания с йотом, так и для согласных, стоящих в позиции перед гласными переднего ряда. Представляется более удобным так называемые смягченные согласные называть дизезными (сокращенно: $\pm D$, т. е. плюс дизезность) и обозначать знаком минуты — t' , r' . Йотированные согласные как нейтральные по ДИ дизезности ($\pm D$) можно обозначать, применяя гачек, — t , r , s ; в этом случае твердые, т. е. недизезные ($-D$), можно будет оставить без обозначения. Тогда будет ясно, что \check{c} , \check{z} , ... (см. таблицу на стр. 46), \check{s} , \check{z} , ... (см. таблицу на стр. 52) на фонологическом уровне нельзя считать мягкими. Они — нейтральные, так как не имеют противопоставления по твердости. Без такой трактовки, видимо, трудно будет понять последующие процессы «отвердения» шипящих. Во-вторых, трудно согласиться с традиционным представлением, что этот процесс был центральным, основным в генезисе и развитии категории твердости — мягкости. Ведь о совпадении «твердых смягченных вариантов» с «мягкими» можно сколько-нибудь серьезно говорить только для *r*, *l*, *n*. Если бы ряд «смягченных» слился с рядом прежних «мягких» (см. стр. 51 и таблицу на стр. 52), то в русском языке, например, вместо *семя*, *зима* говорили бы *шемя*, *жима*, вместо *пиво* говорили бы *пивоо*, а если признать вероятной проноцию $t : t' : t^{\check{}} = r : r' : x$, где $x = r^{\check{}}$, то в русском языке в случае правильности традиционной гипотезы вместо *ремень*, *река* должно было бы звучать *ржемень*, *ржека*.

Кроме того, в случае принятия этой гипотезы почти неодолимым препятствием стал бы весь южнославянский материал,

как это и имеет место¹². А между тем сам А. Фурдаль, кажется, нашел ключ к разрешению проблемы, подметив, что суть процесса сводится к «перенесению корреляции палатальности с системы гласных на систему согласных» (стр. 49). Однако этот тезис в книге не развит.

Если принять гипотезу о группофонемах, то генезис категории твердости — мягкости можно было моделировать так: к концу второго этапа развития фонологической системы дизезные группофонемы были противопоставлены недизезным: $\widehat{CV} : \widehat{CV}$ (нейтральные $\vee \widehat{CV}$ пока можно опустить). На третьем этапе, в период распада группофонем, ранее общий признак дизезности мог принять на себя или гласный или согласный. Ожидаем два вероятных исхода:

В случае первого исхода получаем корреляцию $C' : C$ и отсутствие корреляции $V : V$ (другими словами, отсутствие противопоставления гласного переднего ряда гласному заднего ряда), т. е. реально возможно смещение гласных переднего — заднего ряда, что и наблюдается в языках с развитой корреляцией твердости — мягкости согласных (ср. русск. *нос*, польск. *wiara*; сюда же, видимо, русск. *молоко*). Взаимосвязь между корреляцией палатальности согласных и перегласовкой гласных подметил и А. Фурдаль (стр. 35). В случае второго исхода получаем корреляцию $V : V$ и отсутствие корреляции $C' : C$.

В небольшом IV разделе (стр. 56—67) исследуется процесс распада праславянского языка. Здесь рассмотрена судьба *tort*, *ort* и некоторые морфологические изоглоссы (*ę/ě*, *-ьмь/-оть* и др.); здесь же делается вывод о втором диалектном этапе развития праславянского языка, который автор считает переломным (стр. 66), т. е. этапе, когда основные изоглоссы пошли в направлении разграничения южных и северных праславянских диалектов. Хронологически этот этап автор относит к V—IX вв. и связывает со вторжением аваров и венгров на языковую территорию славян.

В следующих V и VI разделах рас-

¹² Ср. § 43 «Pochodzenie spółgłosek w języku bułgarskim» (стр. 90—93) и статью Т. В. Поповой «К вопросу о типологической характеристике болгарских диалектов» (ВЯ, 1961, 5), а также интерпретацию сербского материала в кн.: Л. Э. Калынь, Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках, М., 1961.

¹¹ Ср. дискуссию о мазуреньи и статью Е. Куряловича «Uwagi o mazużeniu» (ВРТЈ, XIII, 1954, стр. 9 и сл.).

считается генезис изоглосс внутри северной и южной областей. Здесь хотелось бы сделать одно небольшое замечание относительно рефлексов *Ѣ*. А. Фурдал, столь внимательный к данным лингвистической географии, в этом случае опустил факт совпадения изоглосс для рефлексов *Ѣ* и *ѣ* (стр. 76—81). А между тем этот факт имеет, как нам кажется, исключительно важное значение. Эта изоглосса не является случайной: при «узком» *ѣ* (*Ѣ*) образуется «пустая клетка», которую заполняет *ѣ*, после чего ДП назальности оказывается избыточным. При «широком» *ѣ* (*Ѣ*) «пустой клетки» нет, и ДП назальности сохраняется.

В качестве выводов, изложенных в разделе VII (стр. 94—99), А. Фурдал предлагает: 1) подтверждение гипотезы Лера-Славинского о раннем диалектном членении праславянской территории на восточную и западную; 2) подтверждение основ подразделения славянских языков на три группы — западную, восточную и южную; 3) интерпретацию некоторых отдельных диалектных черт в плане относительной хронологии с попыткой «связывать эти черты с эволюцией всей системы» (стр. 95); 4) вычленение двух этапов в развитии праславянского языка позднего периода. Кроме того, к книге приложена схема изоглоссных областей, по материалу и по его обработке напоминающая известную схему, данную в книге трех польских авторов¹³.

¹³ T. Lehr-Splawiński, W. Kuraszkiwicz, F. Sławki, *Przegląd i charakterystyka języków słowiańskich*, Warszawa, 1954.

Заканчивая рецензию на весьма интересную и полезную книгу А. Фурдала, хочется подчеркнуть, что приемы и методы исследования праславянского языка, примененные в данной книге и во многих других работах, могут дать весьма ценные результаты стратификации праславянского материала в плане относительной хронологии отдельных, по существу разрозненных фактов; этими приемами можно упорядочить лишь отдельные звенья, но для воссоздания общей картины развития праславянской фонологической системы эти методы недостаточны. Здесь, видимо, придется переходить к методу моделирования процессов и проверки сконструированных гипотетических моделей на имеющемся материале, постепенно воссоздавая отдельные фрагменты и картину в целом. Даже беглый набросок общей модели процесса или фонологической системы может быть дополнительным и весьма удобным инструментом исследования. Там, где А. Фурдал методами относительной хронологии и лингвистической географии восстанавливает отдельные элементы праславянского материала, выводы менее значительны; часто это — подтверждение положений, уже сформулированных другими авторами. Более значительные, интересные и самостоятельные выводы получаются там, где автор соотносит данное явление с системой, с процессом в целом; к сожалению, этот прием А. Фурдал использует гораздо реже.

В. К. Журавлев

H. Marchand. The categories and types of present-day English word-formation. A synchronic-diachronic approach, Otto Harrassowitz, Wiesbaden.—1960, 379 стр.

Монография Г. Марчанда «Словообразовательные категории и типы современного английского языка», над которой автор работал более двадцати лет, является первой попыткой системного и систематического описания всех основных моделей производных (composites), представленных в современном английском языке. Являясь сводной работой Г. Марчанда, эта книга, с одной стороны, суммирует большой опыт, накопленный автором по описанию процессов словообразования во французском, итальянском, немецком и, преимущественно, английском языках; с другой стороны, она объединяет в целостную систему те отдельные теоретические соображения, которые уже высказывались автором по тому или иному вопросу и были разбро-

саны по разным зарубежным периодическим изданиям¹.

Выгодно отличаясь от более ранних исследований по английскому словообразованию исключительной полнотой собранного материала, а также ясностью и цельностью исходных теоретических установок, книга Г. Марчанда вместе с тем представляет значительную ценность не только для специалиста по английскому языку. Содержащиеся в ней данные по истории изучения словообразования и теории словопроизводства вообще, а, главное, предлагаемые автором приемы син-

¹ Библиографию см. в обзоре Н. Д. Арутюновой «Статьи Г. Марчанда по теории синхронного словообразования», ВЯ, 1959, 2.

хронного описания системы словообразования делают ее интересной для всех языковедов, занимающихся исследованием в этой области. Именно поэтому в настоящей рецензии нам казалось более целесообразным не только дать оценку этой книге с точки зрения достоинств или недостатков предложенного здесь описания частной системы словообразования (английского), но и привлечь внимание читателя к обсуждению ряда тех актуальных вопросов словообразования, которые были подняты Г. Марчандом в общетеоретическом плане и нашли в его книге то или иное конкретное решение.

*

Рецензируемая книга делится на десять разделов, в каждом из которых (за исключением первого — «Введения») подробно рассматривается определенный способ словопроизводства — словосложение, префиксация, суффиксация и т. д.

Ставя перед собой во «Введении» задачу описания тенденций словообразования на примере разнообразных словообразующих типов, автор указывает, что под словообразованием, по его мнению, следует понимать раздел науки, связанный с изучением моделей, по которым язык создает новые лексические единицы, т. е. слова. Предметом рассмотрения в словообразовании являются, однако, не все слова данного языка, но только слова производные. Под производной (composite) Г. Марчанд имеет в виду составную и, следовательно, разложимую единицу, отношения между морфемами которой обуславливают в известной степени ее содержание, т. е. носит характер мотивированной связи [ср. *rain-bow* «радуга» (буквально: «дождевой свод, арка»), *do-er* «дея-тель» и т. д.]. Подобная мотивированная связь проявляется не только в случаях соединения полноценных лингвистических единиц, как в приведенных выше примерах. По мнению Г. Марчанда, частичную мотивированность можно усматривать и в тех случаях, когда в системе данного языка определенным фонемам приписывается условное значение и они, таким образом, тоже принимают участие в создании новых слов (см. стр. 317 и далее). Таким образом, вопреки утверждению Ф. де Соссюра, полагавшего, что звукоподражательные слова никогда не являются органической частью системы языка и что их создание в известном смысле произвольно², Г. Марчанд вводит экспрессивную лексику в круг своего изучения и посвящает ее образованию специальный раздел. Вы-

деление разделов своей книги Г. Марчанд мотивирует тем, что объектом его исследования является любое новообразование (*new coinings*), в котором можно установить какую-либо (значащую) взаимосвязь между морфемами в синхронном плане. А это, по его мнению, возможно: 1) при создании грамматической синтагмы, т. е. соединении полнозначных лингвистических единиц (как это имеет место в словосложении, префиксации, суффиксации, обратной деривации и словопроизводстве при помощи нулевой морфемы), и 2) при образовании неграмматических синтагм и соединении неполнозначных лингвистических единиц (как это имеет место в экспрессивном словопроизводстве, а также при создании аббревиатур, контаминаций, искусственных слов, или при участии в образовании новых слов аблаута и рифмующихся элементов).

Подобное расширение рамок словообразования Г. Марчанд связывает с установлением критерия релевантности в словопроизводстве. Что можно считать в принципе относящимся к словообразовательному анализу? Каждый раз, когда звуковая корреляция поддерживается смысловым различием и эта связь в синхронном плане осознается как живая, мы можем говорить об образовании производного: отношения деривации при этом не обязательны. Обязательны лишь регулярные противопоставления как в плане означаемого, так и в плане означаемого. Там, где эти регулярные противопоставления налицо, они релевантны для исследования системы словообразования.

Проблема релевантности в словообразовании тесно связывается Г. Марчандом и с проблемой морфемного строения слова. Насколько нам известно, именно Г. Марчанд, возражая против узко дескриптивного подхода к фактам словообразования, первым указал на то, что дескриптивный анализ слов не может привести к построению системы словообразования; «...дескриптивный анализ слов и деривационная релевантность — это не одно и то же», — пишет Г. Марчанд (стр. 4) и поясняет это далее тем, что одного дескриптивного описания слова, т. е. констатации в нем определенных морфем (или алломорф), недостаточно, ибо знание морфемного построения слова еще не означает знания места этих лингвистических форм в системе данного языка. Между тем релевантным признаком словообразовательной модели является ее системный характер, находящий свое выражение в существовании системных (регулярных, закономерных, повторяющихся) связей между составными частями модели. Важна типичность и воспроизводимость (продуктивность на данный момент) определенных морфологических изменений, и именно их наличие при указанных условиях является «критерием релевантности в области словообразо-

² См. Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 80.

вания»³. Собственно на понятии типичности и типа (модели) и должна строиться система словообразования. Это требование, и раньше интуитивно осознававшееся большинством исследователей, находит в книге Г. Марчанда серьезную аргументацию.

Большим достоинством книги Г. Марчанда является также внимание к фактору продуктивности. Отвергаемое крайними представителями дескриптивного американского языкознания⁴, это понятие, однако, является необходимым при описании системы словообразования, и пренебрежение им приводит на практике к смешению гетерогенных образований и неправильному пониманию коррелятивных пар.

При определении продуктивности того или иного языкового явления в силу вступают требования строгого различения синхронного и диахронного моментов: только учитывая это различие, мы можем дифференцировать частотность модели как ее количественную характеристику и собственно продуктивность как качественную характеристику модели, действительную лишь для указанного промежутка времени. Разумеется, в каждом живом языке продуктивные модели как модели активные сосуществуют наряду с отжившими, пассивными моделями, которые вместе с тем могут лежать в основе весьма значительных рядов слов, но отличаются от продуктивных моделей тем, что уже не дают новообразований по своему образцу и подобию. Описание системы словообразования в синхронном плане, строго говоря, предполагает только описание моделей первого рода. Однако сам факт совмещения этих разных моделей в одной плоскости делает по существу неизбежным смешанное описание системы: с одной стороны, описываются действительно продуктивные модели, с другой стороны, учитываются наиболее распространенные модели данного языка. Примером такого описания может служить и рецензируемая книга Г. Марчанда (см., например, описание суффикса *-acy* в § 4. З. 1, где самый поздний пример с этим суффиксом датируется 1846 годом). В структурном плане это означает только, что синхронный срез также приобретает значительную временную протяженность (так, скажем, понятие «современного языка» охватывает несколько веков).

Центральное место в монографии Г. Марчанда занимает именно установление действующих, активных моделей словообразования. В то же время автор

делает попытку описать становление этих релевантных в структурном отношении типов на предыдущих этапах развития языка. В этом смысле он и называет свою точку зрения «синхронно-диахронной», а свою книгу «опитом синхронно-диахронного подхода» к словообразованию. Впрочем нельзя не отметить, что несмотря на огромную работу, проделанную автором по собиранию сведений исторического характера (уточнение датировки появления слова, его первой фиксации, определение хронологических рамок особого распространения той или иной модели и т. д.), истории отдельных словообразовательных типов в книге не содержится. Исторические экскурсы в ней недостаточно систематичны, а, главное, все приводимые здесь исторические сведения никак не обобщены и поэтому при всей их ценности в каждом отдельном случае самостоятельного значения не имеют. В этом смысле, поскольку диахронический метод сведен здесь по существу к широким историческим комментариям, книгу следует по праву считать лишь опытом с и н х р о н н о г о описания языка; ценность книги от этого, разумеется, ничуть не уменьшается.

*

Раздел «Словосложение» посвящен анализу существующих в английском языке типов сложных слов и критериям их отграничения от синтаксических групп. Значительный интерес в этом разделе представляет уточнение понятия сложного слова применительно к английскому языку и выделение структурных признаков сложного слова в морфологическом плане.

Под сложным словом Г. Марчанд понимает объединение двух или более слов в одну морфологическую единицу. Сложное слово состоит из определяющей («determining») и определяемой («determined») частей; при этом в английском языке определитель или детерминант, как правило, предшествует определяемому («determination»). Там, где этот принцип не соблюдается, мы имеем дело либо с синтаксическими сложными словами (типа *father-in-law* «свекор; теща»), либо сложениями-займствованиями (типа *MacDonald*). Случаи инвертированного расположения компонентов сложного слова автор склонен объяснять эмоциональными мотивами (в качестве примера им приводится исл. *mann-skratti* «человек-дьявол», ср. англ. *devil of a man*, а также производные с оценочными, уменьшительными, ласкательными и т. д. суффиксами типа англ. *daddy*, нем. *Väterchen* «папочка» и т. д.).

Описывая сложные существительные, Г. Марчанд вслед за некоторыми исследователями делит сложные слова на эндоцентрические (ср. *rain-bow* «радуга».

³ См. Н. Д. А р у т ю н о в а. Очерки по словообразованию в современном испанском языке, М., 1961, стр. 30.

⁴ См., например, Z. H a r r i s, *Methods in structural linguistics*, Chicago, 1951, стр. 225.

и экзоцентрические (типа *pickpocket* «карманный вор», *blackout* «затемнение»).

На связь образования сложного слова с ударением внимание исследователей было обращено уже давно⁶, и Марчанд в этом смысле не является оригинальным. Огромное достоинство Г. Марчанда, однако, заключается в том, что он, во-первых, дает четкое определение единой модели ударения для всех сложных слов, а это означает, что класс сложных слов получает в его интерпретации надежный «опознавательный знак» в виде определенного структурного (формального) признака, и, во-вторых, что он пытается объяснить, чем вызывается отклонение от указанной выше модели ударения в каждом конкретном случае. Тем самым Г. Марчандом устанавливаются критерии отграничения сложного слова от синтаксической группы, т. е. словосочетания.

«Для того чтобы комбинация слов являлась сложным словом, — пишет Г. Марчанд, — необходимо одно условие: сложное слово должно быть морфологически изолировано от параллельной синтаксической группы» (стр. 14—15). Несомненно, наиболее частым способом такой изоляции (и, следовательно, дифференциации сложного слова и словосочетания) является специфическая модель ударения (ср. коррелятивную пару *black bird* «черная птица», но *blackbird* «дрозд»). Структурной модели — следует подавляющее большинство сложных слов, особенно из числа модели «существительное + существительное». Отклонения от указанной модели ударения могут объясняться либо тем, что перед нами синтаксическая группа (т. е. определенительное словосочетание типа *stone wall* «каменная стена»), либо тем, что в построении и складывании подобного сложного слова не принимает участия ударение и тогда поиск фактора, служащего цементированию слов в сложное слово, должны быть направлены на другие морфонологические изменения.

Анализируя комбинацию слов, объ-

единенных ударением по схеме $\acute{\ } \acute{\ }$ (два главных, или сильных, ударения), мы должны, следовательно, руководствоваться уже не критериями ударения — оно в данном случае лишено морфонологического статуса, — но выяснить, достигается ли здесь морфологическая изоляция другими средствами и если достигается, то какими именно. Для английского языка существенными оказываются разные способы расположения компонентов в подобных сочетаниях, т. е. по существу скорее синтаксические, чем морфонологические признаки. Так, модели *easy-going* «беспечный», *high-born* «человек знатного происхождения»; «аристократ» и т. д. — это сложные слова, так как в обычной синтаксической группе причастия *going* и *born* не могли бы определяться прилагательными; подобно этому сочетание *grass-green* «травянисто-зеленый» тоже должно рассматриваться как сложное слово: морфологическая изолированность связана здесь с примыканием существительного и прилагательного (в синтаксической группе обычным было бы расположение *green as grass* «зеленый, как трава»). Сложное прилагательное *icy-cold* (буквально: «ледяной — холодный») отличается от нормальной синтаксической группы (словосочетания) постановкой прилагательного вместо наречия перед другим прилагательным и т. д. Формированию сложных может служить и особая паузировка: ср. отсутствие паузы между компонентами *German* и *Russian* в сложном прилагательном *German-Russian (war)* «немецко-русская (война)» с наличием паузы между прилагательными в словосочетаниях типа *long grey (beard)* «длинная седая (борода)» и т. д. (§ 2, 1.11).

Следует отметить, что подобное описание структурных особенностей сложных слов и методов отграничения их от аналогичных словосочетаний является одной из сильных сторон монографии Г. Марчанда. Выделение единого критерия определения сложных слов — их морфонологической изолированности — должно быть признано серьезным достижением автора, а всесторонний анализ и учет разных формальных критериев в области словообразования может быть всячески рекомендован при исследовании и других германских (и, по-видимому, не только германских) языков.

Следует также подчеркнуть, что хотя Г. Марчанд отводит формальным критериям решающую роль, ему не свойственно пренебрежение к семантической стороне дела, характерное для многих представителей зарубежного языкознания.

Пытаясь определить отнесение подобных единиц в языке то к сложным словам, то к словосочетаниям, Г. Марчанд прямо указывает на то, что наиболее важным фактором (в таких случаях) является понятие или идея, в них со-

⁵ Разграничение на экзоцентрические и эндоцентрические образования было впервые обосновано А. Александровым в диссертации «Litauische Studien», I — «Nominalzusammensetzungen» (Dorpat, 1888) и затем принято большинством компаративистов.

⁶ См., например, L. Bloomfield, *Language*, New York, 1933, стр. 228.

⁷ К сожалению, приходится констатировать, что Г. Марчанду, по-видимому, неизвестны работы советских исследователей по этому вопросу. См., например, А. И. Смирницкий, О. С. Ахманова, *Образования типа stone wall, speech sound* в английском языке, «Докл. и сообщ. [Ин-та языкознания АН СССР]», 1952, 2.

держаться (стр. 15). Основываясь на этом принципе, Г. Марчанд пытается установить и некоторые категории отношений между означающим и означаемым в сложных словах, с одной стороны, и в словосочетаниях, с другой.

К сожалению, Г. Марчанд не говорит о том, к каким объективным методам исследования можно прибегнуть, чтобы в случае расхождения в понимании подобных сочетаний и разного их оформления ударением (а это, как он сам пишет, весьма часто) установить принадлежность такого комплекса к сложному слову или словосочетанию. Этот вопрос очень важен, ибо от его решения зависит, скажем, учет подобных единиц в словаре. Неясно также, как анализировать эти сочетания в письменном тексте, где разница между главным и второстепенным ударением, естественно, никак не фиксируется, а их слитное или раздельное написание, по мнению Г. Марчанда, не может служить серьезным аргументом в пользу того или иного осмысления сочетания. Проблема *stone wall*, таким образом, окончательного решения и в этой книге не получает.

Переходим к рассмотрению образований, первой частью которых являются препозитивные частицы. Самим Г. Марчандом эти образования рассматриваются частично в разделе о словосложении (см. § 2.3.0 и далее и 2.3.9 и далее), а частично в разделе «Префиксация» (см. §§ 3.1.1 и далее), поскольку, по мнению Г. Марчанда, префиксом может считаться только морфема, не встречающаяся в самостоятельном употреблении. Признавая, что вопрос о префиксации и ее объеме в системах словообразования германских языков является до сих пор одним из наиболее дискуссионных проблем германистики⁸, мы считаем все же, что в решении этой проблемы у Г. Марчанда много спорного: более оправданным кажется нам одноплановое рассмотрение всех образований с частицами в качестве префиксальных (т. е. их причисление к аффиксальным производным, а не сложным словам). Именно такое понимание аналогичных словообразовательных моделей находим мы в трудах академика В. В. Виноградова, посвященных русскому словопроизводству⁹.

⁸ Подробное изложение вопроса и литературы на тему см. в статье К. А. Л е в к о в с к о й «О специфике префиксации в системе словообразования», сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955, стр. 289 и сл.

⁹ См., например, «Современный русский язык. Морфология (Курс лекций)», М., 1952, стр. 256 и сл., где прилагательные типа *сверхнизкий*, *довоенный*, *послереволюционный*, *международный* и т. д. рассматриваются как префиксальные (префиксально-суффиксаль-

ные) образования, но не как сложные слова.

Хочется отметить еще два обстоятельства: во-первых, исключительную важность приводимых здесь исторических сведений (автором со скрупулезной точностью собраны факты, разбросанные по самым различным источникам); во-вторых, широкое привлечение материала из других областей англистики. Из новых понятий, выдвинутых в настоящем разделе, — а понятие суффикса и его отграничение от окончаний носит здесь вполне традиционный характер (см. §§ 4.1.1 и 4.1.2), — стоит упомянуть о понятии *полусуффикса*¹⁰. Указывая, что по происхождению суффиксы могут восходить к полнозначным словам, подобно английским *-hood* и *-dom*, еще в древнеанглийском языке имевшим самостоятельное хождение в виде отдельных слов, Г. Марчанд констатирует в языке и такую возможность, когда определенное слово начинает встречаться в языке только в качестве второго компонента производного слова. От суффикса оно отличается тем, что и по форме и по значению оно ощущается как слово, т. е. в известной степени как независимая единица; от вторых же компонентов сложного слова оно отличается невозможностью свободного употребления (см. стр. 158). Таковы, по мнению Г. Марчанда, единицы *-monger*, *-wright*, *-wise*, *-like* и др. Их описанию — автор называет эту промежуточную категорию *полусуффиксом* — посвящена специальная глава, но материал, приведенный здесь, не бесспорен. Так, в качестве полусуффикса Г. Марчандом рассматриваются элементы *-like*, *-worthy* и *-wise* (ср. *apelike* «обезьяноподобный», *godlike* «богообразный», или *otherwise* «в противном, ином случае»), в современном английском языке употребляющиеся самостоятельно, хотя в несколько измененном значении и функции (стр. 290—292), и в целом предложенное им новое понятие должного развития не получает.

В разделе «Деривация при помощи нулевой морфемы» Г. Марчандом рассматриваются такие случаи словообразования, когда «определенная основа используется для создания слова, принадлежащего другой категории, без прибавления деривационного элемента» (стр. 293). Термин «конверсия», бытующий в англистике, кажется Г. Марчанду неудачным, так как он, помимо вышеприведенных случаев, охватывает и случаи употребления слов в несвойственной им функции (типа *the poor*; *his 'I don't know's* и т. д.); к тому же, по мнению Г. Мар-

ных) образования, но не как сложные слова.

¹⁰ В советском языкознании это понятие, совершенно независимо от Г. Марчанда, было выдвинуто М. Д. С т е п а н о в о й в книге «Словообразование современного немецкого языка» (М., 1953).

чагда, здесь ничто не конвертируется. Употребление некоторых слов для образования лексических синтагм, в которых определяемое принимает нулевую форму, нельзя называть и функциональным изменением, ибо данное слово никаких функциональных сдвигов не испытывает. Вопреки мнению о том, что возникновение деривации при помощи нулевой морфемы находится в прямой связи с утратой флексии, Г. Марчанд утверждает, что ослабление флексии не имеет ничего общего с проблемой нулевой деривации. В латинском языке, богатом флексиями, многочисленны отыменные глаголы (*corona/coronare, lacrima/lacrimare* и т. д.); в испанском языке, где глаголу свойственна разветвленная система окончаний, а имени — только окончания рода и числа, широко представлены образования с нулевой морфемой и от имени и от глагола (стр. 294). Широкою распространённость в английском языке пар типа *loan* «занимать, заимствовать» от *loan* «заем, заимствование» Г. Марчанд видит прежде всего в бедности способов создания отыменных глаголов, для чего здесь служат только *-ate* (в латинизмах и научной лексике), *-ize* (в технической лексике) и *-ify* (в книжной лексике). Узкая сфера применения последних привела к тому, что нормативным словообразовательным типом стала ощущаться только вербализация имен при помощи нулевой морфемы (стр. 296).

В качестве основных моделей, полученных путем нулевой деривации, Г. Марчанд рассматривает отыменные глаголы типа *to end* «копать» от *end* «конец» и, наоборот, отглагольные существительные типа *look* «взгляд» от *to look* «смотреть»; таким образом, в центре его внимания оказываются, собственно, процессы вербализации и субстантивизации основ других частей речи. Эти процессы понимаются им как оформление новой словарной единицы, относящейся уже к другой части речи, т. е. как транспозиция из одной части речи в другую, достигаемая не функционально¹¹, а при помощи нулевой морфемы. Детали этих процессов освещены Г. Марчандом очень подробно и обстоятельно.

В разделе «Обратная деривация» Г. Марчанд очень кратко описывает появление слов типа *televise* «показывать по телевидению» от *television* «телевидение» по образцу *revise/revision* и указывается на некоторое отличие этого способа словообразования от других: обратное словообразование релевантно только с диахронической точки зрения, так как в синхронном плане мы сталкиваемся как

бы с уже готовой пропорцией типа *write: writer, peddle: peddler*, и факт образования слова *writer* «писатель» от *write* «писать», но *peddle* «торговать вразнос» от *peddler* «торговец вразнос» не осознается и представляет интерес только с исторической точки зрения. В лингвистическом отношении он интересен тем, что демонстрирует некоторые из возможных типов словообразования, реально имеющих место в речи. В разделе «Фонетический символизм» автор задается вопросом о том, «какие именно фонемы используются в языке для создания новых слов и какова, соответственно, символическая значимость подобных фонем» (стр. 317). В основе этого раздела лежит мысль о том, что «звукоподражательные слова создаются не беспорядочно. Их образование обуславливается системой языка, к которой они принадлежат» (там же, стр. 317).

Исключительно интересная сама по себе, эта часть книги, однако, не имеет — вопреки мнению Г. Марчанда — отношения к словообразованию. Г. Марчанд не считает, что этот раздел нарушает выдвинутый им самим принцип, согласно которому в словообразовании нет места изучению номем (стр. 2—3)¹², и анализирует здесь одноморфемные образования, связанные начальной или конечной символической звуком, например, звукоподражательные слова типа *flick, hack, clack, smack, snack* и т. д., рассматриваемые им в рубрике «символизм конечных фонем» (см. стр. 314 и далее).

В разделе «Мотивация при помощи лингвистической формы: аблаут и рифмующиеся сочтения» рассматриваются ложные сложения типа *singsong, chitchat, popsy-wopsy*, которые обычно остаются вне рамок исследований по словообразованию.

В разделе «Аббревиатуры» разбираются значимые сокращения слова за счет выпадения одной из их частей. Образцы *mag* от *magazine*, получают не только сокращенную форму слова: вразных типах речи эти слова не взаимозаменяемы, хотя логическое их содержание остается одним и тем же. В этом смысле английские аббревиатуры релеванты не столько в системе языка («la langue»), сколько в речи («la parole»): как только аббревиатура перестает соотноситься со словом, от которого она образована, она уже не подлежит больше изучению в словообразовании, и ее следует рассматривать в лексике (стр. 37). Г. Марчанд разли-

¹¹ Например, при помощи артикля (*the poor* «бедные») или постановки существительного перед другим существительным (*a government job* «правительственное задание») и т. д. (стр. 293).

¹² Для того чтобы аргументировать допустимость рассмотрения номем подобного рода в словообразовании, Г. Марчанд готов признать «морфемный характер начальных и конечных фонем в звукоподражательных словах („symbol-coined words“»)» (стр. 319), что полностью разрушает само понятие морфемы.

чает три типа аббревиатур («clippings»): а) с усеченным конечным элементом («back clipping»): *lab* для *laboratory* «лаборатория»; б) с усеченным начальным элементом («fore-clipping»): *plane* для *airplane* «аэроплан»; в) аббревиатуры — сложные слова («clipping-compounds»): *Eurasia* для *Europe + Asia* «Евразия». Из них наиболее распространенным является первый способ (он часто представлен в уменьшительных от имен собственных; ср. *Ben* от *Benjamin*, *Rob* от *Robert* и т. д.). Подробно рассматривая способы и типы сокращений, а также причины возникновения этих слов, Г. Марчанд указывает на то, что создание аббревиатур (за исключением сокращенных форм имен собственных) было неизвестно в древние времена и является, таким образом, продуктом современности.

В разделе «Контаминация и искусственное создание слов» Г. Марчанд указывает, что контаминация — сшивка отдельных частей слов в новую словарную единицу (ср. *sm/oke* «курить» и *flog* «туман» > *smog* «дым от накуренного») — может считаться релевантной для словообразования только в том случае, если перед нами сознательное и намеренное создание нового слова, составная часть которого осознается как значение, а новобразование в целом как мотивированное связью его составных частей (стр. 367). В то же время, поскольку результатом контаминации является молема, т. е. одномоформное образование, с синхронной точки зрения она вряд ли может рассматриваться как мотивированная синтагма. В этом смысле контаминация — это объект изучения стилистики, а не грамматики.

В этом же разделе рассматривается и искусственное создание слов («word-manufacturing»), получившее в английском языке широкое распространение в сокращенных названиях обществ, организаций (*NATO*, *UNRAA*), различных нововведений в технике (*radar*, *carborundum*), новых географических пунктов (*Dakoming* = *Dakota + Wyoming*) и т. д. и т. п. Чаще всего представлены сокращения по первым буквам слов, входящих в полное название предмета, организации и т. д. (т. е. типа *NATO*), однако возможна сшивка первых слогов (ср. русск. *комсомо́л*) и комбинированное сочетание того и другого (*radar* = *radio direction finding and range*).

Приводимый автором материал очень интересен, но непонятно, почему Г. Марчанд отрывает данный способ словообразования от аббревиатур, с которыми у него много общего и разнородности которого он, по нашему мнению, является [(ср. *Eurasia* = *Europe + Asia* и *Sial* = *silicon + aluminium*; по терминологии автора, первое — это аббревиатура, второе — искусственно созданное слово, «сплав» («blending»)].

*

Книга Г. Марчанда не является историей английского словообразования, и читатель не найдет здесь данных о вымерших и непродуктивных типах словообразования. Далека эта книга и от исследований о словообразовании в германских языках, написанных в сравнительно-историческом плане, и здесь нет компаративных данных в строгом смысле этого слова. Вдумчивый читатель, однако, сможет почерпнуть здесь сведения и о становлении и развитии системы английского словопроизводства, и о некоторых особенностях, отличающих систему английского словообразования от словообразования в других германских языках (особенно немецкого). В книге нет такой завершительной, обобщающей части (и это, конечно, можно вменить автору в вину), в которой сведения, подобные указанным выше, были бы даны в суммарной форме. Отсутствуют здесь и некоторые данные о системе английского словообразования в целом: о частотности использования тех или иных способов словообразования по отношению друг к другу; о самых продуктивных словообразовательных моделях (из 441!); об относительной роли отдельных словообразовательных приемов для создания слов, принадлежащих к разным частям речи; о некоторых принципиальных отличиях глагольного словообразования от именного; о хронологических рамках наибольшей распространенности, или, наоборот, спада отдельных словообразовательных моделей и об их причинах, способствующих развитию, или свертыванию разных моделей и т. д. и т. п. Но все эти и подобные им выводы читатель может сделать и на основании того фактического материала, который получил здесь продуманную до самых тонких деталей, очень стройную и четкую систему подачи. Вот почему, завершая обзор книги, хочется еще раз подчеркнуть тот поистине титанический труд, который проделал автор по сборанию фактического материала. Радует, однако, не только свежесть, исключительная «подобранность» и новизна используемых данных, но, в первую очередь, продуманность и строгость их классификации, глубина их осмысления.

В работе Г. Марчанда нашли отражение существующие точки зрения в трактовке отдельных словообразовательных типов, и она продолжает лучшие традиции в изучении английского словообразования, но самостоятельность и оригинальность суждений автора не подлежат никакому сомнению. Конечно, в книге много спорного и дискуссионного, но ведь книга по своему существу носит новаторский характер: перед нами первая в истории английского (да, собственно,

и не только английского) языкознания попытка представить систему словообразования одного языка в синхронном плане во всей ее полноте и структурной цельности. Попытка эта, несомненно, очень удачна.

Конечно, в адрес автора можно было бы направить и целый ряд критических замечаний, помимо тех, которые были сделаны нами по ходу изложения основных разделов книги. Можно было бы упрекнуть автора в том, что при описании отдельных префиксов и суффиксов нет сводных данных о частотности их использования в разные периоды развития современного английского языка, что не всегда четко разграничено узуальное и окказиональное употребление отдельных образований, что недостаточна жанровая характеристика аффиксальных элементов, что иногда материал перекрещивается и повторяется и т. д. и т. п. Однако сильные стороны книги перевешивают все эти частные недостатки. К числу таких сильных сторон книги, помимо всего сказанного нами ранее, следует отнести еще и то, что в монографии Г. Марчанда словообразование рассматривается в неразрывной связи с акцентной системой английского языка. Последнее обстоя-

тельство значительно способствует правильному выделению основных словообразовательных типов и углубленному пониманию принципов моделирования производных в целом.

Наконец, книга является существенным вкладом в английское языкознание и в практическое отношение — она с успехом может быть использована в преподавании курсов грамматики, лексики и даже стилистики.

Ценным вкладом является эта книга и в общую теорию словообразования, в основные понятия которого (понятие производного, понятие сложного слова, понятие аффиксальных морфем, и, наконец, понятие словообразовательной модели и системы словопроизводства в целом) были внесены значительные уточнения.

Полемизируя с автором по ряду как общих, так и частных положений, мы несколько не хотели умалить больших достоинств этой книги — книги, которая еще долго будет привлекать к себе внимание специалистов по словообразованию и которая войдет в историю языкознания как энциклопедия по словопроизводству в английском языке до середины XX века

Е. С. Кубрякова, И. Н. Ацацкий

Z. Klemensiewicz. W kręgu języka literackiego i artystycznego. — Warszawa, 1961. 408 стр.

Сборник работ проф. З. Клеменевича — «В кругу проблем литературного и художественного языка», вышедший в связи с 70-летием со дня рождения автора, одного из ведущих польских ученых, отражает лишь некоторые из сторон его многообразной и плодотворной деятельности. Вошедшие в сборник статьи (1945—1959 гг.) составляют четыре тематических раздела.

В первом разделе «Любовь к языку и культура речи» представлены работы, посвященные как общим вопросам, связанным с этой проблематикой, так и конкретным проблемам, решение которых имеет практическое значение. В публицистически взволнованной статье «Любовь к языку в истории польского языка» автор вспоминает тех, кто способствовал созданию литературы на национальном языке на разных этапах его развития, его внедрению во все сферы общественной и культурной жизни, кто выступал против злоупотреблений иностранными заимствованиями, боролся за богатство выразительных возможностей национального языка. Статья, появившаяся в журнале «Język polski» в 1945 г., была очень своевременной и привлекала внимание к одной из важных задач лингвистики — к борьбе за чистоту и правильность языка. Этой актуальной

задаче была посвящена и другая статья «Правильность речи и языковая педагогика». В ней говорится о вопросах языковой нормы и общественной роли лингвиста в установлении норм. Попутно автор останавливается на понятиях языковой ошибки, колебаний нормы и равноправных форм. Основой языковой нормы автор считает *usus modernus excultus*; речь же самого лингвиста не может быть ни источником рекомендаций, ни мерой правильности. Вынося приговор языковым ошибкам, лингвист должен считаться с двумя противоположными тенденциями, действующими в языке: консервативностью, с одной стороны, и непрерывным развитием, с другой. Осторожность современной лингвистики в этом вопросе — показатель ее прогресса по сравнению с языкознанием прошлого. Третья статья этого раздела посвящена одной из труднейших и до сих пор не разрешенной проблеме польской орфографии — написанию иностранных собственных имен. Рассмотрев все «за» и «против» фонетической транскрипции, З. Клеменевич предлагает сохранить иностранную орфографию собственных имен, что, впрочем, не должно препятствовать уже начавшемуся стихийному процессу передачи наиболее известных иностранных имен по-польски.

Раздел книги «История польского языка» включает в себя две статьи. В первой из них, «Проблемы и принципы истории польского языка», автор ставит перед собой три задачи: определить объем и содержание предмета истории языка; ответить на вопрос, какие факты составляют реальную основу анализа и синтеза для историка языка; определить главные методы исследования. Автор обосновывает понятие этнического коллективного языка, который составляет предмет истории языка как единство, дифференцированное системно (общий и региональный язык, устная и письменная речь) и употребительно-функционально (литературные и речевые стили). Особый интерес историк языка проявляет к общему языку, а в области общего языка — к литературному (письменному), который, по мнению автора, дает единственную возможность изучать прошлое языка. Что касается стилей, то историк языка ограничивается изучением нескольких основных языковых стилей: немаркированного практического, научного, нормативно-дидактического и художественного, интересуясь стилем литературных направлений и отдельных авторов лишь в той мере, в какой элементы индивидуальной стилизации могут составить движущую силу развития общего языка. Материальную базу исследований составляют собственно языковые источники, к которым относятся документы и письменные памятники языка, и такие вспомогательные средства, как история литературы, история книгопечатания, просвещения и школы, а также общественная и политическая история.

Основным методом историко-языкового синтеза автор признает реконструкцию исчезнувших фактов по их следам. Решающую роль при этом он отводит инверсионному ходу рассуждений, при котором предпосылки (искомые факторы исторического процесса) вытекают из результатов (из фактов, данных исследователю). Меньшую роль играет индукция по аналогии. Некоторые услуги, особенно в интерпретации вопросов внутреннего развития языка, может оказать статистический метод. В области внутренней истории какого-либо определенного языка интерес представляют не общие языковые законы, а своеобразный способ их реализации в конкретном языке. Не следует детально изучать те грамматические категории, которые связываются с мышлением человека вообще и поэтому существуют в каждом языке. Здесь проявляется, по мнению автора, граница и различие между исторической грамматикой и историей языка. Первая регистрирует все факты изменений, даже самых спорадических, даже изолированных, все тенденции развития, даже отрицающие; вторая требует обобщения, отрыва от деталей, иногда противоречивых, иногда

случайных. Далее автор показывает, какие факторы внешней истории языка представляют наибольший интерес для историка языка, и в заключении статьи останавливается на вопросах периодизации.

Во второй статье этого раздела «Факторы развития польского языка периода Возрождения» автор говорит только о внешних, внеязыковых явлениях, которые ускорили формирование польского литературного языка в XVI в. З. Клеменевич детально анализирует причины, вследствие которых самые различные слои польского населения в условиях оживленной общественной и культурной жизни Ренессанса испытывали потребность пользоваться родным языком вместо латыни в официальной сфере, что и вызвало бурный процесс интеграции и унификации общепольского языка. В статье оценивается деятельность выдающихся польских писателей XVI в. (М. Рея, М. Бельского, Я. Кохановского и мн. др.). Автор указывает также факторы, тормозящие становление литературного языка (неупорядоченная орфография, неустойчивость грамматической системы, бедность лексики, соперничество латыни).

В раздел «Теория литературного языка» входят пять статей, написанных в разное время, но объединенных стройным и оригинальным подходом к вопросам истории литературного языка и его разновидности. Статья «О разновидностях современного польского языка» появилась в связи с дискуссией об образовании польского литературного языка. Выдвинув в ней важное методологическое требование об унификации и уточнении терминологии, З. Клеменевич систематизировал и определил необходимые понятия и термины: общенародный язык, распадающийся на две разновидности — язык школы, администрации, политики и культуры, так называемый общий (zbiogowy) язык и язык областной, региональный, т. е. прежде всего язык крестьянского населения старшего поколения. Разновидности общенародного языка характеризуются более значительными различиями в области лексики и фонетики, меньшими — в области морфологии и синтаксиса. Автор указывает, что городской говор носит смешанный, переходной характер; по лексике он ближе к общему языку, а по морфологии и синтаксису — к региональному. Общий язык в свою очередь существует в двух формах: устной (или разговорной) и письменной (или литературной). Автор кратко характеризует три стилиевые разновидности литературного языка: художественную, научную и нормативно-дидактическую, и две разновидности областного языка (который выступает обычно лишь в устной форме): разговорную и художественную (народный фольклор). Профессиональ-

ные и социальные жаргоны и арго как разновидности разговорного языка факкультативны и побочны. Изложенная классификация разновидностей и стилей представлена в виде наглядной и стройной схемы. Во второй части работы автор переходит к вопросу о генезисе этих разновидностей. Не высказываясь априорно в пользу малопольской или великопольской гипотез происхождения польского литературного языка, он пытается изложить этот вопрос с общетеоретической точки зрения. Здесь возможны две постановки вопроса: 1) опирался ли известный нам общепольский литературный язык на великопольский или малопольский разворонный диалект; 2) явился ли он продолжением великопольского или малопольского письменного диалекта. В результате рассмотрения большого исторического материала, лингвистических и историко-экономических фактов З. Клеменевич пришел к выводу, что начальная фаза развития общего языка приходится на эпоху, не засвидетельствованную письменными памятниками. В этот период язык мог формироваться лишь как смещение разнодиалектных элементов при преобладании великопольского диалекта. Светский центр и школа играли меньшую роль, чем костел, в пропаганде и распространении общего языка в силу особых исторических условий существования польского государства. В XIV в. можно уже говорить о существовании литературного языка первых польских памятников, выступающего в художественной и нормативно-дидактической формах. Этот литературный язык возник в результате столкновения элементов разных региональных письменных языков (возникших в период распада Польши на отдельные княжества в XI—XIV вв.) с тенденцией унификации. В XVI в. произошла окончательная унификация общего языка в литературной и разговорной формах.

Статья «Проблемы синтаксической интерпретации стиля» стоит как бы на стыке двух аспектов научных интересов Клеменевича: стилистических проблем и синтаксической теории. Стилистический синтаксис исследует реализацию норм, изучением которых занимается грамматический синтаксис. Приняв за стилистико-синтаксическую единицу законченное высказывание (предложение и соответствие предложения, связанное тематическим единством, организованное единым мысленным стержнем, заключенное между двумя паузами и законченное своеобразной каденцией), автор характеризует основные типы высказываний: единичное высказывание; сложное составное (*złożone zespolone*); сложное, внутренне соотносительное; сложное составленное (*złożone zestawione*); свободно связанное. Отношению внешнего соотношения посвящена особая статья,

не вошедшая в данный сборник. При рассмотрении этих типов З. Клеменевич использует формулы предложений и характеристику по вертикальным профилям, которые делают прозрачной структуру высказывания, отношения членов сложного высказывания (парацисическое или гипотаксическое) и выявляют количество составных элементов высказывания и т. д. В статье также намечаются примерные проблемы стилистико-синтаксической интерпретации в пределах высказывания (например, изучение спитаксической синонимии, средств интенсификации и выражения воли и чувств, значение порядка слов, ритмики, интонации).

Важные проблемы стилистики художественного языка разрабатываются и в статье «Как характеризовать индивидуальный язык». З. Клеменевич останавливается в ней на таких понятиях, как реализация запаса возможных высказываний в индивидуальном языке и стилизация, на двух разновидностях стиля: независимом, не связанном с сознательным отбором стилистических средств, и сознательном, зависящем от индивидуальной особенностей говорящего и от сознательного усилия в момент речи. С независимым и сознательным стилями связаны два слоя в индивидуальном языке: собственный и побочный. Художественно-языковое творчество происходит лишь при сознательной стилизации. Предложенные в этой статье принципы стилистической характеристики индивидуального языка используются в заметке об архаизации как определенном художественно-стилистическом приеме. «Архаизация основана на умелом и умеренном подборе подлинных черт старого языка, которые в произведении содействуют созданию иллюзии прошлого и не составляют трудности в их понимании читателем», — так понимает автор архаизацию.

Интересному вопросу «Перевод как лингвистическая проблема» посвящена последняя статья этого раздела. З. Клеменевич вводит понятие адекватности или полноценности перевода и требует рассмотрения оригинала как структуры, как органического целого, а не суммы или механического соединения составляющих. Поэтому задача переводчика заключается в том, чтобы ввести вместо элементов и структуры оригинала такие элементы и структуры собственного языка, которые по возможности были бы субститутами и эквивалентами с той же функциональной способностью и результативностью.

В последний раздел вошли те статьи З. Клеменевича, в которых он исследует особенности языка отдельных авторов, исходя из своих теоретических положений. В статье «Мицкевич в истории польского языка» автор раскрывает те

причины, которые обусловили важную роль Мицкевича в переломный момент истории польского языка. Автор обращается к заметкам и статьям поэта на языковые темы, к материалам его литературной полемики с классиками, к свидетельствам современников поэта, чтобы показать, что Мицкевич сумел правильно почувствовать общественную потребность в области современного ему языка. Новаторство теоретической позиции Мицкевича состояло в новом подходе к соотношению литературного и разговорного языка, в требовании естественности и простоты литературного языка, его связи с народными языковыми формами. По мнению автора, эти теоретические требования и литературная борьба поэта способствовали демократизации литературного языка больше, чем его литературное творчество, которое не оказало решающего влияния на разговорный и литературный язык последующей эпохи.

Две следующие статьи «Очерк грамматической характеристики языка Словацкого» и «Особенности языка Высяпянского и его произведений» посвящены конкретному анализу языка этих писателей. З. Клеменевич не дает полной характеристики языка авторов, а рассматривает те явления, которые отклоняются от общей литературно-языковой нормы. Автор указывает, что эти факты следует сопоставлять (в том числе и статистически) с соответствующими случаями в рамках нормы, что даст возможность оценить их постоянность или спорадичность в языке поэта. На таком фоне выступают проблемы стилистического характера: с какими целями (в разных жанрах, в

разные периоды и т. д.) поэт обращался к особым формам. Но решение этих вопросов автор откладывает на будущее. Лишь в заключение второй статьи дается краткая стилистическая интерпретация результатов грамматического и лексикологического анализа.

Попытка дать анализ синтаксиса художественного произведения сделана в статье «Синтаксис повестей Зегадловича». Автор выделяет два главных типа осложненных синтаксических образований: чрезмерно сложное высказывание и свободная группа, состоящая из многих высказываний. Затем он рассматривает ряд разновидностей последнего типа. В конце статьи несколько слов посвящается пунктуации и паузе в повестях Зегадловича.

К сборнику приложена библиография работ автора, изданных в 1922—1961 гг. Проблематика этих трудов очень разнообразна: современный и исторический синтаксис, история польского языка, язык художественной литературы и культура речи. Работы проф. З. Клеменевича отличает стремление оторваться от традиционного подхода к вопросу и дать свою, оригинальную трактовку и классификацию языковых явлений. Большое внимание З. Клеменевич уделяет строгому и однозначному употреблению терминов; ему удалось разработать собственную оригинальную терминологию. Особенно ценен его вклад в теорию синтаксиса и истории польского языка.

М. Я. Гловинская и В. Ф. Гоннова (Москва)

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Желая зачислить меня в число лингвистов, не разграничивающих фонологию и акустику речи, О. А. Норк, З. М. Мурыгина и Л. П. Блохина, с одной стороны, прибегли к некоторым операциям, связанным с интерпретацией текста разбираемой ими статьи¹; с другой стороны, в этой задаче моим оппонентам помогли их собственные трактовки некоторых положений фонологии и акустики, а также своеобразное использование математических правил².

При разборе текста мои критики использовали следующие три операции: 1) некоторые положения статьи или подвергались изменению (иногда эти изменения касались всего лишь невинной замены союзов), или опускались вовсе³;

¹ См. Р. Г. Пиотровский, Еще раз о дифференциальных признаках фонемы, ВЯ, 1960, 6 (далее обозначается: «Статья»).

² О. А. Норк, З. М. Мурыгина, Л. П. Блохина, О дифференциальных признаках фонемы, ВЯ, 1962, 1 (далее обозначается: «Ответ»).

³ Ср. «Статья», стр. 25: «Взаимная идентификация гласных фонем внутри этой модели осуществляется обычно путем использования двух пар дифференциальных признаков — «компактность — диффузность», с одной стороны, и «высокая тональность — низкая тональность», и ли [разрядка моя. — Р. И.] «бемольная тональность (лабиализованность) — простая тональность (нелабиализованность)» — с другой...» В «Ответ» это место комментируется так: «При этом речь идет не о трех возможностях реализации двух последних пар дифференциальных признаков в различных языках, описанных у Н. С. Трубецкого и у авторов „Preliminaries“, а об одновременном их использовании в каждом (разрядка везде моя. — Р. И.) языке, т. е. не либо «бемольная тональность — простая тональность», либо «высокая тональность — низкая тональность», а и «бемольная тональность — простая тональность» и «высокая тональность — низкая тональность»» («Ответ», стр. 43).

2) из отдельных положений статьи делались выводы, которые не были обусловлены этими положениями (см. ниже); 3) стремясь сократить число своих эвентуальных противников, авторы «Ответа» прибегли к остроумному приему, сущность которого состояла в том, что ответственность за формулировку тех фонологических схем, которые не нравились моим строгим критикам, возлагалась на Пиотровского. При этом умалчивались имена настоящих авторов указанных схем (Р. И. Аванесов — для русского языка, Б. Мальмберг — для шведского языка; см. «Статья», стр. 25 и 27).

«Скорректировав» указанным путем некоторые положения, применение формул и выводы статьи, О. А. Норк и другие подвергли полученным ими же самими результаты развернутой эмоциональной и в ряде случаев очень убедительной критике. Если бы речь шла только о текстологических неувязках между «Статьей» и «Ответом», я не считал бы себя вправе занимать настоящими репликами страницы журнала. Но в «Ответ» имеются, как уже говорилось, своеобразные теоретические и методические положения, которые нуждаются в оценке и комментарии уже хотя бы потому, что они встречаются в ряде других фонологических и лингво-акустических работ.

1. Трудно переоценить значение «Основ фонологии» Н. С. Трубецкого — книги, которая обобщила в себе достижения целой эпохи развития фонетики и фонологии. Однако тот факт, что в труде Н. С. Трубецкого такие основные лингвистические сущности, как фонема,

Между тем в «Статье» указывалось, в каких языках одновременное использование двух последних пар оказывается с фонологической точки зрения абсолютно необходимым (ср. тюркские языки), а в каких одна из этих пар оказывается избыточной (фонологически нерелевантной), в связи с чем и происходит либо ее устранение из фонологической схемы, либо объединение с другой парой ДП («Статья», стр. 25—28, 35 и примеч. 9). Другие примеры см. ниже.

различительный признак, остались неотделенными от их акустической или моторно-физиологической реализации, породил ряд фундаментальных теоретических противоречий, которые были вскрыты и детально обсуждены сравнительно недавно⁴.

Обоснование так называемой дихотомической теории фонем, построенной на разведении фонетического и семиотического (реляционного) аспектов фонемы, позволило преодолеть противоречивость гипотезы Н. С. Трубецкого и начать новый этап в развитии фонологии.

О принципиальном различии между реляционно-фонетической точкой зрения Н. С. Трубецкого, с одной стороны, и семиотической (чисто реляционной) позицией Р. Якобсона и его последователей, с другой, можно судить, в частности, уже по тому, что говорят авторы «Preliminaries...» о соотношении между научным понятием дифференциальный признак (ДП) фонемы и терминами, используемыми для обозначений различных ДП: «Названия дифференциальных признаков служат для обозначения лингвистических различий, иными словами, таких значимых различий, которые используются в коде, общем для членов того или иного языкового коллектива. Не особенно важно при этом, с каким аспектом речевой деятельности этимологически связан данный термин... Не имеет никакого значения, относится ли термин непосредственно к физическому или к перцептивному уровню, если определение дифференциального признака может быть дано в терминах обоих уровней»⁵. К сожалению, авторы «Ответа» не поняли тех принципиальных различий, которые противопоставляют семиотическую (чисто реляционную) концепцию Р. Якобсона, реляционно-физическим (точнее — реляционно-артикуляторным) взглядам Н. С. Трубецкого⁶. Об этом свидетельствует не только открывающее «Ответ» утверждение, «что описание фонологических систем различных языков авторами „Preliminaries“ полностью (sic! — Р. II.) совпадает с описанием, предложенным ранее Н. С. Трубецким. Различие заключается только в терминологии: Н. С. Трубецкой пользуется физиологическими терминами, тогда как Якобсон, Фант и Халле применяют терми-

нологию акустическую» (sic! — Р. II.) («Ответ», стр. 42). На это указывает и тот факт, что О. А. Норк и другие по существу отождествляют семиотические ДП фонемы и акустические признаки звука. Так, например, в разрез своему собственному утверждению, что «спектральный анализ является лишь одним из экспериментальных методов фонетического исследования звуков и — соответственно — никак не „анализом фонологическим“» («Ответ», стр. 45), мои критики несколькими строками выше заявляют, «что у компактных фонем (sic! не звуков!» — Р. II.) форманты сосредоточены в центральном районе спектра, тогда как у фонем (sic! — Р. II.) диффузных форманты сдвинуты к периферийному району спектра» («Ответ», стр. 45).

Только благодаря неразличению акустики и фонологии моим взыскательным критикам удалось сделать «логический» вывод о том, что приводимая в статье параметризация шведских гласных по Мальмбергу должна выглядеть как линейная система, использующая один параметр — «компактность — диффузность» (при этом авторы ответа естественно «потеряли» второй фонологический параметр, место в вертикальном ряду, о котором говорилось в «Статье» на стр. 27; ср. «Ответ», стр. 44).

Большая часть недоумений и возражений моих оппонентов происходит оттого, что материал «Статьи» воспринимался и оценивался через призму их собственного «фонологического мировоззрения», причудливо объединяющего идеи классической фонетики, некоторые положения Н. С. Трубецкого и терминологию Р. Якобсона.

2. Анализ соотношений между ДП фонемы и акустико-физиологическими признаками звука может давать неодинаковые результаты и получать различные оценки в зависимости от того, как определяются соотношения между обоими этими понятиями. Если принять точку зрения последователей Д. Джоунза (им и была адресована вторая — «акустико-фонологическая» часть статьи), согласно которой фонема представляет собой семью или группу акустически и артикуляторно родственных звуков, способную дифференцировать слова, то в качестве ДП фонемы выступают акустические (спектральные) и артикуляторные признаки звуков. В этом случае фонологическая, артикуляторная и акустическая схемы должны всегда совпадать. Поскольку авторы ответа при анализе акустического и фонологического материала придерживаются именно этой точки зре-

⁴ См. С. К. Шаумян, Проблемы теоретической фонологии. Автореф. докт. диссерт., М., 1962, стр. 9 и сл.

⁵ R. Jakobson, C. G. M. Fant, M. Halle, Preliminaries to speech analysis («Technical report [of the Acoustics laboratory of the Mass. inst. of technology]», № 13, May 1952), 2-nd print., reviss., [Cambridge, Mass.], 1955, стр. V.

⁶ См. Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, М., 1960, стр. 100—101.

⁷ В «Статье» же говорится о формантах и спектрах звуков (см. стр. 28 и сл.).

ния⁸, приводимые в статье случаи несовпадения акустической и фонологической параметризаций были оценены ими как некоторый научный нонсенс, который следует любыми средствами опровергнуть.

С этой целью О. А. Норк и другие, во-первых, построили графики размещения грузинских и русских (по Г. Фанту) гласных, считая компактность гласного (С) функцией первой форманты (F_1), а степень тональности (Т) — второй Ф. (F_2)⁹. Во-вторых, они рассчитали по несколько более сложной формуле величины диффузности $\frac{1}{C}$ и Т для грузинских гласных. В обоих случаях акустическая и фонологическая параметризации совпали, как этого и ожидали оппоненты.

Кроме того, авторы ответа применили приведенную в «Статье» формулу (1) к приводимым ими данным по грузинскому языку и получили результаты, явно противоречащие представлениям о соотношении членов вокалического треугольника (/а/ оказался более компактным, чем /о/, но менее компактным, чем /у/). Исходя из этого, авторы заключили, что использованная Пиотровским методика расчета произвольна, а его предположение о возможности несов-

⁸ В статье А. Е. К и б р и к а «К вопросу о методе определения дифференциальных признаков при спектральном анализе» (ВЯ, 1962, 5, стр. 81—83) пространно и вполне убедительно еще раз рассказывается о том, что нельзя переносить семиотические свойства фонем и ее ДП в область фонетики (точнее — акустики), равно как и невозможно использовать математические приемы расчета спектра для описания фонем. Правда, вряд ли кому-либо придет в голову использовать математические формулы, описывающие спектр z в u к а, для определения ДП фонем u . Редкое исключение в этом смысле представляет «Ответ» моих оппонентов.

⁹ Авторы «Ответа» не поняли того, что, определяя С (или $\frac{1}{C}$) по величине F_1 , а Т по значению F_2 , мы указываем на положение F_1 и F_2 не относительно других формант спектра, как этого требуют лингвистические определения степени компактности и тональности звука, но относительно начала отсчета. Поэтому, хотя формулы (1) — (3), приведенные в «Статье», а также формулы

$$R_3 = \frac{F_3}{F_1}, \quad R_1 = \frac{(F_2)^2}{F_1 F_3},$$

приводимые в «Ответе», и дают еще очень грубое приближение, они лучше соответствуют задачам лингвистической интерпретации спектра гласных.

падения акустической и фонологических параметризаций вообще нельзя принять всерьез («Ответ», стр. 50). Однако обобщения такого рода преждевременны.

Во-первых, расчет двух таблиц спектров еще ни о чем не говорит. Действительно, график армянских гласных, построенный по координатам $F_1 : F_2$, не подтверждает тезиса О. А. Норк и других: /о/ в нем оказывается более компактным, чем /а/ (ср. ВЯ, 1960, 6, стр. 37, табл. 2). Более того, если бы мои оппоненты воспользовались для этого данными об F_1 и F_2 русских гласных, взятыми из других источников¹⁰, то они также не получили бы акустической схемы, полностью совпадающей с артикуляторным или семиотическим треугольником русского вокализма.

Во-вторых, почему авторы ограничились своим расчетом величин Т и $\frac{1}{C}$ только грузинским языком? Не потому ли, что в отношении русского языка расчет приводимых ими же данных опроверг бы их утверждения и подтвердил бы высказанное в «Статье» положение о возможном несовпадении акустических и семиотических характеристик? Чтобы проверить это, рассчитаем тональные характеристики русских гласных, используя ту формулу расчета и те исходные данные, которые приводят О. А. Норк и другие («Ответ», стр. 46). Полученные результаты (см. табл.) показывают, что тональность /ы/ — гласной среднего ряда — выше тональности /е/ — гласной переднего ряда, что не соответствует нашим фонологическим и артикуляторным оценкам, а вся акустическая схема тональности оказывается здесь повернутой по часовой стрелке по сравнению с той фонологической и артикуляторной схемой (вертикальные ряды), которая была предложена Л. В. Щербой.

В-третьих, компактность трехформантных грузинских гласных нельзя

¹⁰ См.: Л. Л. М я с н и к о в, Объективное распознавание звуков речи, «Журнал технической физики», 1943, XIII, 3; е г о ж е, Звуки речи и их объективное распознавание, «Вестник ЛГУ», 1946, 3; е г о ж е, Физические исследования звуков русской речи, ИАН СССР. Серия физическая, 1949, XIII, 6; Л. А. В а р ш а в с к и й и И. М. Л и т в а к, Исследование формантного состава и некоторых других физических характеристик звуков русской речи, «Проблемы физиологич. акустики», III, М.—Л., 1955, стр. 14—16; Л. А. В а р ш а в с к и й и М. Ф. Д е р к а ч, Статистическое исследование характерных спектральных признаков гласных звуков русской речи, «Научно-технич. сборник [НИИ МРТП]», 3, Л., 1957, стр. 29—37.

было рассчитывать по формуле (1), предназначенной для двухформантных (синтезированных) звуков. Если бы авторы «Ответа» воспользовались формулой (2), как этого требовала в отношении трехформантных звуков «Статья», они получили бы следующие данные о компактности грузинских гласных, которые вряд ли кто-нибудь счел противоречивыми: $|u/| - 0.88$; $|o/| - 0.90$; $|a/| - 0.90$; $|e/| - 0.73$; $|i/| - 0.69$.

Т а б л и ц а

	т
у	0.52
о	0.45
а	0.63
е	2.86
и	6.54
ы	3.27

Лингвиста, различающего фонологическую и акустическую (а также артикуляторную и аудитивную)¹¹ ступени, не могут смущать случаи отсутствия полного совпадения между указанными ступенями. Эти случаи напеминают лишь о необходимости более пристального и углубленного изучения сложных (в большинстве своем не взаимно-однозначных) корреспонденций, существующих между единицами названных ступеней (ср. «Статья», стр. 35).

З. О. А. Норк и другие многократно отрицают возможность взаимной зависимости между ДП. Следует подчеркнуть, что взаимодействие между ДП фонемы и взаимозависимость реализующих эти ДП акустических признаков звуков имеет принципиально различный характер. Взаимозависимость некоторых пар ДП фонемы следует понимать как эквивалентность (и взаимозаменяемость) этих пар в некоторых фонологических системах (см. выше, примеч. 3 и «Статью», стр. 27—28). Иначе говоря, две фонемы в том или другом языке могут быть противопоставлены либо по одному, либо по другому ДП.

¹¹ См.: С. К. Шаумян, Двухступенчатая теория фонемы и дифференциальных элементов, ВЯ, 1960; 5; C. Witting, Physical and functional aspects of speech sounds, with special application to standard Swedish, «Uppsala Universitets årsskrift», 7, Upsala — Wiesbaden, 1959.

Иное дело акустические признаки. Между ними несомненно существует определенная математическая зависимость. Причина этого состоит в том, что три и более семиотических параметра (ДП фонемы) соотносятся с параллельными акустическими измерениями, для описания которых используются обычно комбинации всего лишь трех (F_1, F_2, F_3) или даже двух (F_1, F_2 (ср.)) переменных¹². Это и дает возможность связывать одно акустическое свойство звука с другим. Чтобы еще раз проиллюстрировать указанное положение, воспользуюсь формулами моих оппонентов:

$$R_3 \text{ (степень диффузности)} = \frac{F_3}{F_1},$$

$$\frac{R_1}{R_2} \text{ (степень тональности)} = \frac{(F_2)^2}{F_1 F_3} \text{ }^{13}.$$

Нетрудно показать, что

$$\frac{R_1}{R_2} = \frac{R_3 (F_2)^2}{(F_3)^2}, \text{ причем}$$

$$\frac{R_1}{R_2} = f(R_3, F_2, F_3),$$

$$\text{а } R_3 = f\left(\frac{R_1}{R_2}, F_2, F_3\right),$$

иначе говоря, акустическую компактность (диффузность) можно рассматривать как функцию трех (а не одной, как это заключают мои критики, разбирая аналогичные зависимости, приведенные в «Статье», — см. «Ответ», стр. 48) переменных: тональности, значения второй форманты и величины третьей форманты.

Хотя я не мог согласиться со всеми возражениями, содержащимися в «Ответе», и позволил себе указать на некоторые содержащиеся в «Ответе» нарушения норм научной полемики, мне хочется всемерно приветствовать появление статьи О. А. Норк, З. М. Мурыгиной и Л. П. Блохиной. Эта статья отчетливо показала, как много еще неясных и дискуссионных вопросов в области фонологии и лингвистического истолкования данных спектрального анализа.

Р. Г. Пиотровский

¹² См. G. Fant, Acoustic theory of speech production, 's-Gravenhage, 1960, стр. 242.

¹³ Формула эта приводится в «Ответе» (стр. 46) дважды, причем первый раз в ней допущена ошибка (должно быть: $\frac{F_2}{F_1} : \frac{F_3}{F_2}$ вместо приведенного $\frac{F_3}{F_2} : \frac{F_2}{F_1}$).

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В очень интересной статье Ю. Д. Апресяна «К вопросу о структурной лексикологии», опубликованной в «Вопросах вывозки» (1962, 3), допущена одна

неточность в применении трансформационного анализа, мимо которой, как нам представляется, нельзя пройти в связи с тем интересом, который привлекают к

себе за последнее время структурные методы изучения языка. Рассматривая группу фраз *Волны гнали корабль, Ветер гнал облака и Пастух гнал овец*, Ю. Д. Апресян отмечает, что первые две фразы допускают безлично-пассивную трансформацию: *Корабль гнало волнами, Облака гнало ветром*, в то время как третья фраза такой трансформации не допускает (невозможно сказать *овец гнало пастухом*). Отсюда Ю. Д. Апресян делает вывод о том, что существуют два лексических инварианта лексемы *-гон-* (см. стр. 42—43 указанного номера журнала).

Так ли это на самом деле? Интуитивно мы осознаем, что лексема *-гон-* в обоих случаях имеет одно и то же значение «заставлять двигаться в каком-либо направлении». Проверим правильность нашей интуиции путем трансформационного анализа. Для этого рассмотрим следующие наборы фраз:

1. А. *Ветер разбил стекло.*
Б. *Мальчик разбил стекло.*
2. А. *Дождь погасил костёр.*
Б. *Охотник погасил костёр.*
3. А. *Буря повалила дерево.*
Б. *Лесоруб повалил дерево.*

Нетрудно заметить, что во всех этих случаях (число которых легко увеличить) фразы типа А допускают безличную трансформацию: *Стекло разбило ветром, Костер погасило дождем, Дерево повалило бурей* и т. д.; фразы же типа Б такой трансформации не допускают. Присматриваясь внимательнее, мы замечаем, что во фразах типа А подлежащее во всех

случаях выражено существительным, обозначающим те или иные явления природы, в то время как во фразах типа Б роль подлежащего исполняют существительные — названия одушевленных лиц. Глагол же во фразах данного типа может быть л ю б ы м. Иначе говоря, возможность или невозможность безличной трансформации во всех случаях такого рода зависит исключительно от характера подлежащего, а не от лексического значения глагола-сказуемого, занимающего в данной фразе ядерную позицию. Стало быть, Ю. Д. Апресян неправ, усматривая в данном случае наличие двух разных лексических инвариантов у лексемы *-гон-*, занимающей ядерную позицию в приводимых им примерах.

Ошибка Ю. Д. Апресяна показательна потому, что из нее можно сделать следующие важные выводы: 1) языковые явления можно правильно осмыслить и анализировать только в системе, в совокупности всех аналогичных явлений; анализ одного, отдельно взятого явления ничего не дает и может привести к неверным выводам; 2) проводя трансформационный анализ, следует каждый раз задавать себе вопрос: о чем свидетельствует возможность (или невозможность) той или иной трансформации, что она доказывает? 3) так называемая «интуиция» является необходимым компонентом всякого лингвистического исследования, ибо она есть нечто иное как наше практическое знание языка, включая и знание семантической стороны языка, без которого невозможен полноценный научный анализ языка.

Л. С. Бархударов

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

О наших методологических разногласиях

Я решил ответить на некоторые общие замечания моего критика Г. В. Рамишвили¹, так как вопросы, поднятые в его рецензии, имеют, как мне кажется, большое методологическое значение для всей нашей науки о языке. Проблема ставится Г. В. Рамишвили так: есть традиционное языкознание и есть структуралистское языкознание, *tertium non datur* — третьего не дано. Традиционное языкознание опирается на разрозненные элементы (единицы) языка, структуралистское языкознание, напротив того, исхо-

дит из языка как системы. Первое устарело, второе современно. Поэтому всякий, кто не понимает этого различия, стоит на старых позициях в науке и является отсталым ученым. Вероятность взаимопонимания между структуралистами и сторонниками традиционного языкознания, по мнению рецензента, крайне незначительна. Он убежден, что лингвистическое исследование может быть либо последовательно структуралистским, либо традиционным. Всякие попытки «синтезирующего рода», при которых лингвисты стремятся сочетать индуктивные и дедуктивные методы изучения языка, заранее объявляются противоречивыми и эклектичными.

¹ См. его рецензию (ВЯ, 1962, 6) на сб. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». Рецензент пространно полемизирует с основными положениями моей статьи «К критике релятивистских теорий слова». Об остальных работах сборника он упоминает лишь вскользь. В дальнейшем страницы в скобках относятся к страницам рецензии.

Как и многие другие структуралисты, Г. В. Рамишвили отождествляет понятие «традиционный» с такими понятиями, как «отсталый», «несовременный», «устаревший» и т. п. Но так ли это? Традиционное языкознание (если уж и применять

этот совершенно условный термин) никогда не было однородным. Оно включало в себя и весьма прогрессивные материалистические направления, и направления идеалистические. Фосслер, например, всегда боролся с традиционным языкознанием, но это не мешало его собственной концепции оставаться последовательно идеалистической и мало эффективной. Энгельс, напротив того, разделяя принципы сравнительно-исторического языкознания, всегда обосновывал материалистическое понимание природы и функций языка. Между тем сравнительно-историческое языкознание является, как известно, традиционным. Как же быть с ним? До сих пор мне казалось (и я продолжаю так думать, несмотря на иронические замечания моего рецензента), что сравнительно-историческое языкознание для того, чтобы быть современным, должно постоянно улучшать приемы своего исследования, внимательно изучать новые методы, в том числе и структурные, настойчиво расширять материал, подлежащий изучению (открытие новых индоевропейских языков в последние десятилетия не могло не повлиять и на метод анализа родственных языков), и т. д.²

Но если так, то в лингвистике синтез старого и нового не только вполне возможен, но и необходим. Поэтому ставить вопрос в форме «или — или» (или традиционное исследование, или структуралистическое), да еще к тому же объявлять всякий иной подход к языку эклектичным, как это делает Г. В. Рамишвили, не только методологически неверно. Такая антиномия не соответствует и истории нашей науки за последние десятилетия. Если в теоретических работах, например, Ельмслева действительно нет синтеза традиционного и структуралистического языкознания, то в исследованиях Мартине или Куриловича такой синтез обнаружить нетрудно (третий, «эклектичный» путь, решительно отвергаемый нашим рецензентом).

В противоположность Г. В. Рамишвили я думаю, что только путем сближения лучших новых методов с лучшими методами так называемой традиционной науки можно в будущем ожидать успехов от лингвистики. Или нужно строить лингвистику на «чистом месте» и считать, что как наука она начинается лишь с 1943 г., когда вышел в свет «Пролегомены к теории языка» Луи Ельмслева (структурали-

стическая концепция, не знающая или почти не знающая компромиссов). Я уже не говорю о том, что противопоставление «традиционный — структуралистический» проводится Г. В. Рамишвили лишь в плане «старый — новый» совершенно независимо от эффективности того и другого и от практических результатов, к которым приходят ученые, придерживающиеся «традиционного» или структуралистического методов.

Рецензент стремится к широким обобщениям. Но посмотрим, что это за обобщения. Г. В. Рамишвили заявляет: «...структуральная концепция рассмотрения материала стала выражением развития основных тенденций современного научного мышления» (стр. 136). Объясняется это тем, что мы живем в эпоху «федерации и интеграции наук». Повидимому, незаметно для самого себя рецензент «соскальзывает» со структуралистической концепции языка на структуралистическую концепцию материала (? — Р. Б.). Под флагом «федерации и интеграции» наук делается попытка объявить структурализм универсальной доктриной современности, методом всех областей человеческих знаний, совершенно независимо от объектов различных наук и их специфики. Соглашиться с подобным утверждением совершенно невозможно по весьма важным и принципиальным методологическим соображениям.

Отличия структуралистической лингвистики от «традиционной» рецензент видит в том, что первая рассматривает единицы языка лишь в условиях системы и стремится к максимальной формализации самого языка (стр. 137). К понятию системы я еще вернусь, поэтому сейчас проанализирую лишь принцип формализации. Можно согласиться с рецензентом, что формализация (наряду с системностью) является важнейшим постулатом структуралистической концепции. Как недавно писал один логик, «...если уж есть за что упрекать структурализм, так, пожалуй, за недостаточную формализацию языка»³. Но «интеграция наук» не может проходить под знаком их всеобщей формализации. Дело в том, что объекты одних наук легко поддаются формализации, объекты других — гораздо труднее, объекты третьих — подвержены ей минимально. И вопрос вовсе не в том, что принцип формализации еще не научился распространять на все науки. Проблема гораздо сложнее.

Споры, например, о современном абстрактном искусстве в значительной степени обусловлены убеждением его противников, резонно считающих, что в широком смысле «предметная отнесенность» не может быть элиминирована

² Я продолжаю строго различать понятие «структурный» (или «системный») и «структуралистический». Исследователь системы языка вовсе не обязан разделять методологические принципы структурализма, о чем мне уже пришлось писать в разбираемой рецензентом статье. Что же касается Г. В. Рамишвили, то он безразлично употребляет «структурный», «структуральный», «структуралистический».

³ А. А. З и н о в ь е в, О математической лингвистике, ВФ, 1959 9, стр. 135.

из искусства. Литературоведение «предметно» более детерминировано, чем языкознание, и его объекты (литературные произведения самых различных жанров) в меньшей степени подвержены формализации, чем объекты лингвистики (фонемы, морфемы, грамматические категории и пр.). В свою очередь и в лингвистике такие «единицы», как слова, поддаются лишь частичной формализации, тогда как фонемы допускают максимальную формализацию. Дело, следовательно, не только в самой формализации, но и в специфике объектов, которые формализуются. Аналогичная картина наблюдается и в различных точных науках. Б. Рассел в свое время подчеркивал, что по сравнению с математикой физика всегда менее формализованной, более «предметно» обусловленной дисциплиной⁴.

«Федерацию и интеграцию» наук нельзя понимать как захватническую политику одних наук по отношению к другим. Важно установить сферы соприкосновения разных наук, показать, в каких областях они могут успешно сотрудничать. Это безусловно существует. Но при этом представители каждой научной дисциплины должны не только понимать, но и уважать специфику другой научной дисциплины. Без этого условия будет не «федерация и интеграция» наук, а более или менее грубое и бесперспективное наступление одних наук на позиции других. Слова о «федерации и интеграции» наук останутся лишь пустой фразой, пока не будет раскрыто, что определяет их сближение и на какой почве они объединяются. Если лингвистика должна «интегрироваться» лишь с математической логикой, что вытекает из концепции рецензента, то остается совершенно непонятным, почему сближение одной дисциплины с другой оценивается как интеграция наук вообще и почему лингвистику продолжают относить — и на мой взгляд совершенно правильно — к сфере гуманитарных человеческих знаний. А как быть со сближением лингвистики, например, с историей культуры и историей народа? Над этими вопросами структуралисты редко задумываются. А жаль. Это далеко не второстепенные и все еще весьма мало исследованные проблемы науки о языке.

Второй козырь структуралистической лингвистики — принцип системности. С первого взгляда он кажется более очевидным и бесспорным, чем принцип формализации. Если в целесообразности всеобщей и предельной формализации всех

наук можно, как было показано, усомниться, то как можно взять под сомнение принцип системного изучения объектов любой науки? Тем более, что предоставители структуралистической лингвистики, как и наш рецензент, изображают дело так, будто структуралистическая лингвистика всегда глубоко проникает в язык, как целостную систему, а на долю бедной традиционной лингвистики остается лишь собирать разрозненные единицы языка. Говоря словами рецензента, структуралистическая лингвистика оперирует отношениями, а «традиционная» — только отдельными единицами. При этом, однако, к тому, что это за отношения и что это за единицы.

По моему глубокому убеждению, антиномия отдельных единиц и отношений в языке — выдуманная антиномия. Только при неглубоком подходе может показаться, что единицы (если уж сохранить и этот условный термин) и отношения между ними бытуют в языке независимо друг от друга. Структуралисты ставят вопрос неправильно. Они говорят: единицы языка вне его системы не существуют. Совершенно верно. Но при этом ничего не сообщается о том, что и система языка сама по себе, без единиц, из которых она складывается и которые она организует, оказывается системой-пустышкой, системой-мифом. Какого-либо естественного языка, состоящего из «чистых отношений», человечество не знает. Но это не смущает структуралистов, которые следуют здесь за неопозитивистской философией.

«Быть реальным в научном смысле, — утверждает Карнап, — значит быть элементом системы; следовательно, это понятие не может осмысленно применяться к самой системе»⁵. Как бы полемизировать с подобного рода несостоятельным утверждением, французский ученый П. Кудерк недавно писал: «Иногда говорят, что принцип относительности изгнал принцип абсолютного из науки. Это утверждение просто смешно. Относительность изгнала ложные абсолюты, но она же открыла другие абсолюты, более глубокие и достоверные»⁶. Еще более принципиально этот вопрос ставился В. И. Лениным: «Для объективной диалектики в относительном есть абсолютное. Для субъективизма

⁴ Б. Рассел, Человеческое познание, М., 1957, стр. 127. При всей важности формализации в логике и здесь есть свои пределы (см. А. Л. С у б б о т и н, *Смысл и ценность формализации в логике*, сб. «Философские вопросы современной формальной логики», М., 1962).

⁵ Р. К а р н а п, *Значение и необходимость*, М., 1959, стр. 301. «...не субстанция, но только ее внутренние и внешние отношения имеют научное существование», — утверждает и Л. Ельмслев (см. его статью «Прологомены к теории языка», сб. «Новое в лингвистике», I, М., 1960, стр. 283). Субстанция оказывается, таким образом, вне науки. Кто же должен ее изучать? Нельзя «отмахиваться» от этой важнейшей проблемы.

⁶ Р. С о u d e r c, *La relativité*, Paris, 1958, стр. 16.

и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное»⁷.

Мы теперь знаем, к чему привело знание языками без усвоения и осмысления языковой материи. Едва ли не к полному краху. Об опытах копенгагенской школы структуралистов, анализирующих лишь «чистые отношения», в наши дни многие лингвисты говорят с нескрываемой горечью. Даже такой ученый, как Ульман, сторонник новых методов анализа языка, резко осудил «крайний формализм» последователей Ельмслева⁸. Приходится только удивляться, что многие советские лингвисты до сих пор в этом не разобрались⁹.

Структурные исследования языка безусловно необходимы. Но они должны вестись с правильных и разумных методологических позиций. К сожалению, многие советские лингвисты стали с пренебрежением относиться к проблемам методологии. Они как бы «защищаются

⁷ В. И. Л е н и н, *Философские тетради*, 1947, стр. 328.

⁸ См.: сб. «Lexicologie et lexicographie françaises et romanes», Paris, 1961, стр. 85, 104.

⁹ Здесь я не имею возможности говорить о том, что система любого естественного языка распадается на ряд «подсистем». Это положение мне довелось подробно развить в докладе 1957 г., опубликованном в 1958 г. (см. статью «Система языка в связи с разграничением его истории и современного состояния», ВЯ, 1958, 4). Мысль о «подсистемах» в системе языка позднее повторялась многими лингвистами. В самой зависимости системы от ее разнообразных «подсистем» косвенно отражается более общая зависимость категории отношения от категории значения.

практикой» и говорят: если мы добьемся реальных успехов, нас всегда «поддержат». Но опыт истории лингвистики последних двух десятилетий показывает, что на основе неверных исходных позиций невозможно добиться действительных практических успехов. Это всегда понимали большие ученые. По словам Н. Бора, создатель теории относительности Эйнштейн «выразил свою глубокую тревогу по поводу того, что в квантовой механике так далеко отошли от причинного описания в пространстве и времени»¹⁰.

Такова теоретическая сущность моих глубоких разногласий с рецензентом по двум основным вопросам: 1) как следует понимать принцип формализации применительно к разным наукам и 2) как следует истолковывать взаимоотношения между материей и системой языка. Пока не будут правильно решены эти вопросы (других я здесь не касался), между «чистыми» структуралистами и сторонниками «традиционного» языкознания всегда будет происходить диалог глухих. В таком диалоге я больше не намерен принимать участия¹¹.

Р. А. Будагов

¹⁰ Н. Б о р, *Атомная физика и человеческое познание*, М., 1961, стр. 63.

¹¹ Что касается «уколов» рецензента, то я оставляю их на его совести. Приведу лишь один образчик подобных «уколов». О моем сравнительном анализе двух разных логических формул S есть P и aRb рецензент замечает, что «формулы сами по себе не могут иметь предметный характер...» (стр. 137). Разумеется. Но в отличие от рецензента я считаю, что следует различать содержательную логику человеческого мышления и формально-логические схемы.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ОБ ОСНОВНЫХ ДОКЛАДАХ НА IX МЕЖДУНАРОДНОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ

С 27 по 31 августа 1962 г. в США в предместье Бостона — Кембридже (штат Массачусетс) проходил IX Международный лингвистический конгресс. Программа гресса была очень разнообразной по тематике, однако основной стержень ее представляли прочитанные на пленарном заседании доклады, посвященные наиболее актуальным проблемам современного языкознания. Таких докладов было четыре¹: Е. Куриловича «О методах внутренней реконструкции», Э. Бенвениста «Уровни лингвистического анализа», А. Мартине «Структурные изменения в языке» и Н. Хомского «Логические основы лингвистической теории».

С большим интересом был воспринят аудиторией доклад Е. Куриловича «О методах внутренней реконструкции». По мнению Е. Куриловича, основная цель лингвистической реконструкции состоит в установлении относительной хронологии доисторических этапов развития языка и изменений, непосредственно предшествовавших наиболее древним языковым фактам. Всякие рассуждения о происхождении таких грамматических категорий, как род, вид, наклонение и т. д., относятся к области глоттогонии и по причине их крайней проблематичности не должны быть предметом рассмотрения в исторической или сравнительной грамматике.

Само понятие «внутренняя реконструкция», которое предполагает возможность получить выводы, имеющие значение для диахронического изучения языка, без необходимости прибегать к сравнению языков, к методам лингвистической географии, ареальной лингвистики или глоттохронологии, не является новым в языкознании. Однако в последние десятилетия лингвистическая теория достигла

значительных успехов. Общая значимость ранее употреблявшихся приемов исследования сохранилась, но в языкознании глубоко укоренились такие понятия структурной лингвистики, как система, оппозиция, как проведение различий между вокалической альтернативой и чередованием гласных и т. п., коренным образом отличающиеся от представлений младограмматиков.

Само понятие системы предполагает существование некоторых этапов изменения или исключает возможность существования каких-то этапов, установленных сравнительной грамматикой индоевропейских языков 30 или 40 лет тому назад, поскольку анализ языковых фактов, взятых в изоляции, мог легко привести к шатким выводам. Для того, чтобы показать возможность применения современных структуралистских подходов и взглядов к методике лингвистической реконструкции, Курилович рассматривает ряд хорошо известных фонологических, морфологических и морфонемических проблем сравнительной грамматики индоевропейских языков.

Сравнительная грамматика индоевропейских языков устанавливает, например, что в германских языках индоевропейские *p*, *t*, *k* превратились в сильные аспираты, а *b*, *d*, *g* — в соответствующие слабые глухие. В настоящее время целью подобного сравнения должна быть не просто констатация того, что лат. *t* соответствует герм. *f*, а лат. *d* — герм. *t*. Самое существенное здесь состоит в том, что фонемы, втянутые в это изменение, были коррелирующими фонемами (*t*:*d* и т. д.). В некоторых позициях, например в начале слова, они противопоставлялись, как глухой звонкому. В некоторых других позициях, по-видимому, в абсолютном исходе слова, это различие было нейтрализовано в пользу глухого члена ($d > t$).

Германское передвижение согласных представляет, таким образом, изменение корреляции *t* (немаркированное): *d* (маркированное). Маркирующая фонема *d*, современная нейтральной функцией, становится немаркированной. Отожде-

¹ Намеченный также для пленума пятый доклад советского языковеда Н. Д. Андреева «Лингвистические аспекты перевода» в данный обзор не включается, так как он не был прочитан по причине отсутствия докладчика, хотя тезисы доклада зачитывались и обсуждались на пленарном заседании.

ствление первоначального и.е. *d*, например в **dek*m «десять», с нейтрализованным *t* в (*e*)*st*(*i*) «есть» — (*ni*)*sd*(*os*)-, нем. *ist*, *Nest*, влетает за собой маркирование (the marked character) исконого и.е. *t*, т. е. изменение старой корреляции. Отсюда последующее превращение *t* в аспирату. Далее совпадение исконых и.е. *bh*, *dh*, *gh* с *f*, *ǣ*, *h*, (из *p^h*, *t^h*, *k^h*) в известных акцентуационных условиях привело к появлению герм. *b*, *d*, *g*, находящихся в настоящее время в отношении фонематической корреляции с *f*, *ǣ*, *h*.

Следовательно, германское передвижение согласных включает две идентификации, а не четыре отдельных закона (*t* > *ǣ*; *d* > *t*; *dh* > *d*; *ǣ* > *d*) (закон Вервера).

Никакие другие объяснения, например увеличивающаяся интенсивность артикуляции и т. п., не ведут к пониманию лингвистической сущности этих изменений. Единственным заслуживающим внимания фактом является изменение в и у т р е и х отношений элементов. Внешние стимулы этих изменений являются также внешними и по отношению к системе фонем. Рассматривая их, мы оставляем язык *sensu stricto* и обращаемся уже к экстралингвистическим факторам. Ясное ограничение поля лингвистического исследования при этом утрачивается. Весь вопрос состоит в том, где остановиться при объяснении германского передвижения согласных. По мнению Е. Куриловича, поле лингвистического исследования должно быть ограничено лингвистическим аспектом данного изменения, т. е. изучением фактического состояния системы до и после изменения. Изменение должно быть представляемо как изменение системы. Поэтому необходимо обращать внимание прежде всего на факты нейтрализации, идентификации и возникновения новых фонематических оппозиций.

Важнейшей задачей реконструкции в области морфологии Курилович считает установление позиции формы внутри системы. При реконструкции необходимо учитывать функциональную неоднородность морфем, слова и т. д., наличие так называемых первичных (определяемых внутрисистемными противопоставлениями) и вторичных (определяемых контекстом) функций.

Широко известна эволюция значений перфекта: «производная форма» или «отглагольное имя + вспомогательный глагол» > «перфект» > «прошедшее неопределенное», представляющие так называемое нарративное время. Возникновение латинского перфекта типа *atatum habeo* возникло в результате многозначности старого перфекта типа *atavi*, приобретшего, помимо перфектной, также нарративную функцию.

С первого взгляда может показаться, что одновременно с принятием новой функции старый перфект оставляет свою семантическую сферу, которая переходит к новому перфекту. В действительности механизм этого передвижения иной. При расширении семантического употребления перфектная форма теряет свою первоначальную значимость, нарративная функция становится первичной, а перфектная — вторичной, что приводит к формальному обновлению перфектной функции. В докладе Е. Куриловича приводились и другие примеры, но эти два довольно наглядно иллюстрируют сущность его взглядов по данному вопросу.

Э. Бенвенист в своем докладе «Уровень лингвистического анализа» подчеркнул, что понятие «уровня» является особо существенным в определении процедуры лингвистического анализа, так как только оно позволяет понять природу языка и дискретный характер его элементов, только оно позволяет определить в многообразии форм языка специфическую архитектуру его построения — как в целом, так и в отдельных частях.

Основная цель анализа состоит в ограничении элементов через посредство объединяющих их отношений. Анализ включает в себя две обуславливающие друг друга операции, от которых зависят все другие: сегментацию и субституцию. В каждом тексте, независимо от его длины, необходимо выделить или сегментировать отдельные его отрезки (*portions*), которые постепенно могут быть сведены к далее уже не разложимым элементам. Однако: «н ю эти элементы могут быть идентифицированы через посредство допускаемых ими субституций; например, французское слово *raison* может быть разложено на элементы: [r] — [e] — [z] — [õ]. Элемент [r] может быть заменен [s] (*saison*), заменителем элемента [e] может быть *a* (*rasons*), элемента [z] — *y*, например *rayon* и т. д. Таким образом, каждый из членов может иметь целый класс его заместителей; например, элемент [r] в [reõz] в качестве его заместителей может иметь [b], [s], [m], [t], [v] (ср. такие слова, как *maison* «дом», *saison* «сезон» и т. д.). Применяя к каждому из членов тот же прием, можно выявить комплексы всех возможных заместителей. Следовательно, в отрезке текста выделяются сначала отдельные элементы, а затем уже выявляются классы других, способные выступать в роли заместителей каждого из этих элементов. Таков в общих чертах метод дистрибуции, позволяющий установить два рода отношений: 1) отношение элемента к другим элементам, одновременно представленным в одном отрезке (синтагматические отношения), и 2) отношении элемента к другим,

способным его заменять (парадигматические отношения).

Возможность применения этих двух операций не одинакова. Элементы могут быть идентифицированы через посредство отношений их к другим сегментам, с которыми они находятся в отношении возможности субституции. Но субституция может иметь дело с такими элементами, которые сами по себе не образуют сегмента (*ne sont plus segmentables*); например, различительные признаки фонем не расчленимы, хотя и поддаются отождествлению и субституции. Таким образом, можно выделить два класса минимальных элементов: 1) элементы, поддающиеся сегментации и субституции (фонемы), и 2) элементы, поддающиеся только субституции (различительные признаки фонем). Различительные признаки фонем не могут образовывать синтагматических классов, но они образуют парадигматические классы.

Наряду с фонематическим уровнем, где возможны обе операции, Э. Бенвенист предлагает выделять гипофонематический уровень, где возможна только субституция. Этот уровень можно назвать также меризматическим (от греч. *merismatos* «отграничение»), а отличительные признаки как основные единицы этого уровня получают у Бенвениста название меризма. Далее Э. Бенвенист пытается доказать возможность применения подобных операций при переходе к более высокому уровню анализа, когда приходится иметь дело не с минимальными единицами, а с единицами большей протяженности. Так, например, различные комбинации английских фонем [i], [θ], [η], [iθη], [iηθ] и т. д. до сих пор не дают никаких оснований для выделения новой единицы более высокого уровня, пока эта комбинация не получит определенного значения, например [θiη] «вещь». Со значением связан также и критерий дистрибуции: [η] невозможно в начале слова, невозможно сочетание [ηθ] и т. д. Таким образом, смысл является первейшим условием, которым должна обладать единица любого уровня, чтобы приобрести лингвистический статус.

Ни сегментация, ни субституция не могут быть производимы над изолированными отрезками речевой цепи. Нельзя говорить вообще о самом существовании фонем, не связывая ее с определенной единицей высшего уровня. Высшим по отношению к фонемному уровню является уровень знака. Поскольку знак может выступать в виде свободной или связанной формы — морфемы, Бенвенист отождествляет знак со словом. Распадаясь на единицы низшего уровня — фонемы, слово одновременно входит в единицы высшего уровня или фразы. Фраза реализуется в словах, но сами слова не являются просто сегментами. Фраза представляет целое, не сводимое к сумме ее

частей. Слово может быть определено как наименьшая значимая свободная единица, используемая для образования фразы. Бенвенист рекомендует вводить различие между самостоятельными словами и вспомогательными словами. Последние употребляются только в связи с другими словами.

Дискретные лингвистические сущности могут иметь два типа отношений — отношения между элементами одного уровня (дистрибуциональные отношения) и отношения между элементами разных уровней (интегративные отношения). Так, например, если во французском слове *homme* [om] «человек» выделить две единицы [o] и [m], то ничто не свидетельствует о том, что [o] и [m] являются фонематическими единицами. Единица может быть признана на данном уровне различительной единицей, если ее можно определить как составную часть единицы высшего уровня, в которую она входит как интегрант. Так, [s] имеет статус фонемы, поскольку он является составной частью звукосочетания *-al* в *salle* «зал», составной частью [o] в слове *scieur* «печать» и т. д.

Различие между конститутивной единицей и интегрантной тесно связано с отношением между формой и смыслом. Бенвенист отмечает, что попытки исключить значение из анализа не приводят ни к какой цели. Когда мы разлагаем единицы на конститутивные элементы, мы получаем формальные элементы, так как простой анализ единицы автоматически не дает других единиц. Чтобы распознать в этих конститутивных элементах единицы другого уровня, необходимо произвести обратную операцию и определить, выполняют ли эти единицы функцию интегрантов на более высоком уровне.

Форма лингвистической единицы определяется Бенвенистом как способность разлагаться на конститутивные элементы низшего уровня. Смысл лингвистической единицы определяется как ее способность быть составной частью единицы высшего уровня. Форма и смысл неразделимы в процессе функционирования языка. Вместе с тем Бенвенист напоминает, что существует и другой аспект понятия смысла, заключающийся в определенных отношениях языка к внешнему миру. Это отношение следует называть обозначением.

Фразовый уровень является последним уровнем лингвистического анализа. Фраза не может быть интегрантом какой-либо единицы более высокого уровня. Интегративные функции выражаются здесь в предикативной функции и переносят нас на категорематический уровень. Предикат — основной признак фразы, но он не является ее единицей. Фраза не образует формального класса, объединяющего фраземы. Все типы фраз могут быть сведены к предикативному

предложению. Число фраз бесконечно. Фонемы, морфемы и слова лексемы на соответствующем уровне имеют дистрибуцию и употребление на высшем. Фразы не имеют ни того, ни другого. Фраза — образование неопределенное, варьирующееся без ограничения. Это сама жизнь языка в действии. С фразой мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в другой мир, в мир языка как средства общения, выражением которого является сама речь.

А. Мартине в докладе «Структурные изменения в языке» отмечает, что термин «изменение» обозначает как сам процесс (изменение структуры языка во времени), так и его результат, связанный с возникновением географических и социальных вариантов языка. Отсюда следует, что лингвистическое изменение, т. е. изменение во времени, трудно понять без учета изменения в пространстве, поскольку изменение структуры языка в пространстве является результатом изменения структуры языка во времени.

Структурное изменение несомненно может быть понято как изменение в самой структуре языка, независимо от того, понимается ли это изменение как процесс или как результат. В этом случае изучение структурных изменений будет чисто описательным — описанием того, что происходило в ходе данного процесса, или описанием различий между тем, что было и что есть в настоящее время. Однако структурное изменение может рассматриваться и как изменение, обусловленное изменением самой структуры.

А. Мартине не отрицает роли внешних факторов, способных вызвать значительные изменения в структуре языка. Внешние импульсы могут иметь ряд следствий, и лингвист, конечно, может все это изучить и вскрыть последовательность всех этих изменений. Но если следствия начального импульса дают знать себя на протяжении столетий и даже тысячелетий (причем они перекрещиваются с следствием других импульсов и взаимодействуют с ними, испытывая одновременные различные соположения), то лингвист вряд ли будет в состоянии проследить всю цепь этих причин и следствий от начала до конца, не прибегая к бесплодным гипотезам.

Можно вполне удовлетвориться, если удастся объяснить отдельное изменение как нормальное развитие цепи лингвистических явлений и определить его как один из факторов, способных вызвать другое отдельное изменение. Вместе с тем А. Мартине отмечает: несмотря на то, что большинство ученых согласно с применением термина «структура» в отношении к языку, они расходятся в понимании самой сущности этого термина. Одни лингвисты под структурой понимают искусственно созданную схему или модель, облегчающую объяснение меха-

низма языкового общения. Такие лингвисты не склонны искать структуру в самом языке. Другие, наоборот, утверждают, что структура существует в самом языке. Модели и парадигмы являются двухмерными отображениями реально существующих отношений языковых данностей. Некоторые отождествляют структуру с дистрибуционными ограничениями: лингвистические единицы (как низшие, так и высшие) обычно привлекаются из определенных расстановок. Те единицы, которые появляются в данной расстановке, образуют отдельный класс. Структура языка представляется как сеть отношений между различными классами. Отношения между единицами одного класса не включаются в структуру языка. Есть и такие ученые, которые парадигматические отношения считают не менее важными, чем отношения синтагматические.

Особо останавливается Мартине на проблеме выбора единиц. Единицы, находящиеся в оппозиции, т. е. принадлежащие к одному классу, являются теми единицами, которые должен выбрать говорящий для цели своего сообщения. Утверждение о том, что сказанное содержит столько единиц, сколько будет выбрано говорящим языковых данностей, подтверждается методом коммутации. Число единиц, из которых говорящему предстоит сделать выбор, можно считать конститутивной чертой лингвистической структуры.

Сохранение класса зависит от сохранения оппозиций между отдельными членами этого класса. Сохранение или исчезновение оппозиций в процессе исторического развития в сильной степени зависит от субстанциональной природы различий между единицами. Поэтому структуралист не может быть безразличным к природе субстанциональных признаков, различающих единицы одного и того же класса. Способность класса принимать в свой состав новые единицы находится в большой зависимости от особенностей его внутренней организации. Единицы одного класса также образуют своеобразную структуру, так называемую парадигматическую, отличающуюся от синтагматической. Оказавшееся изменение не влияет на структуру. Постоянное изменение, вызванное внешними факторами, может привести к изменению структуры. Внутреннее изменение, являющееся результатом парадигматического или синтагматического давления, должно рассматриваться как структурное изменение.

Большое место в докладе А. Мартине было уделено вопросу о внешних изменениях и собственной структуре языка. Изменение сигнификативных единиц осложняется тем, что оно захватывает или внешние формы этих единиц, или вообще число их в данном классе, или взаимные

смысловые единицы как в высказывании, так и внутри самого класса. Если речь идет об изменении внешней формы сигнификативных единиц, то необходимо различать варианты, представляющие результат регулярного изменения данного образца, от других вариантов, обычно называемых изменениями по аналогии. Изменения по аналогии также должны учитываться, и в подобных случаях следует прибегать к описанию так называемого алломорфного изменения.

Если мы начинаем анализ высказывания с выделения минимальных значимых единиц, называемых морфемами или монемами, и не выделяем какой-либо другой единицы между ними и предложением, то единственное значение, которое можно придать морфологии, — это изучение синхронного варьирования формы сигнификативных единиц, иными словами — это инвентаризация алломорф каждой морфемы и определение направленности их дистрибуции. Явления, которые описывает морфология языка, представляют лишь маргинальные аспекты реальной структуры языка. Это явление многим может показаться парадоксальным, поскольку попытки типологического изучения языков основываются на описании их морфологических особенностей. Мартине критикует традиционное понятие изоляции, агглютинации и флексии, поскольку оно основывается на единственном критерии — степени формальной спаянности (неотделимости) минимальных сигнификативных единиц в речи.

Ограничения в отношении возможности или невозможности вставки каких-либо морфем где-либо в речевом потоке на первый взгляд, как будто бы, влияют на изменение языковой структуры. Но то, что имеет значение в синтаксисе, не определяет возможности или невозможности вставки нового сегмента в данный момент в речи. Для высказывания важно лишь использование какой-либо единицы в любом месте в целях изменения эффекта сообщения, независимо от того, представляет ли данная единица изолированный сегмент или слитное образование. В этом состоит основное различие между дифференциальными и сигнификативными единицами. У дифференциальных единиц релевантным является порядок следования, что дает возможность отличить одно слово от другого. У сигнификативных единиц порядок их следования может быть релевантным, но может и не быть. Сам способ комбинирования сигнификативных единиц менее важен для структуры языка, чем количество единиц в данном классе и взаимоотношение между этими единицами. Это, конечно, не означает, что варьирование форм различных типов не играет никакой роли в создании основных структурных моделей.

Здесь важно иметь в виду различные планы, выделенные в результате попыток усовершенствования лингвистического анализа, произведенных в последние десятилетия.

Большой интерес у аудитории вызвал также доклад Н. Хомского «Логические основы лингвистической теории». Лингвистический опыт, замечает Хомский, ясно показывает, что говорящий в каждом отдельном случае может создавать новое предложение и слушающий может его без затруднения понять, хотя само по себе оно является новым. Класс таких предложений настолько обширен, что мы можем считать его бесконечным. Говорящий не только воспроизводит минимум заученных им на память типов предложений, но и создает их заново. Теория языка, игнорирующая этот творческий аспект языка, не заслуживает особого внимания. Грамматика языка есть механизм, определяющий бесконечный набор правильно образованных предложений. Такой механизм можно было бы назвать порождающей грамматикой, чтобы отличить ее от дескриптивной, которая просто дает инвентарь элементов и их контекстуальные варианты. Порождающая грамматика включает в себя синтаксический и фонологический компоненты. Она определяет примерно то, что Ф. де Соссюр называет языком.

Далее в докладе дается анализ двух «конфликтующих» между собой моделей порождающей грамматики. Первую из них, опирающуюся на грамматическую модель современной структурной лингвистики, можно было бы назвать таксономической моделью. Вторая модель определяется как трансформационная. Она ближе к традиционной грамматике. Таксономическая модель использует главным образом методы сегментации высказывания и классификацию полученных элементов, а также устанавливает их синтагматическую и парадигматическую дистрибуцию. Таксономическая модель более проста, конкретна и более атомистична по сравнению с трансформационной моделью.

Трансформационная модель отличается большей сложностью. Ее синтаксический компонент включает два раздела или субкомпонента. Первый содержит упорядоченное описание частей, из которых состоит высказывание, второй — частично упорядоченный набор сложных операций, называемых грамматическими трансформациями. Порождающая грамматика не есть формализованная модель традиционной грамматики. Последняя опирается главным образом на интуицию говорящего, который сам должен делать выводы из примеров и списков исключений. Заложенные в языке регулярности не получают в такого рода грамматике исчерпывающей формулировки. Порождающая грамматика отличается и от

сосюрковского langue, который Соссюр понимал как набор знаков с их грамматическими свойствами, т. е. набор словоподобных элементов, устойчивых сочетаний и ограниченного числа предложений.

Н. Хомский обвиняет современную лингвистику в том, что она, находясь в известной степени под влиянием де Соссюра, занимается системами элементов, но не системой правил и не уделяет должного внимания творческому аспекту языка. По мнению Хомского, даже не представляется возможным правильно выбрать инвентарь элементов, если исследователь не обращается к принципам построения предложений в языке. Он оспаривает некоторые суждения о трансформационной грамматике, как о своеобразной разновидности инженерного искусства, а также утверждения о том, что эта грамматика является результатом попыток использования счетно-электронных машин для тех или иных целей. Много места в докладе Хомского уделено рассмотрению уровней последовательности грамматического описания. Довольно подробно рассматриваются такие проблемы, как степени адекватности в фонологии, степени адекватности в синтаксисе, степени адекватности в семантике, объективность лингвистических данных, природа грамматических описаний и т. д.

Заключительный раздел доклада содержит замечание о моделях восприятия и усвоения. Учет этих моментов сыграл огромную роль в определении курса развития лингвистической теории, однако по-

нимание этих аспектов было слишком узким и конкретным и никогда не проникло в созидательный механизм употребления языка. Хомский считает, что современные теории порождающей трансформационной грамматики создают основу для расширения и углубления нашего понимания лингвистической структуры; необходимо выйти за рамки современной таксономической лингвистики и породившего ее узкого эмпиризма.

Остальные доклады, тематика которых была необычайно разнообразной, были прочитаны на заседаниях группы (group meetings) и заседаниях секций (section meetings). Заседания групп и заседания секций были организованы по тематическому признаку, например: лингвистическая теория, теория синтаксиса, язык и поведение, теория морфологии, диалекты и диалектология, языковые контакты, языковые семьи, фонологическое описание языка, языковые универсалии, математическая лингвистика, ономастика, стилистика и т. д. Была организована специальная китайская секция. Если доклады было трудно объединить по тематическому признаку, они зачитывались на заседаниях групп, носивших название «varia». В вечернее время иногда ставились доклады с демонстрацией диапозитивов, например доклад на тему о машинном переводе, о синтезе и анализе речи и т. д. Более подробная характеристика этих докладов заставила бы выйти далеко за рамки этого краткого обзора.

Б. А. Серебренников

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

С 20 по 23 июня 1962 г. в Нальчике проходила Объединенная научная сессия Института языкознания АН СССР и Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, посвященная проблемам чашей речи и сложного предложения в кабардино-черкесском, карачаево-балкарском и других языках народов Северного Кавказа и Дагестана. Сессию открыл вступительным словом Председатель Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР А. Н. Ахохов, приветствовавший участников сессии от имени Кабардино-Балкарского областного комитета партии, Президиума Верховного Совета и Совета Министров республики. Он подчеркнул большое значение сессии, на повестке дня которой поставлены важные вопросы, связанные с указаниями исторического XXII съезда КПСС. Тов. А. Н. Ахохов вкратце остановился на задачах в области изучения кабардино-черкесского и карачаево-балкарского языков и пожелал сессии успешной работы.

На пленарном заседании было заслушано два доклада: «О роли русского языка как языка межнационального общения народов СССР и некоторые вопросы развития и функционирования языков народов Северного Кавказа и Дагестана», подготовленный Ю. Д. Дешеревым, М. И. Исаевым, М. А. Кумаховым, С. М. Хайдаковым, Б. М. Кардановым, Т. Х. Куашевой, А. М. Аппаевым, и «О принципах составления описательных грамматик» — члена-корр. АН СССР Б. А. Серебренникова. В докладах подчеркивалось, что в советскую эпоху — эпоху дальнейшего сближения, взаимного обогащения наций и их культур — исключительное значение приобретает социологический аспект изучения языков. На повестку дня поставлены новые лингвистические проблемы, успешное решение которых возможно лишь на базе глубокого изучения закономерностей развития и функционирования языков народов

Советского Союза. Последовательное проведение в жизнь ленинской-национальной политики и развитие литературных языков народов СССР обусловили необходимость составления грамматик. Составители грамматик столкнулись с рядом трудностей, связанных со специфическими особенностями грамматического строя языков народов СССР. Составление грамматик национальных языков осуществлялось в основном тремя путями: 1) использование опыта предшественников, 2) уподобление особенностям грамматического строя национальных языков грамматическим особенностям русского языка и 3) истолкование специфических явлений национальных языков в зависимости от взглядов составителей грамматик. Принципы составления грамматик неоднократно менялись. В современном языкознании применяются два основных принципа создания описательных грамматик — традиционными методами и создание так называемых структурных грамматик.

На секции иберийско-кавказских языков было заслушано 10 докладов: «О частях речи в кабардино-черкесском языке» Б. Х. Балкарова, «Основные вопросы спряжения в кабардинском языке» Г. В. Рогавы, «Основные принципы разработки и унификации лингвистической терминологии в кабардино-черкесском языке» Т. Х. Куашевой, «О сложноподчиненном предложении в дагестанских языках» Г. Б. Муркелинского, «Сложноподчиненные предложения в лакском и арчинском языках» С. М. Хайдакова, «Части речи в кабардино-черкесском языке» Х. У. Эльбердова, «О месте словообразования в описательной грамматике» (на материале адыгских языков) М. А. Кумарова, «О критериях выделения глагольных категорий в кабардино-черкесском языке» К. Т. Мамрешева, «Проблема сложноподчиненного предложения в кабардино-черкесском языке» М. Л. Абитова, «К проблеме сложноподчиненного предложения в кабардинском языке» А. К. Шагирова.

А. М. Гукмух, Х. У. Эльбердов, У. С. Зекох, С. Е. Крючков, принявшие участие в развернувшейся по докладам на секции иберийско-кавказских языков дискуссии, свои выступления посвятили главным образом проблеме придаточного предложения. Г. В. Рогава остановился на вопросе выделения частей речи, а также возражал против решения проблемы придаточного предложения, предлагаемого М. Л. Абитовым. Арн. Ст. Чикобава в своем выступлении призвал при решении проблемы частей речи исходить из специфики данного конкретного языка. Эту же мысль проводил С. Г. Бархударов, кото-

рый говорил о необходимости изучения языков новыми методами.

На секции тюркских языков было заслушано 6 докладов: «К семантической природе существительного в тюркских языках» Э. В. Севортяна, «К вопросу о склонении имени существительного в карачаево-балкарском языке» А. Ю. Бозиева, «Вопросы развития грамматических способов, выражающих подчинительные отношения в сложном предложении тюркских языков» Н. З. Гаджиевой, «О сложноподчиненном предложении карачаево-балкарского языка» У. Б. Алиева, «Проблема придаточных предложений в карачаево-балкарском языке» А. Х. Соттаева, «О диалектной базе карачаево-балкарского литературного языка» А. М. Аппаева.

В прениях на секции тюркских языков приняли участие Б. А. Серебряников, Б. А. Алборов, Н. А. Баскаков, У. Ч. Алиев, С. О. Шахмурзаев, Х. Б. Уянаев, А. З. Малкандуев, И. Х. Урусбиев, Э. В. Севортян, М. З. Вагапова, А. М. Малкандуев, А. Ю. Бозиев, А. Х. Соттаев, А. М. Аппаев, К. Ш. Кулиев, М. М. Цопаев, М. Ч. Шаваяева. На заключительном пленарном заседании научной сессии выступили К. Е. Гагкаев, М. Л. Аппажев, А. Х. Соттаев, А. Ж. Будаев, А. К. Шагиров, К. Ш. Кулиев, М. А. Кульбаев.

В принятых рекомендациях сессия заявила о своей поддержке деятельности Научного совета при Академии наук СССР по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций»; в рекомендациях перечисляются конкретные задачи в области изучения языков Северного Кавказа и Дагестана, в числе которых — проблема изучения влияния русского языка на развитие указанных языков, процессы образования общего лексического фонда в языках советских народов и др.

А. Ю. Бозиев (Нальчик), М. И. Исаев (Москва), К. Т. Мамрешев (Нальчик)

25—28 сентября в Ужгороде проходила V Украинская республиканская славистическая конференция, созданная по инициативе Ужгородского университета и Украинского комитета славистов. На конференции работало пять секций: 1) общеславянского языкознания и зарубежных славянских языков, 2) восточнославянских языков, 3) литературоведения, 4) фольклора и 5) истории.

В работе двух лингвистических секций приняли участие около 100 работников учебных и научных заведений Украины, в том числе Института языковед-

дения им. А. А. Потемкина АН УССР, Института общественных наук Львовского филиала АН УССР, работники вузов Киева, Харькова, Одессы, Днепропетровска, Черновиц, Запорожья, Дрогобыча, Винницы, Ровно, а также ученые Москвы, Ленинграда, Минска, Ростова-на-Дону, Самарканда, Фрунзе и других научных центров СССР.

На секции общеславянского языкознания и зарубежных славянских языков (руководитель И. А. Дзендзелевский — Ужгород) заслушано и обсуждено 18 докладов и сообщений. В. Т. Скляренок (Одесса) в сообщении «Акутовая интонация общеславянского языка и ее рефлексы в отдельных славянских языках» говорил о характере рефлексов акутовой интонации в сербскохорватском, словенском, чешском, восточнославянских языках. По его мнению, акутовая интонация и в общиндоевропейском, и в общеславянском языках-основах охватывала два слога: на первом из них тон поднимался, а на следующем падал, причем тоническая вершина находилась на первом, а экспираторная — на втором из них. Выходит, что передвижения ударения в штокавском диалекте сербскохорватского языка не было. В. К. Журавлев (Минск) в своем докладе «К фонологической интерпретации так называемого закона открытых слогов в славянских языках» пришел к заключению, что закон открытых слогов — это результат более раннего процесса группирования не фонем, а группифонем. Выступившие потом А. Н. Савченко (Ростов-на-Дону), А. Е. Супрун (Фрунзе) дали положительную оценку этому докладу. Ф. М. Возный (Львов) в сообщении «Глаголы с суффиксом *-ea-* в славянских языках» поделился своими наблюдениями, касающимися словообразовательных функций, продуктивности в современных славянских языках и происхождения славянского глагольного суффикса *-ea-*. Л. И. Ройзензон (Самарканд) отметил синтезирующий характер этого сообщения.

А. Н. Савченко выступил с докладом «Славянские и балтийские личные местоимения и их отношение к местоимениям в других индоевропейских языках». Исходя из анализа основ косвенных падежей личных местоимений, докладчик приходит к выводу, что балтославянская группа языков ближе к восточным (индо-иранские, греческий, армянский и др.) языкам, чем к языкам германским. В. В. Мартынов (Минск) поддержал высказанную докладчиком мысль о балтославяно-германской общности, как о явлении более позднем, и указал на актуальность разработки подобных проблем, имеющих значение для осветления диалектного де-

ления общиндоевропейского языка.

Вопросам, связанным с числительными, были посвящены доклад А. Е. Супруна «Числительные и грамматическое число в славянских языках» и сообщение Т. Б. Лукиновой (Киев) «Из наблюдений над словообразованием числительных в славянских языках». А. И. Багмут (Киев) выступила с сообщением «Образование абстрактных существительных с суффиксами *-stvo*, *-stvje* в славянских языках». Интересным было сообщение В. В. Мартынова «Готославянские взаимопроникновения», в котором ставился вопрос о внесении некоторых коррективов в методику изучения готославянских лексических взаимопроникновений.

Серболужицкая тематика была представлена докладом И. И. Ковалика (Львов) «Сравнительная характеристика словообразования протранслехских названий в современных лужицких языках» и сообщением Л. И. Ройзензона «О языке „Нового закона“ М. Френделя (1670 г.)». Доклад «Предикативные конструкции на месте косвенных падежей в словацком языке» сделал М. В. Симулик (Ужгород). Оценив положительно этот доклад, Л. И. Ройзензон напомнил, что конструкции типа *učí sa na *bovdášku**, которые автор считает венгерскими, возможны и в других славянских языках (ср. русск. *учиться на врача*).

Докладу Б. А. Ларина (Ленинград) «О признаках семантической архаики» дали высокую оценку Я. А. Спринчак (Днепропетровск) и другие выступавшие. Г. А. Лилич (Ленинград) выступила с сообщением «К вопросу об источниках русских лексических заимствований в чешском языке». В. В. Нимчук (Киев) в своем сообщении «Вопрос о связи закарпатских украинских говоров с южнославянскими языками» привел ряд интересных данных, пополняющих уже имеющиеся определенное количество фактов, относящихся к поднятому вопросу. Выступавшие И. А. Дзендзелевский, Л. И. Ройзензон и К. И. Галас (Ужгород), отметив полезность приведенных докладчиком фактов, указали в то же время на ряд трудностей, связанных с этой проблемой, и прежде всего на вопрос хронологизации. В. Л. Веренич (Минск) свое сообщение «Задачи изучения польских говоров на территории СССР» посвятил вопросу о довольно значительном количестве польских говоров у нас и о практических мерах по изучению их нашими учеными. Доклад И. А. Дзендзелевского был на тему «Лексические данные о восточных славянах в Закарпатье до X ст.». Кроме того, А. М. Рот (Ужгород) выступил с докладом «О морфологической

ассимиляции русских неологизмов советской эпохи в языках стран народной демократии», а В. И. Масальский (Киев) сделал сообщение на тему «Славянское языкознание в Киевском университете».

На заседаниях секции восточнославянских языков (руководитель К. К. Целуйко — Киев) было прочитано 20 докладов и сообщений. Большинство из них было посвящено вопросам соотношения и взаимосвязей современных украинского, русского и белорусского языков, отдельным вопросам их истории и периодизации. Я. А. Сприичак в докладе «Из истории безличных предложений с глагольным сказуемым в восточнославянских языках» выделил семь структурных типов безличных предложений по способу выражения сказуемого, обозначенного глагольными формами. В докладе Е. А. Охомуш, А. Т. Сизько (Днепропетровск) «К истории суффиксального словообразования притяжательных прилагательных в восточнославянских языках» прослежена продуктивность словообразовательных типов притяжательных прилагательных в различные эпохи истории украинского, русского и белорусского языков. Выступающие указывали, что к вопросу словообразования нужно подходить с диакронных позиций (Л. Л. Гумецкая — Львов), а судить о продуктивности притяжательных прилагательных на материалах одних только словарей рискованно (П. П. Чучка — Ужгород).

Г. А. Шелюто (Ужгород) в сообщении «Подвижное ударение в именах с былыми основами на -а- (-ja) на восточнославянской почве» указывает, что подвижное ударение в русском языке сохраняется главным образом в северном наречии, в украинском языке оно ограничено, а в белорусском почти полностью утрачено. В докладе «К причинному употреблению предлогов *ради* и *для* с родительным падежом в восточнославянских языках» Г. С. Токарь (Киев) прослеживает причины отмирания этих конструкций. С докладом «Структурно-синтаксические модели словосочетаний (на материале восточнославянских языков)» выступил Г. М. Удовиченко (Киев). Ю. К. Стехин (Днепропетровск) прочитал доклад на тему «К вопросу о причинах изменений в глагольном управлении (на материале русского и украинского языков)».

Значительный интерес вызвало сообщение С. С. Волкова (Ленинград) «Неопубликованная статья академика Б. М. Лянунова „Древнейшие взаимосвязи русского и украинского языков и некоторые выводы о времени их возникновения как отдельных лингвистических групп“». В этой работе, отметил докладчик, покойный академик на основании

детального анализа литературы и источников пришел к выводу, что об украинском языке можно говорить не ранее середины XII в. Выступившие в прениях Б. А. Ларин, В. К. Журавлев и А. А. Москаленко (Одесса) говорили о том, что такая хронология действительна только для литературного, т. е. книжного языка, поскольку нам известны лишь язык письменных памятников; что же касается языка разговорного, то в нем диалектные отличия существовали, наверное, и раньше. П. П. Плющ (Киев), Я. А. Сприичак и др. указывали на необходимость издания этой статьи Б. М. Лянунова. П. П. Плющ в докладе «Из наблюдений над языком Пересопницкого евангелия» остановился на некоторых особенностях этого памятника украинского языка XVI в.

Оживленную дискуссию вызвал доклад А. А. Москаленко «О периодизации истории украинского литературного языка». Он предложил выделить четыре основных периода в истории украинского литературного языка: письменно-литературный язык украинской народности (XIV в. — первая половина XVII в.), письменно-литературный язык периода становления украинской буржуазной нации (вторая половина XVII в. — конец XVIII в.), литературный язык украинской буржуазной нации (конец XVIII в. — начало XX в., до Октября), литературный язык украинской социалистической нации. Выступившая в прениях Л. Л. Гумецкая указала, что при периодизации нужно учитывать все жанры языка. С. Ф. Бевзенко (Одесса) указал, что А. А. Москаленко без оснований не включает в периодизацию украинского литературного языка период, предшествовавший XIV в. П. П. Плющ выступил против утверждения А. А. Москаленко, будто украинский литературный язык на всех этапах своего развития имел одну и ту же диалектную базу. Как и некоторые другие, принимавшие участие в дискуссии, П. П. Плющ считает периодизацию А. А. Москаленко не лингвистической, а социологической.

Вопросам ономастики были посвящены шесть докладов и сообщений секции: К. К. Целуйко «Словообразовательные типы гидронимов бассейна р. Самары», С. Ф. Бевзенко «Из истории украинской антропонимстики» (на материале козацких реестров 1646 г. Киевского и Белоцерковского полков), Л. Л. Гумецкой «Личные названия литовского происхождения в украинских грамотах XIV—XV вв.», З. Г. Николаенко (Ужгород) «Морфолого-синтаксический способ образования фамилий на Закарпатье», И. Д. Сухомлина (Днепропетровск) «Из наблюдений над этимологией

украинских фамилий» и П. П. Чучки «Словообразовательные типы женских прозвищ в говорах Закарпатья».

Специальным вопросам украинского языка были посвящены доклады Л. М. Коць (Львов) «Средства выражения условного и желательного значений непрямой модальности в украинском языке», Г. Д. Гричишина (Львов) «Синонимика имен существительных в украинских памятниках XIV—XV ст.» и М. И. Онышкевича (Львов) «Полонизмы, диалектизмы и их комментирование в 20-томнике И. Франко», получившие положительную оценку со стороны выступавших. Диалектологическая проблематика была предметом докладов М. М. Онышкевича «Формы творительного падежа единственного числа в говорах западных областей УССР» и П. Н. Лизанца (Ужгород) «Особенности грамматического строя говоров двух населенных пунктов Пинского района Брестской области БССР». В обсуждении докладов, прочитанных на секции, приняли участие Б. А. Ларин, В. И. Масальский, М. П. Ивченко (Ровно), А. М. Рот, Г. Ф. Шило (Дрогобыч), В. К. Журавлев и др. — всего 30 человек.

Подводя итоги работы секций, И. А. Дзедзелевский и К. К. Целуйко отметили значительное возрастание интереса к славистическим исследованиям на Украине, повышение их качества, что, в частности, показала и данная конференция. На заключительном пленарном заседании было решено провести VI международную славистическую республиканскую конференцию в 1964 г. в городе Черновцы.

К. И. Галас, П. П. Чучка (Ужгород)

Со 2 по 5 октября 1962 г. в Москве проходил расширенный пленум Международного комитета славистов (МКС), призванный окончательно определить тематику и профиль предстоящего Международного съезда славистов (София, сентябрь 1963 г.). На пленум прибыло более 30 зарубежных членов Международного комитета славистов и национальных делегатов, в их числе: от Австрии — профессора Р. Ягодич, И. Хамм, от Болгарии — профессора В. Георгиев, Э. Георгиев, П. Диневков, И. Левков, Ст. Стойков, от Великобритании — проф. С. А. Коновалов, от Венгрии — проф. И. Книжа, от Голландии — проф. К. Л. Эбелинг, от ГДР — проф. Б. Г. Бильфельдт и докт. Г. Грасгоф, от Дании — проф. А. Стендер-Петерсен, от Италии — проф. Р. Пиккио, от Норвегии — проф. Х. Станг, от Польши — профессора Т. Лер-Славинский, В. Дорошевский, З. Штибер, от Румынии — профессора Э. Петрович, М. Но-

виков, от США — профессора Р. О. Якобсон, В. Эджертон и докт. Д. Уорт, от Финляндии — проф. И. С. Вакхрос, от Франции — проф. А. Мазон, от ФРГ — профессора М. Браун, Э. Копшмидер, от Чехословакии — профессора Б. Гавранек, Я. Белич, докт. С. Вольман, от Югославии — профессора Й. Бадалич, Й. Вукович, Б. Конески, Б. Крефт, Р. Лалич. СССР представляли члены МКС: профессора В. В. Виноградов, В. И. Борковский, Б. А. Рыбаков и члены секретариата МКС А. Н. Робинсон и Н. И. Толстой. Кроме того, от СССР участие в совещании приняли председатели и члены международных комиссий МКС: профессора Р. И. Авансов, М. П. Алексеев, П. Н. Берков, Н. К. Гудзий, Д. С. Лихачев, М. Б. Храпченко, А. Б. Шапиро; делегации Украинского комитета славистов во главе с проф. И. К. Белодедом и Белорусского комитета славистов во главе с М. Р. Судником; представители МГУ: профессора А. И. Ефимов, Т. П. Ломтев и др.; ЛГУ: профессора Б. А. Ларин, Ф. П. Филин; Литов. АН: проф. К. П. Корсакас и ряд других видных советских славистов.

Участников пленума от имени Президиума АН СССР приветствовал вице-президент АН СССР акад. П. Н. Федосеев. Со вступительным словом выступил председатель Советского комитета славистов В. В. Виноградов, а с докладом на тему «О программе пленума МКС» — председатель МКС В. И. Георгиев. В. И. Георгиев предложил вниманию членов МКС также доклад «О подготовке к V Международному съезду славистов в Софии», в котором он сообщил о необычайно активном интересе славистов всех стран к предстоящему конгрессу, о том, что уже поступило более 800 заявок на доклады и сообщения от национальных комитетов и отдельных лиц, о сдаче в печать двух сборников ответов на вопросы и сборников статей к съезду, о подготовительных мероприятиях, проведенных Болгарским комитетом славистов. Затем с сообщениями о подготовке к съезду выступили главы делегаций стран, представленных в МКС. Из их информации стало ясно, что повсюду ведется планомерная работа по предварительной публикации докладов и материалов к съезду, по изысканию средств для финансирования командировок и т. п.

Половина второго и третий день совещания были посвящены обсуждению заявки на доклады и проекта Устава МКС. Согласно проекту Устава, несколько изменятся принципы представительства от стран, входящих в МКС, в котором славянские страны и страны, где славистика развита достаточно сильно, будут иметь большее число представителей. В состав МКС приняты представители от

УССР — проф. М. Ф. Рыльский и от БССР — проф. К. К. Крапива. МКС обсудил также вопрос о своем вхождении в ЮНЕСКО. Московский расширенный пленум МКС, прошедший в деловой и дружественной обстановке, был последним перед предстоящим в текущем году в Софии V Международным славистическим съездом.

Н. Т.

С 16 по 20 октября 1962 г. в г. Киеве проходило второе республиканское совещание по ономастике (первое состоялось в декабре 1959 г. и было посвящено вопросам только топонимики¹); оно было организовано Институтом языковедения АН УССР и Украинской ономастической комиссией (председатель К. К. Целуйко). Республиканским это совещание было лишь по названию, по существу же в нем приняли участие представители 12 республик страны. Проблематика совещания была также чрезвычайно широкой и территориально не ограниченной Украинской республикой. На пленарных и секционных заседаниях было прочтано около 80 докладов² и, кроме того, был сделан ряд сообщений³. Участниками совещания были лингвисты, географы, историки, археологи, этнографы, фольклористы, краеведы — все те, из кого постепенно складываются кадры специалистов по ономастике. На совещании работали две секции: секция топонимики и секция гидронимики, антропонимики и этнонимики. Объединение столь разнородной тематики в второй секции было вызвано не принципиальными, а лишь организационными соображениями, продиктованными большой неравномерностью количества докладов по названным разделам ономастики. Поэтому проблематика совещания излагается в настоящем сообщении не по секциям, а соответственно с общепринятой классификацией разделов ономастики.

Основная часть докладов была посвящена различным вопросам топонимики (и в том числе гидронимики). Были предложены принципы классификации топонимов (на материалах Англии и Германии). Ставился вопрос о характере топонимического исследования. Темой некоторых докладов были топонимические

этимологии; в других выступлениях этимологический анализ составлял лишь один из аспектов исследования.

Многие из выступавших говорили о структурных типах топонимов; в одном из докладов специально рассматривался вопрос о словопроизводстве, связанном с народной этимологией топонимов при взаимодействии двух языков. Весьма интересными были сообщения, посвященные различным топонимическим типам (например, топонимам на *-поль*, на *-яни*; генитивным топонимам). В одних докладах рассматривались отдельные аспекты проблемы топонимики на материале той или иной территории, в других — в основу было положено региональное исследование топонимов или гидронимов (рассматривались, например, гидронимы бассейна той или иной реки или области). Специальный доклад был посвящен севернорусской субстратной топонимике и комплексному методу ее изучения (формантно-ареальный, структурно-фонетический и этимологический анализ). В одном из выступлений было продемонстрировано применение статистического метода при анализе топонимов.

Были приведены интересные данные о связях, существующих между отдельными ономастическими категориями, например между этнонимами и топонимами, между патронимическими именами и топонимами, а в пределах топонимики, например, между гидронимами и названиями поселений. Во многих докладах рассматривались различные аспекты связей имен собственных с апеллятивами. Был дан анализ этимологической структуры географических терминов. Был поставлен ряд вопросов, связанных с картографированием. Они имели два основных аспекта: создание топонимических атласов и отдельных топонимических карт в составе исследований и использование общих и специальных географических карт для топонимических наблюдений. Сообщалось также об опыте составления специальных географических карт (ботанических и ландшафтных) по данным топонимики.

Возможные формы взаимодействия и взаимопомощи между топонимикой и археологией были раскрыты на примере выяснения некоторых вопросов этноистории Волго-Окского междуречья, а в Молдавии — на примере исследования памятников военного зодчества в связи с их названиями. Участники совещания говорили о различных архивных материалах и фольклоре как источниках для топонимики.

Как и на первом топонимическом совещании, предметом споров были вопросы о наименовании новых городов и поселков и особенно о их переименованиях. Большинство выступавших на совещании категорически высказалось против дальнейшего допущения случаев

¹ Материалы первого совещания опубликованы в сб. «Питання топоніміки та ономастики», Київ, 1962.

² См. «Друга Республіканська ономастична нарада (Тези)», Київ, 1962.

³ Столь обширная программа заседаний не позволяет в настоящей информации дать даже простой перечень докладов и вынуждает ограничиться сообщением лишь об основных проблемах, обсуждавшихся на совещании.

ничем не обоснованных, ненужных переименований. Для Украины было принято решение просить правительственные органы УССР направлять на предварительное обсуждение Украинской ономастической комиссии все предложения о переименованиях и наименованиях новых населенных пунктов республики.

В специальных докладах обсуждались также вопросы транскрипции украинских названий на русском, а также на западно-европейских языках; был предложен проект унификации транскрипции восточно-славянских топонимов.

Значительным количеством докладов на совещании была представлена антропонимика. Особенно большое внимание было уделено украинским именам и прозвищам: словообразование, отдельные типы личных имен, становление системы имен, имена и прозвища отдельных областей Украины, география основных типов украинских и иноязычных имен и прозвищ, названия жителей по месту проживания или рождения — так как далеко не полный перечень тем по антропонимике, предложенных украинскими учеными.

О происхождении, структуре и значении личных имен и прозвищ для истории народов и для истории белорусского, казахского, лакского и туркменского языков говорили представители Белоруссии, Туркмении, Казахстана и специалист по лакскому языку. Была сделана попытка семантической классификации праславянских имен. На материале новгородских документов рассматривались вопросы образования древних русских отчеств и фамилий; был дан специальный анализ имени Гостята. Не был оставлен без внимания вопрос о значении исследований антропонимики для исторической грамматики и диалектологии, а также вопрос об истории изучения антропонимики в отечественной лингвистике.

Весьма скупо была представлена этно-

нимика: несколько этимологических изысканий об этнонимах славян (словени, вены, карбоны, сербы, гирваты, ровяичи, северяне); об этнонимах манси, вогул, остяк; о некоторых микроэтнонимах лакского народа и некоторые другие⁴.

Совещанию по ономастике было представлено два программных доклада. Первый — о развитии украинской ономастики, о ее проблемах и связи этих проблем с гуманитарными науками, о ее практических задачах, о базе, на основе которой развивается ономастика, и второй — об организации и методике научных исследований по ономастике в Советском Союзе, где рассматривались вопросы сбора материалов, создания картотек и словарей, публикации материалов и исследований.

Совещание было широкой трибуной для всех, кто в нашей стране работает в области ономастики. Оно выявило достижения и недостатки в ономастических работах, показало значительные различия в научном уровне исследователей, было своего рода школой, несмотря на то, что для обсуждения столь большого количества докладов времени было недостаточно. При подведении итогов совещания и определении задач дальнейшей работы были внесены предложения о проведении следующих совещаний: 1) по вопросам гидронимического атласа Украины и 25-томного справочника «Города и села Украинской ССР» (над которым начата работа в Архивном управлении при Совете Министров УССР); 2) в Молдавии по проблемам топонимии юго-западной части Советского Союза и 3) в Москве всесоюзного совещания по ономастике.

Н. В. Подольская (Москва)

⁴ Доклад об основных проблемах изучения этнонимии СССР, тезисы которого опубликованы, на совещании прочитаны не был.

Международные лингвистические съезды и конференции (1963—1964 гг.)

По сведениям периодического органа библиотеки конгресса «World list of future international meetings», II, Washington, 1962), в ближайшие два года намечается организация следующих международных съездов, конференций, симпозиумов и коллоквиумов лингвистов разных специальностей. Ниже приводится список этих мероприятий с указанием места проведения, даты, а также ответственных организаций и лиц:

Весна 1963 г. — Коллоквиум по славяноведению; Париж, Юнеско; заместитель генерального секретаря Ж. д'Ормессон, «Международный совет по философии» (France, Paris 16, Rue Franklin 6, Unesco House).

Май 1963 г. — III Международный съезд по переводу; Дубровник, Югославия, Международная федерация переводчиков (состоится совместно с IV съездом Международной федерации переводчиков); генеральный секретарь Международной федерации переводчиков И. Й. Ситроэм (Netherlands, Hilversum, Rembrand Haan, 47).

Май 1963 г. — IV съезд Международной федерации переводчиков; Дубровник. З. Горьян (Jugoslavia, Zagreb, Solovljeva 22/IV).

Июль 1963 г. — Ежегодный симпозиум Международной ассоциации по изучению французского языка; Париж; главный хранитель Национальной библиотеки

теки П. Жоссеран (France, Paris 2-e, Rue de Richelieu, 45).

1—8 августа 1963 г. — XXVI Междупаредный съезд востоковедов; Нью-Дели; Международный союз востоковедов, проф. д-р Х. Шеель (Deutschland, Mainz, 22 B, Gaustrasse, 104).

Август 1963 г. — XVIII Международный съезд по ономастике. Амстердам; Международный комитет по ономастике (Belgique, Louvain, E. van Ewenstraat, 10, Institut voor Naamkunde).

25 августа — 1 сентября, 1963 г. — IX съезд Международной федерации по современным языкам и литературам; Нью-Йорк; д-р С. Эстон (England, Cambridge, St. Catharine's College).

1963 г. — II Международный съезд по диалектологии; Мюнхен; Международный совет по философии и гуманитарным наукам (France, Paris 16-e, Rue Franklin, 6).

Сентябрь 1963 г. — V Международный съезд славистов; София; Болгарская Академия наук (София, ул. 7 Ноември, 1).

1963 г. или 1964 г. — Симпозиум по общему и сравнительному языкознанию (как часть празднований 600-летия Ягеллонского университета, сентябрь 1963 г. — 17 мая 1964 г.) Краков; проф. Е. Курилович (Polska, Krakow, UJ).

Март 1964 г. — Конференция по взаимоотношению между славянскими языками и литературами (как часть празднований 600-летия Ягеллонского университета, сентябрь 1963 г. — 17 мая 1964 г.) проф. В. Якубовский (Polska, Krakow, UJ).

Сентябрь 1964 г. — IV Международный съезд по классической филологии; Нью-Йорк или Филадельфия; Международная федерация обществ по классической филологии; Ж. Эрнст (France, Paris 14-e, avenue du Parc Montsouris, 11).

1964 г. — Всемирный съезд филологов; Филадельфия; Международная федерация обществ классической филологии, секретарь Ж. Эрнст (France, Paris 14-e, avenue du Parc Montsouris, 11).

B. M.

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ, БРОШЮРЫ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ

Информационный бюллетень ЮНЕСКО. — 1962, 118—121.

Ученые записки [Коми гос. пед. ин-та]. Кафедра русск. яз. — Сыктывкар. VIII — 1960. 124 стр. X — 1962. 228 стр.

А. А. Абрамян. Глагол в современном армянском языке. 1. Ереван, 1962. 730 стр. (на арм. яз.).

И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Современная и древняя ениссеика. Фрунзе, 1962. 250 стр.

Г. Джакьян. История языкознания. II. — Ереван, 1962. 604 стр. (на арм. яз.).

Ю. А. Карпенко. Топонимика и ее место в лексическом составе языка. — Черновцы, 1962. 24 стр. (на укр. яз.).

К. Попов. Современ български език. Синтаксис. — София, 1962. 356 стр.

Б. И. Скупский. Лекции по старославянскому языку. — Махачкала, 1962. 171 стр.

А. Усманов. Краткий словарь интернациональных слов. — Ташкент, 1962. 251 стр.; его же. Пропаганда русского языка просветителями Узбе-

кистана. — Ташкент, 1962. 84 стр.; его же. Ученый-просветитель о русском языке. [От. отг. из «Общественных наук в Узбекистане», 5, 1962.]. Стр. 22—31 [на узб. яз.].

Jezyk polski. XLII, 1962. 1—2. Стр. 1—160.

Romanoslavica. — București, 1962. VI — Filologie. 342 стр.

Studia slavica. VII, 4. — Budapest, 1961. 378 стр.

Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig. — 11 (1962). 3, 4. Стр. 445—884. [Als Manuskript gedruckt].

A. Martinet. A functional view of language. — Oxford, 1962. 166 стр.

K. Rédei. Die Postpositionen im Syrjänischen unter Berücksichtigung des Wotjakischen. — Budapest, 1962. 224 стр.

T. Slama-Czacu. Dialogul la copii. — [București]. 168 стр.

A. Zajączkowski. Le traité arabe *Muqaddima d'Abou-l-Lait as-Samarḳandī* en version *mamelouk-kiptchak* (Ms. Istanbul, Aya Sofya 1451). — Warszawa, 1962. 108 стр.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ
И ПРОДОЛЖАЮЩИХСЯ ИЗДАНИЙ, ПРИНЯТЫХ В ЖУРНАЛЕ
«ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

- ВЯ — «Вопросы языкознания»
 ВИ — «Вопросы истории»
 ВСЯ — «Вопросы славянского языкознания»
 ВФ — «Вопросы философии»
 ВДИ — «Вестник древней истории»
 ИАН ОЛЯ — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка»
 ИАН ОТН — «Известия АН СССР. Отделение технических наук»
 «Р. яз. в шк.» — «Русский язык в школе»
 «Ин. яз. в шк.» — «Иностранные языки в школе»
 ФЗ — «Филологические записки»
 РФВ — «Русский филологический вестник»
 ЖМНП — «Журнал министерства народного просвещения»
 ЗВО РАО — «Записки Восточного отделения русского археологического общества»
 ИОРЯС — «Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук/Росс. АН/АН СССР»
 СБНУ — «Сборник за народни умотворения»
 ADAW — «Abhandl. der Deutschen (Berliner) Akad. der Wissenschaften», Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst
 AfslPh — «Archiv für slavische Philologie»
 AGAW — «Abhandl. der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen»
 AL — «Acta linguistica»
 AO — «Archiv orientální»
 APAW — «Abhandl. der Preussischen Akad. der Wissenschaften», Philosoph.-hist. Klasse
 BPTJ — «Biuletyn Polskiego towarzystwa językoznawczego»
 BSLP — «Bulletin de la Société de linguistique de Paris»
 BCLC — «Bulletin du Cercle linguistique de Copenhague»
 BzNf — «Beiträge zur Namenforschung»
 IF — «Indogermanische Forschungen»
 ИЈ — «Indo-Iranian journal»
 IJAL — «International journal of American linguistics»
 JA — «Journ. asiatique»
 JASA — «Journ. of the Acoustical society of America»
 JEGPh — «Journ. of English and Germanic philology»
 JRAS — «Journ. of the Royal asiatic society»
 JRSS — «Journ. of the Royal statistical society»
 JSF — «Journ. de la Société finno-ougrienne»
 KZ — «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen», hrsg. von A. Kuhn
 PBB — «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», hrsg. von H. Paul und B. Brugmann
 PMLA — «Publications of the modern language association of America»
 RFG — «Revue des études grecques»
 RESI — «Revue des études slaves»
 RF — «Romanische Forschungen»
 RLR — «Revue de linguistique romane»
 RO — «Rocznik orientalistyczny»
 SaS — «Slovo a slovenost»
 SDAW — «Sitzungsberichte der Deutschen Akad. der Wissenschaften». Phil.-hist. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst
 SPAW — «Sitzungsberichte der Preussischen Akad. der Wissenschaften»
 Stud. or. — «Studia orientalia»
 SWAW — «Sitzungsberichte der Wiener Akad. der Wissenschaften»
 TCLC — «Travaux du Cercle linguistique de Copenhague»
 TCLP — «Travaux du Cercle linguistique de Prag»
 UAJB — «Ural-Altäische Jahrbücher»
 UJB — «Ungarische Jahrbücher»
 ZfceltPh — «Zeitschrift für celtische Philologie»
 ZfPh — «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft»
 ZIS — «Zeitschrift für Slavistik»
 ZislPh — «Zeitschrift für slavische Philologie»
 ZfomPh — «Zeitschrift für romanische Philologie»

Articles: M. V. P a n o v (Moscow). Some general trends in the development of the Russian literary language in the XX century; **Discussions:** P. I v i ĉ (Novy Sad). On the problem of linguistic terminology and conventional symbols in the Slavonic languages; N. I. T o l s t o j (Moscow). Contributions to the typological study of Slavonic word-stock; B. A. S e r e b r e n n i k o v (Moscow). On some causes of stability of the agglutinative linguistic structures; V. Y. R o z e n z w e i g (Moscow). On language-contacts; A tentative questionnaire to the Slavonic linguistic atlas; **Materials and notes:** N. N. P r o k o p o v i ĉ (Moscow). On the development of adjectival word-combinations in the Russian literary language of the XIX century; V. P. G u d k o v (Moscow). From the history of the Slavonic verbal aspect; W. M o t s c h (Berlin). On the relation between the spoken and written language; **From the history of linguistics:** From the unpublished linguistic heritage of E. D. Polivanov; E. D. P o l i v a n o v. A general principle of every poetic technique; **Applied and mathematical linguistics:** I. A. M e l ĉ u k (Moscow). On the standard form and quantitative characteristics of some linguistic descriptions; V. Z. S a n n i k o v (Moscow). The place of extended attribute in relation to the attributed word in the Russian sentence; **Critics and bibliography;** **Letters to the editorial-office:** R. G. P i o t r o v s k i j (Leningrad); L. S. B a r k h u d a r o v (Moscow); R. A. B u d a g o v (Moscow); **Scientific life:** B. A. S e r e b r e n n i k o v (Moscow). On the principal reports at the IX International linguistic congress.

S O M M A I R E

Articles: M. V. P a n o v (Moscou). Quelques tendances générales dans le développement du russe littéraire au XX siècle; **Discussions:** P. I v i ĉ (Novy Sad). Le problème de terminologie linguistique et de symboles conventionnelles dans les langues slaves; N. I. T o l s t o j (Moscou). Contribution à l'étude typologique du lexique slave; B. A. S e r e b r e n n i k o v (Moscou). Sur les causes de stabilité des systèmes agglutinatifs; V. Y. R o z e n z w e i g (Moscou). Sur les contacts linguistiques; Questionnaire provisoire à l'atlas linguistique slave; **Matériaux et notices:** N. N. P r o k o p o v i ĉ (Moscou). Développement des groupes de mots adjectivaux en russe littéraire du XIX siècle; V. P. G u d k o v (Moscou). De l'histoire de l'aspect verbal slave; W. M o t s c h (Berlin). Sur la relation entre la langue parlée et écrite; **De l'histoire de la linguistique:** Extraits des oeuvres non-publiées de E. D. Polivanov; E. D. P o l i v a n o v. Principe général de chaque technique poétique; **Linguistique appliquée et mathématique:** I. A. M e l ĉ u k (Moscou). Sur la forme standard et caractéristiques quantitatives de quelques descriptions linguistiques; V. Z. S a n n i k o v (Moscou). La place de l'attribut élargi par rapport au mot déterminé dans la proposition russe; **Critique et bibliographie;** **Lettres à la rédaction:** R. G. P i o t r o v s k i j (Léningrad); L. S. B a r k h u d a r o v (Moscou); R. A. B u d a g o v (Moscou); **Vie scientifique:** B. A. S e r e b r e n n i k o v (Moscou). Les principaux discours au IX Congrès International des linguistes.

Технический редактор Д. А. Фрейман-Крупенский

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Рукописи должны представляться в двух экземплярах, в совершенно готовом для печати виде, хорошо обработанные литературно и подписанные автором. И текст, и подстрочные примечания обязательно должны быть напечатаны на машинке через два интервала.

После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, домашний адрес, телефон.

2. Объем статьи не должен превышать 25 стр., объем рецензии — 15 стр. машинописи. Редакция заинтересована в получении кратких сообщений и заметок по конкретной тематике объемом до 15 стр. машинописи.

3. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам.

4. При ссылках (в тексте и сносках) необходимо придерживаться порядка: автор, название книги или статьи, название издания (для статьи), заключенное в кавычки, место издания, год издания, страницы. (Страницы, определяющие границы статьи в издании, указываются лишь в критико-библиографических обзорах.)

5. Все примеры на иностранных языках должны быть снабжены переводами. Примеры в журнале принято давать курсивом (подчеркивать в рукописи волнистой чертой), а значение их — в кавычках.

6. Непринятые рукописи, как правило, авторам не возвращаются.

7. Статьи, опубликованные или направленные в редакции других журналов, не принимаются (за исключением раздела «По страницам зарубежных журналов»).

РЕДКОЛЛЕГИЯ

*О. С. Ахманова, Н. А. Баскакэв, Е. А. Бокарев, В. В. Виноградов (главный редактор),
В. М. Жирмунский (зам. главного редактора), А. И. Ефимов,
Н. И. Конрад (зам. главного редактора), М. В. Панов, Г. Д. Санжеев,
В. А. Серебрянников, Н. И. Толстой (и. о. отв. секретаря редакции), А. С. Чикобава*

Адрес редакции: Москва, К-31, Кузнецкий мост, 9/10. Тел. Б 8-75-55

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГОД ИЗДАНИЯ

XII

1

~~ЯНУАРИЙ~~ — ФЕВРАЛЬ